

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮЛЬ
АВГУСТ **N4(135)**

МОСКВА 2021 ¹

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2021. № 4. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев; д.х.н.,
проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
член-корр. НАУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия);
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.ю.н. В.Ю. Стромов (Тамбов); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына,
О.Б. Лемешенок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.philh.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lsh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРЕЛЬ»» тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118 © «Философия хозяйства», 2021 ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2020

Содержание

Великие русские (<i>Главный редактор</i>).....	7
Раздел I. Ю.М. Осипов — 80	
<i>Ф.И. Гиренок</i> Философские уроки Ю.М. Осипова	11
<i>А.А. Погребняк</i> Ю.М. Осипов о нищете экономики (к 80-летию мыслителя)	14
<i>Г.Р. Наумова</i> Университетский юбилей	24
<i>В.С. Сизов</i> Экономист, отменивший экономику (об одной доктрине профессора Ю.М. Осипова)	41
<i>И.П. Смирнов</i> Чем мыслительная школа отличается от научной?	47
Раздел II. Экономическая теория	
<i>А.З. Новак</i> В поисках постковидных основ развития.....	57
<i>П.А. Покрытан</i> Трудовые отношения в период «пандемии»: региональные аспекты	68
<i>А.В. Кузнецов</i> Цифровизация как новый этап глобализации	76
<i>М.Л. Хазин</i> О проблемах распада долларového пространства и кластеризации мировой экономической системы	97
<i>Н.Г. Яковлева</i> Трансформация социально-экономических отношений в сфере образования: методологические аспекты	105
Раздел III. Актуальная философия	
<i>А.А. Калмыков</i> Хронотопология бренда уездного города (трансмедийная реконструкция).....	117
<i>Е.А. Осипова</i> Гуманитарные риски в трансмедийных бренд-коммуникациях	129

<i>С.В. Клягин</i>	
(Транс)медиа и радиус Шварцшильда человеческого	139
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Человек в петле технологического «гуманизма»	149
<i>А.Г. Корнеев</i>	
Язык визуальных образов в гуманитарных исследованиях	161
<i>Т.А. Иванова</i>	
Проблема цифрового постгендеризма	170
<i>М.Д. Горбачев</i>	
О воображаемом	180
<i>Е.С. Григорьева</i>	
«Человек ностальгирующий»: ретротопия в дискурсивном пространстве масс-медиа	189
 Раздел IV. Техногенез как генератор перемен	
<i>А.А. Гриценко</i>	
Техно-био-социо-психогенез	199
<i>М.А. Чирков, А.Л. Золкин, М.С. Чистяков, Д.И. Лукашина</i>	
Социальная инженерия как фактор способствования мошенническим действиям в цифровой сфере	216
<i>П.В. Павлов, Е.К. Защитина</i>	
Новые технологии в высшем образовании в период пандемии COVID-19: pros et cons	228
<i>А.А. Пугачев</i>	
Влияние коронакризиса на вектор развития налоговой политики государств	243
<i>Т.С. Сухина</i>	
Экология и цифровизация: вызовы времени	254
 Научная жизнь	
<i>Е.С. Зотова</i>	
Дискуссия памяти В.Т. Рязанова: от экономического либерализма к хозяйственному дирижизму	267
<i>Е.С. Зотова</i>	
Философия хозяйства в осмыслении глобальных перемен (дискуссия на конференции памяти А.Ю. Архипова)	285
Анонсы	293
Наши авторы	294

Contents

Great Russians (<i>Chief Editor</i>).....	7
Part I. Yu.M. Osipov — 80	
<i>F.I. Girenok</i>	
Philosophical Lessons of Professor Yu.M. Osipov	11
<i>A.A. Pogrebnyak</i>	
Yu.M. Osipov on the Poverty of the Economy (to the 80th Anniversary of the Thinker).....	14
<i>G.R. Naumova</i>	
University's Jubilee	24
<i>V.S. Sizov</i>	
The Economist Who Canceled the Economy (About a Doctrine of Professor Yu.M. Osipov)	41
<i>I.P. Smirnov</i>	
How Does the School of Thought Differ from the Scientific School?	47
Part II. Economic Theory	
<i>A.Z. Novak</i>	
In Search of a Post-Covidfoundation for Development.....	57
<i>P.A. Pokrytan</i>	
Employment Relationship During the Pandemic Period: Regional Aspects	68
<i>A.V. Kuznetsov</i>	
Digitalization as a New Stage of Globalization	76
<i>M.L. Khazin</i>	
About the Problems of the Collapse of the Dollar Space and Clustering of the World Economic System	97
<i>N.G. Yakovleva</i>	
Transformation of Socio-Economic Relations in the Field of Education: Methodological Aspects	105
Part III. Actual Philosophy	
<i>A.A. Kalmykov</i>	
Chronotopology of the County Town Brand (Transmedia Reconstruction).....	117
<i>E.A. Osipova</i>	
Humanitarian Risks in Transmedia Brand Communications.....	129

<i>S.V. Klyagin</i>	
Transmedia and «the Trans of Medium»: on the «Schwarzschild Radius» in Discovering of the Anthropological Phenomena.....	139
<i>N.B. Shulevsky</i>	
A Human in the Loop of Technological «Humanism».....	149
<i>A.G. Korneev</i>	
The Language of Visual Images in Humanities Research	161
<i>T.A. Ivanova</i>	
The Problem of Digital Postgenderism	170
<i>M.D. Gorbachev</i>	
On Imaginary.....	180
<i>E.S. Grigoryeva</i>	
«Nostalgic Man»: Retrotopia in the Discursive Space of the Mass Media.....	189
Part IV. Technogenesis as a Generator of Change	
<i>A.A. Gritsenko</i>	
Techno-Bio-Socio-Psychogenesis	199
<i>M.A. Chirkov, A.L. Zolkin, M.S. Chistyakov, D.I. Lukashina</i>	
Social Engineering as a Factor Contributing to Fraudulent Actions in the Digital Sphere.....	216
<i>P.V. Pavlov, E.K. Zashchitina</i>	
New Technologies in Higher Education During the COVID-19 Pandemic: Pros and Cons	228
<i>A.A. Pugachev</i>	
Influence of the COVID-Crisis on the Vector of State's Tax Policy Development	243
<i>T.S. Sukhina</i>	
Ecology and Digitalization: Challenges of the Time	
Scientific Life	
<i>E.S. Zotova</i>	
Discussion in Memory of V.T. Ryazanov: Economics among the Economy: from Economic Liberalism to Economic Dirigism	267
<i>E.S. Zotova</i>	
The Philosophy of Economy in Global Changes Understanding (Discussion at the Conference in Memory of A.Yu. Arkhipov)	285
Anounce	294
Our Authors	297

Великие русские

Разве могут быть вообще какие-то там великие русские, кроме разве Л. Толстого, Достоевского и Чехова, да еще и мыслители, словесники, писатели, да еще в XX в., вовсе не модернисты и не постмодернисты, а классики, продолжившие культурную классику XIX в., да не так по форме и стилю (что само собой), как по духу, а лучше бы сказать — по душе?!

Оказывается, могут быть, пусть и не слишком ныне замечаемые, не очень-то понимаемые, даже и немало отрицаемые — как раз более всего у себя же, на родине, но зато *какие* (!) — не очень-то, надо полагать, в особых признаниях со стороны вялых, недалеких и чуждебесных соотечественников и нуждающиеся!

О ком речь?

О двух, знаете ли, Булгаковых: Сергее Николаевиче (о. Сергии) — экономисте, философе, богослове, основоположнике философии хозяйства и одном из столпов русской софиологии XX в., которому ныне аккурат 150 лет со дня рождения, и Михаиле Афанасьевиче — писателе, писателе и еще раз писателе, однако писателе-мыслителе, да еще *каком* (!) мыслителе, которому аккурат в 2021 г. исполняется 130 лет со дня рождения.

Два Булгакова, два, так сказать, невольных юбиляра, творчество которых не прошло мимо творчества ученого сообщества, объединенного Центром общественных наук МГУ, и лично пишущего эти строки, — да ладно бы Сергея Николаевича, что понятно, но ведь и Михаила Афанасьевича тоже, что уже не столь, может, и понятно, но зато вполне обоснованно, если посчитать тот же роман «Мастер и Маргарита», как, впрочем, и другие произведения мастера, за глубоко метафизически размыслительные, вполне себе и мировоззренческие вещи, мало того, сказавшие то, чего никто ни до, ни после М.А., во всяком случае из русских, не сказал.

Да, разные у двух Булгаковых судьбы, жизненные пути и творческие деяния, причем принципиально разные, если учесть, что один (как раз Сергей), изгнанник с родины по инициативе воцарившегося на родных просторах антихристового режима, ушел в своем творчестве прямо к Богу, приняв священство и став христианским богословом, создавшим уникальное «Парижское богословие» с его устремлением к воскрешению в душах людских Христа, просяив перед уходом из жизни таинственным неотмирным светом и заслужив быть названным апостолом, хотя при этом и

еретиком тоже, а другой (Михаил), оказавшись пленником антихристового режима, этим же режимом немало и гонимым, пошел в другую, пусть тоже на просторах метафизического запределья, сторону — не к Богу, а к... Его противнику, создавая, скажем так, критическую сатанологическую весть, следуя при этом навстречу не Христу, а воцарившемуся в родной стране, да и в мире тоже, антихристу, но не ради призыва к возрождению христианского духа в душах людских, во что он, в отличие от о. Сергия, уже явно не верил, а ради вольно-невольного устремления человечества, прежде всего европейского, уже и постхристианского, под фоновый карнавальнй шум прямо в небытие.

Да, оба Булгакова стались пророками, только вот один — Сергей — пророчествовал погибель человечеству, если не произойдет чуда софийно-христианского возрождения, а другой — Михаил — пророчествовал уже кое-что иное, что чуда сего не произойдет и что человечество обречено на проглот антихристовой наживки и свою досрочную погибель.

А погибель сия вовсе не физическая, хотя и она тоже возможна, а духовная, как раз вполне себе преображенческая — из людей в нелюди, что вовсю и видно: все вроде бы есть у людей, а жизни нет, а есть лишь какая-то странная, все более нарастающая нежизнь!

И оба пророка оказались правы, каждый, разумеется, по-своему, что и отчетливо подтверждается застывшим христианский мир постмодерновым антихристовым мраком, впрочем, мраком прозрачным, легким, душистым, благовонным, занятым и забавным, даже немало и веселым — хотя бы до момента пандемически-цифровизационного шока, сие веселое пиршество неожиданно прервавшего.

Вот вам, господа, вполне реальные *великие русские* — мыслители, словесники, пророки, два Булгакова (нет, не родственники, а всего лишь однофамильцы), поимевшие тернистую судьбинушку из-за вдруг радикально изменившейся по антихристову вектору и под антихристову диктовку родины, но не изменившие ни Родине — как раз глубинной, ни человечности — и христианской тоже, и себе самим — русским, неотмирным, всеотзывчивым!

А что сегодня?

Принимаем, воспринимаем, понимаем и чтим, ну и восхищаемся тоже — своими великими соплеменниками-соотечественниками!

Кто ныне с ними всерьез сравнится, да и не только в России?!

Главный редактор

Ю.М. ОСИПОВ — 80

Ф.И. ГИРЕНОК

Философские уроки Ю.М. Осипова*

Аннотация. В статье рассказывается о шести принципах философии профессора Ю.М. Осипова. Первый принцип заключает в себе вывод о том, что сознание — это привилегия немногих. Второй принцип состоит из утверждения о том, что только гении говорят от своего имени. В третьем принципе фиксируется разрыв между языком и сознанием. Язык — соглядатай человека. Четвертым принципом полагаются метафизические преимущества хозяйства над экономикой. В пятом принципе переосмысливается роль другого в жизни человека. Шестой принцип объясняет различие между Логосом и Софией.

Ключевые слова: София, Логос, другой, экономика, язык, сознание, социум.

Abstract. The article describes the six principles of the philosophy of professor Yu.M. Osipov. The first principle implies the conclusion that consciousness is the privilege of a few. The second principle consists of the statement that only geniuses speak for themselves. The third principle fixes the gap between language and consciousness. Language is a human spy. The fourth principle is based on the metaphysical advantages of economy over economy. The fifth principle rethinks the role of the other in a person's life. The sixth principle explains the difference between the Logos and Sophia.

Keywords: Sofia, Logos, other, economy, language, consciousness, society.

УДК 13
ББК 65.в, 87.1

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гиренок Ф.И. Философские уроки Ю.М. Осипова // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 11—14.

Философия — это сознательное сумасшествие. Что это значит? Это значит, что сознание — привилегия немногих. Ошибка думать, что сознание есть у всех людей и что всем оно нужно. Оно есть не у всех, и не всем оно нужно. Кому нужно сознание? Философу, художнику, святому. Не иметь сознания — это норма. Иметь сознание — ненормальность. Достаточно иметь несколько ненормальных людей, чтобы огромное большинство нормальных людей могли жить в поле сознания, не имея самого сознания. Кто им дает сознание? Те, кто сошел с ума. Когда-то говорили, что зовут этих ненормальных гениями. Таков первый философский урок профессора Осипова. Это урок жизни человека в галлюцинозе сознания.

Куда же делись гении? Почему их так мало, и как им живется? Быть с сознанием — это не радость жизни. Это лишение радостей жизни. обременение немногих быть непонятыми. Что значит быть с сознанием? Это значит путешествовать в воображаемое, попытаться найти в нем что-то, что может оказаться истиной. Сойти с ума — это значит, вернуться на землю к реальности и начать говорить об истине, которую ты видел, а все остальные ее не видели. И тогда тебя, как Заратустру, слушают, но не понимают. Не понимают не потому, что говорится о каких-то сложных вещах, а потому, что нечто говорится от своего имени. Говорить от своего имени — значит говорить на своем языке. Нормальные же люди привыкли говорить на анонимном языке других и тихой повседневности быта. Им нужно чудо, зрелище, а не истина. Быть с сознанием — значит всегда быть непонятым, неслышанным. Куда уходят в итоге гении? В забвение, в небытие. От них, как от назойливых мух, отмахиваются. Таков второй философский урок профессора Осипова.

Если сознание уходит, то что приходит на его место? На его место приходит язык. Когда говорят, что язык выжигает человека из животного, то ошибаются. Не язык выжигает человека. Человек создан взрывом галлюцинаций.

Язык — враг сознания. Почему враг? Потому что все мысли в языке не от языка, а от сознания. А язык говорит, что они от него. Чем сознание отличается от языка? Тем, что язык быстрее сообщает о результате, чем сознание. Сознание основано на чувстве самого

себя, а язык — на умножении алгоритма различий. Сознание знает одно время — непрерывно длящееся настоящее. Язык рефлексивен. Он знает два времени: прошлое и будущее. Что это значит? Это значит, что язык убивает настоящее время. Он ничего не может сказать о том, что есть. Для того, чтобы говорить о том, что есть, нужно иметь чувство, а у языка нет чувства. Поэтому язык может говорить только о себе и о том, что было и что будет. Для того, чтобы говорить о том, что было, языку нужно поместить себя в будущее, чтобы из будущего говорить о прошлом.

Сегодня язык правит миром. Все хотят говорить из будущего о прошлом. Никто ничего не понимает в настоящем. Знаки убили образы, слова убили чувства. За что держатся всякая власть и воля господина? За язык. Все хотят власти над языком. Революция — это реформа языка, а не жизни сознания. Таков третий философский урок профессора Осипова.

Вся человеческая жизнь сегодня сведена к экономике. Экономика — неудачное изобретение европейского сознания. Почему неудачное? Потому что экономика разрушила хозяйство. Что такое экономика? Это внешняя жизнь. Что такое хозяйство? Это внутренняя жизнь. Внешняя жизнь раздавила внутреннюю. Что такое внутренняя жизнь? Это вера, чувства, философия и искусство. Что нужно теперь обществу? Ему нужна простая или сложная рабочая сила. Ему нужны услуги. А что нужно хозяйству? Хозяин. А хозяин — это не бухгалтер, а художник своей субъективности. Внешняя жизнь для него является условием внутренней жизни. У хозяина простая философия: равенство для равных, неравенство для неравных, а справедливость выше всякого права. Таков четвертый философский урок профессора Осипова.

«Друг — другой, — такой же, как и я, но вовсе не такой же, а... совсем другой», — говорит Осипов. Другой — это не тот, кто смотрит на тебя, и не тот, на кого смотришь ты. Другой — тот, кто заставляет тебя смотреть на себя с отвратительной точки зрения. Ты сам учреждаешь других. Каждый из нас учреждает то общество, в котором он живет. Общество — множество других, в котором нет тебя. Я — это дыра для любого социума. Таков пятый философский урок профессора Осипова.

Не Логосу, а Софии отдает свое сердце человек. София нужна тем, кто творит новый субъективный мир, а Логос нужен для тех, кто приспосабливается к старому миру. Человек не причастен к положительному всеединству тварного космоса, к его софийности. Человек отчужден от этого всеединства. Что делает его чужим? Техника. Техническое отношение к миру стало тупиком человечества. Своей жизнью человек обязан не технике, а биосфере. Своим сознанием он никому и ничему не обязан. Нужно ли нам отказываться от сознания, чтобы выжить на Земле? Нет. Нужно отказаться от технического отношения к миру в пользу внутренней жизни. Таков шестой философский урок профессора Осипова.

А.А. ПОГРЕБНЯК

**Ю.М. Осипов о нищете экономики
(к 80-летию мыслителя)***

Аннотация. Статья посвящена вкладу Ю.М. Осипова в развитие современной философии хозяйства. В работах Ю.М. Осипова, опубликованных в течение последних тридцати лет, последовательно проводится идея о метафизической сущности хозяйства. Показано, что возрождение философии хозяйства в наши дни связано с задачей критики экономизма. Эта критика была начата в работах С.Н. Булгакова, но сегодня она по-прежнему актуальна. Сегодняшний экономизм выступает прежде всего в форме культа развития и безопасности.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономизм, стоимость, трансцендентность, развитие, безопасность, Ю.М. Осипов, С.Н. Булгаков, М.А. Булгаков.

Abstract. The article discusses the contribution of Yu.M. Osipov to the development of modern philosophy of economy. In the works of Yu.M. Osipov, published over the past thirty years, the idea of the meta-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Погребняк А.А. Ю.М. Осипов о нищете экономики (к 80-летию мыслителя) // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 14—24.

physical essence of the economy is consistently carried out. It is shown that the revival of the philosophy of economy today is associated with the task of criticizing economism. This criticism was started in the works of S.N. Bulgakov, but today it is still relevant. Today's economism acts primarily in the form of a cult of development and security.

Keywords: philosophy of economy, economism, value, transcendence, development, security, Yu.M. Osipov, S.N. Bulgakov, M.A. Bulgakov.

УДК 1, 33
ББК 65, 65в

Изобилие экономики сопровождается дефицитом хозяйства.

Ю.М. Осипов

В воспоминании о первой встрече всегда есть что-то от мифа. Но это не потому, что оно — лишь позднейшая выдумка, к реальности никакого отношения не имеющая. Скорее, дело в том, что такие воспоминания со временем приобретают значение *смысловой рамки* для того, *чем* впоследствии оказалась эта самая «реальность».

Вспоминая сегодня, как я впервые увидел и услышал Ю.М. Осипова — он выступал в актовом зале экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета 17 декабря 1996 г., — я с новой силой переживаю изумление и восторг, вызванные в тот день его словами о том, что не так давно он взял и избавился от всех приобретенных за последние годы книг по экономике. Возможно, он высказался даже жестче — что попросту выбросил их вон, в точности его слов я, увы, не припомню. Но помню, что сказано это было совершенно всерьез, без тени улыбки — как логический вывод из рассуждений о необходимости возродить философию хозяйства в качестве формы мысли, способной преодолеть *экономизм* современности.

В этом, конечно, было (и остается) что-то дон-кихотское. И все-таки, представьте себе: в зале, где сидят десятки докторов и кандидатов наук, старательно изучающих «новые подходы», чтобы затем донести их до студентов и «применить» в своих собственных

исследованиях (чем многие из них будут заниматься всю оставшуюся жизнь), — вдруг звучит такое кощунственное признание!

Совершенно не важно, говорит нам Фрейд, убили первобытные люди Отца или не убили — важно лишь то, что вытекает из самого *желания* смерти Отца. И точно так же совершенно не важно, были ли действительно сказаны эти слова об избавлении от книг по экономике, были ли действительно они выброшены вон из домашней библиотеки — важно само желание вернуть их на то место, которое они действительно имеют право занимать, и освободить от них место, занятое ими не по праву.

Слова эти, повторю, были сказаны в середине 1990-х, и, понятно, что среди этих книг с большой долей вероятности были первые издания тех учебников, по которым в те годы стала преподаваться экономическая теория. *Что именно* в них содержится в качестве экономической картины мира, все мы прекрасно знаем; но вот *почему* окончивший школу молодой человек, у которого впереди хоть и целая, но все-таки *одна-единственная* жизнь, должен принять эту картину мира как истинную и, следовательно, свою собственную — совершенно неясно!

Дело ведь в том, что модели и конструкции, предлагаемые в этих изданиях к усвоению, претендуют на то, чтобы описывать устройство не какого-то виртуального, абстрактного, искусственного мира, но — устройство того, что *реально* в самом прямом смысле слова: устройство самого существования человека, взятого как в его эксклюзивных, так и в самых повседневных жизненных ситуациях (как если бы «познай себя!» должно было быть эпиграфом к этим «сочинениям»). Экономисты ведь совершенно всерьез верят в то, что их «модели» отражают действительное существо дела (верят даже тогда, когда говорят, что не верят, ведь и тогда они продолжают заниматься своим делом).

Помните, как Ильф и Петров описывают завтрак «подпольного советского миллионера» Корейко? «Сырые яйца всмятку — еда очень невкусная, и хороший, веселый человек никогда ее есть не станет. Но Александр Иванович не ел, он питался». То, что человек совершает свой экзистенциальный выбор в пользу питания, а не еды — в пользу «экономики», а не чего-то

иного, — событие, которое требует объяснения, ибо оно само по себе *удивительно*. А удивление, как мы помним, — это начало *философии*. Вот почему, читая тех, кто рассматривал вопрос об абсолютизации экономики философски (как те же К. Маркс или С.Н. Булгаков), мы и сегодня получаем варианты ответа на *вопросы сущностного порядка* — ведь даже если становление современной экономики описывалось ими как естественный процесс, сам переход представлялся в форме исторического события, драмы или трагедии, т. е. потрясения самих основ человеческого бытия. Но когда представители «экономической науки» сегодня просто ссылаются на «рациональность» поведения, исходящего из факта наличия у человеческого индивида некоторого набора предпочтений и соответствующих ограничений, подобные вопросы заранее отменяются как неуместные (или «метафизические»). Как если бы все реальные проблемы и вопросы возникали лишь *внутри* экономики, а *сама* экономика — как способ бытия, как форма мировосприятия и т. п. — проблемой не являлась!

Философия хозяйства как критика экономизма (вопрос о трансценденции)

То, что предложил в те годы Ю.М. Осипов в качестве альтернативы господствующему экономизму¹ — это вернуться к философско-хозяйственному *жесту* С.Н. Булгакова, в какой-то мере даже *повторить* его — но повторить, разумеется, применительно к условиям современности (надо сказать, что такое «повторение» может оказаться гораздо сложнее, чем изобретение на скорую руку какой-то новой «концепции»). Главное, что нужно здесь понимать: возвращение к философии, сколь угодно древней, не есть откат назад как попытка вернуться к какой-то устаревшей, преодоленной теории — ибо философия *не* наука. Скорее, это разбег для прыжка, поскольку любой по настоящему философский тезис, высказанный в

¹ Об экономизме современности говорит С.Н. Булгаков в своей «Философии хозяйства», но спустя столетие *наша* современность не преодолела его, а напротив, чрезвычайно усилила. Современный швейцарский философ хозяйства Петер Ульрих определяет экономизм как тенденцию «к обособлению, абсолютизации и нормативному преувеличению экономической точки зрения» [5, 15].

прошлом, на самом деле происходит из будущего — причем из будущего не только для автора этого тезиса, но и из будущего для нас: ведь то, что в реальности происходит *после* того, как этот тезис был высказан, не столько постепенно исчерпывает его потенциал, сколько с течением времени проясняет его подлинный масштаб, который открывается все новыми и новыми гранями (именно поэтому ни один настоящий философ сам никогда не понимает *до конца* того, что оказалось однажды им высказано — ср. М. Хайдеггер о досократиках, Ж. Делёз и А. Бадью о Платоне, Дж. Агамбен об Аристотеле и т. д.).

Что сделал С.Н. Булгаков, так это указал на факт *трансцендентности* хозяйства по отношению к той его форме, которая реализуется сегодня как единственно сущая; вот как пишет об этом Ю.М. Осипов:

«...Философский подход, как его представляет Булгаков, позволяет рассматривать не само по себе хозяйство, т. е. хозяйство как хозяйство, как специфическую деятельность, как производство благ, как отрасль человеческого бытия, а рассматривать хозяйство как жизнь, как само бытие человека, его присутствие в природе и его природное существование, и кроме того, рассматривать саму жизнь человеческую как хозяйство, как активное жизнеутверждающее бытие, как природную и неприродную созидательность (вместе с тем и разрушительность) человека, его творческую выраженность» [3, 563].

Хозяйство и есть жизнь, бытие, понятое в качестве трансценденции «хозяйства как только лишь хозяйства», и если от этой амбивалентности хозяйства абстрагируются в пользу совершенно имманентной системы, то возникает — в качестве *реальной* абстракции — *экономика*, которую Ю.М. Осипов предлагает отличать от хозяйства, не забывая, конечно, что отличие есть в то же время и форма связи. Сегодня, однако, мы более чем когда-либо видим, что «имманентность» экономики содержит отсылку к тому, что вновь и вновь становится (или остается) трансцендентным. Эту отсылку образует как раз *стоимость*, ради которой ведется хозяйство в своей экономической — или финансово-экономической — форме:

«Экономическая эффективность, а это уже давно собственно *финансовая эффективность*, делает неэффективным все и вся — природу, человека, хозяйство, саму экономику. Эффективно то, что эффективно с финансовой, т. е. чисто стоимостной, точки зрения, а не с какой-то там природной, человеческой, хозяйственной, даже экономической, если это экономическое еще сопряжено с производством реальных жизненных благ, а не стоимостных фантомов в виде тех же доходов по ценным бумагам» [4, 115].

Итак, дело не только и не столько в том, что бытие человека *само по себе* есть трансценденция (самоотрицание, самопревосхождение, самоконструирование и т. д.), но в том, что *сегодня* эта трансценденция преимущественно понимается как стоимость. Что же касается теоретического игнорирования феномена стоимости в тех или иных концепциях, то оно отнюдь не отрицает, а, напротив, подтверждает наличие этого феномена как факта нашей практической жизни. Но еще важнее не упустить из виду то, что стоимость как особый *вид* трансценденции есть, по сути, трансценденция, *обратная* в отношении трансценденции самого мира; поэтому хозяйство, понятое философски, как показывает Ю.М. Осипов, есть не что иное, как «борьба трансценденций» [2, 50—51].

Положение Ю.М. Осипова о трансцендентности стоимости было мало кем принято и понято среди российских ученых — более того, некоторыми из них оно было объявлено туманным и мистическим. Но вот, просто для примера, высказывание одного *философски мыслящего* молодого западного ученого, осмысляющего современную экономику в ее денежном и финансовом аспектах (заметьте, что основывает он свой анализ отнюдь не на С.Н. Булгакове, но на теориях Ж. Лакана и С. Жижека):

«Важно подчеркнуть, что несоответствие между ценой и стоимостью не является эпистемологическим. Оно отологическое. Цены не соответствуют стоимости не потому, что на рынке недостаточно знания. Цены не соответствуют стоимости потому, что стоимость по своей сути неуловима, потому что стоимость относится к порядку реального. Несответствие между ценой и стоимостью ведет к постоянному выяснению того, как же они связаны. В результате этих выяснений и возникает рынок.

Постоянные колебания цен являются свидетельством того, что процесс выяснения не прекращается» [1, 38].

Как поется в известной песне: «Им бы понедельники взять и отменить», но вот только разрыв между ценой и стоимостью (этот разрыв и есть *сама* стоимость, стоимость-как-трансценденция) отменить невозможно, ибо он *конститутивен* для самого финансово-экономического порядка. Но невозможно отменить и *желание* отменить этот разрыв, желание угадать «подлинную стоимость» благ и активов и тем самым обеспечить себе *богатство* — ведь в основе действий рыночных «игроков» лежит желание угадать то, что Другой (как субъект абсолютного знания о том, что думают *все* другие²) *считает* реальным, истинным богатством!

Этого Другого вроде бы нет (ученый-позитивист его не видит), но он все время *с необходимостью возникает* в наших бессознательных действиях и представлениях, возникает как тот, кто (будто бы) способен обеспечить состоятельность наших оценок, реалистичность наших предположений. Поэтому циркуляция товаров и услуг на рынке неизменно предполагает в качестве своего центра некий объект-фетиш, воплощающий в себе ликвидность — вот только центр этот всегда уже оказывается смещенным... И как раз поэтому эволюция экономической науки, как отметил Ю.М. Осипов, идет от «гуманитарной» политической экономии — через экономию математическую — к «экономической инженерии»:

«Из критики политической экономии, увлечения эмпиризмом и математикой получилась экономическая инженерия, когда в основу кладется не просто экономический расчет и экономическая оптимизация хозяйственного поведения, а самое настоящее конструирование экономической жизни на базе достаточно вольно

² Другой (или «большой Другой») — в концепции Ж. Лакана так называется инстанция, задающая символический порядок человеческого существования. Поскольку символизация (или означивание) проблематизирует все «естественно данное», так как вводит в него неустранимый разрыв (любой знак ставит под вопрос состоятельность, самоожесточенность налично данного), постольку наша способность субъективно задействовать ресурсы символического порядка необходимо нуждается в «*субъекте, предположительно знающем*» — т. е. в том, кто будто бы способен гарантировать совпадение знака и значения (означающего и означаемого).

составляемых с помощью моделей, методик, формул и расчетов субъективистских проектов» [3, 569].

Субъекты этих проектов «вольны», конечно, в очень относительной мере — да, конечно, их «конструкции» пытаются не только угадать, но и оказать (временное) влияние на представление других о том, что «знает» Другой, но присвоить или, тем более, ниспровергнуть саму эту (фантазматическую) инстанцию «абсолютного знания» они, конечно, не могут.

Не становится ли отсюда понятной притягательность стандартной экономической литературы? Осваивающий ее движим наивной верой, что он осваивает язык самого Другого (подобно тому как Гегель не без иронии замечал, что его «Наука логики» есть выражение образа мыслей самого Бога). Что же касается философии хозяйства — которая, кстати сказать, в современном мире развивается не только последователями С.Н. Булгакова, что доказывает реальную потребность в ней, — то она опознает эту фантазию и поэтому освобождает хотя бы наши книжные полки. Что уже немало.

Два Булгакова

Но позвольте! Ведь не один же Булгаков, скажут нам, при всем уважении к его личности и при всем масштабе его наследия, занял освобожденное место на книжной полке в кабинете Ю.М. Осипова?

— Нет, — весело ответим мы на это, — конечно же, вовсе *не один, а целых два Булгакова* — ведь есть не только экономист, философ и богослов Сергей Николаевич, но и писатель Михаил Афанасьевич.

Здесь, конечно, легко представить себе иронию «настоящих экономистов», которые увидят в этом апогей антинаучности — уже даже не метафизика, а чистая беллетристика («которая пусть и замечательна, но как можно подменять ею науку?»)! Однако опыт философской интерпретации, в поле которой попадали и продолжают попадать художественные произведения, непрерывно демонстрирует способность последних порождать модели понимания действительности, как минимум, не уступающие по своей силе тем, что продуцируются научным мышлением. Строго

говоря, философ (мыслитель) и писатель (поэт) издревле не только соревнуются, но и сотрудничают друг с другом, вводя в действительность элементы (понятия, персонажи, образы и т. п.), которые обеспечивают возможность ее (действительности) *рефлексии*.

В этом плане, примечательный литературный персонаж может обладать потенциалом персонажа *концептуального* — как, например, Бартлби Германа Мелвилла, о котором много писали такие философы, как Ж. Делёз, Дж. Агамбен, А. Негри. Поэтому возьмем, например, таких героев «Собачьего сердца», как товарищ Шариков и товарищ Швондер — разве эта пара исчерпывается сатирическим изображением результатов эксперимента по созданию советского человека? Видеть в этих персонажах исключительно то, что подразумевается их историко-культурной привязкой, конечно, возможно, но это не очень интересно. А вот заметить, что *сегодня* Шариков и Швондер появляются совсем в ином обличии — которое, однако, не только позволяет сохранять им свою сущность, но и делает их власть гораздо более масштабной и, как кажется, не имеющей альтернативы, — было бы куда полезнее.

Итак, кто же такие наши сегодняшние Шариков и Швондер? Уж точно они не пережитки советского строя, а как раз напротив — успешные лидеры, идущие в ногу со своим временем, а то и заставляющие само время шагать в ногу с собою. Так кто же тогда? — Как, разве вы еще не поняли? Ну, тогда знакомьтесь — «бывшие товарищи» Шариков и Швондер теперь известны всем как *господин Развивалкин* и *господин Безопаскин*, неразлучная парочка, которую вы без труда найдете в любой сфере, на любом уровне руководства (говорят, впрочем, что в одном областном городе несколько лет назад видели сапожную мастерскую, где в штате были только сапожники, но не было господ Развивалкина и Безопаскина — но что-то в это не сильно верится...)!

Возьмем университет в качестве примера, хотя можно было бы взять любой другой тип организации, вплоть до государства, — и мы сразу же увидим профессора Преображенского, который давно уже расшаркивается перед господами Развивалкиным и Безопаскиным, начиная от смущенной улыбки, с которой он извиняется за то, что забыл пропуск, и заканчивая своей

опережающей готовностью «резать кроликов в ванной, подобно Айседоре Дункан», поскольку иначе ведь «нет развития». И пусть ему еще порой удастся «оперировать горячими закусками», зато никогда уже, похоже, не сможет он обойтись без ежечасной проверки своей корпоративной почты (надо же чем-то компенсировать — во имя развития и безопасности, конечно! — отсутствие советских газет...). А то, что сегодня каждый волен сам решать судьбу переписки Энгельса с «этим чертом» Каутским — бросать книгу в огонь или ставить ее на полку, — свидетельствует лишь о том, что все «ценности», какими бы несовместимыми они ни были между собой, допустимы в той мере, в какой они не противоречат *интересам* господина Развивалкина и господина Безопаскина (сами же эти господа хотя иногда и делают вид, что расходятся во мнениях, на деле противоречат друг другу не больше, чем оттенки серого цвета их костюмов). «Традиционные»? «Либеральные»? Выбор, конечно, за вами, но лучше спросите-ка у этих господ, пусть они подскажут, какой выбор сегодня будет более «вашим» (более безопасным и развивающим).

Развитие и безопасность — таковы две «тощих абстракции», к которым сегодня редуцированы любые проявления человеческого существования, на любом уровне и в глобальном масштабе. Нетрудно увидеть, что *развитие и безопасность — это эффекты присутствия трансцендентной стоимости в имманентном поле современной мировой экономики*, операторы приведения ее к действительности. Развитие и безопасность поэтому — это двойной символ веры современной религии, которая известна под именем «эффективного менеджмента». Именно ее появление предвосхищали как С.Н. Булгаков, который указал на прогрессирующий *экономизм* современности, так и М.А. Булгаков, который сформировал яркий и узнаваемый образ агентов этого самого экономизма, вызванных к жизни динамикой нашей собственной мысли в той мере, в какой эта мысль соблазняется своей «эффективностью» (право, не лучше ли разруха в туалетах, чем разруха в головах, которая к тому же представляется единственно возможным порядком?).

И если философия хозяйства начинается с того, чтобы указать на *нищету экономики как способа бытия*, вопреки всему «богатству» ее эффектов, то нет ничего странного в том, что на

книжной полке в кабинете *философа хозяйства* Ю.М. Осипова стоят книги именно этих двух авторов (и представляется неслучайным, что им случилось носить одну фамилию).

Литература

1. *Berg U.* Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма. М., 2018.
2. *Осипов Ю.М.* Время философии хозяйства. М., 2003.
3. *Осипов Ю.М.* Значение философии хозяйства С.Н. Булгакова для современной экономической теории // Экономическая теория на пороге XXI века — 2 / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева, В.Т. Рязанова, Е.С. Зотовой. М., 1998. С. 561—595.
4. *Осипов Ю.М.* Хозяйство и экономика: единство, противоречие... антагонизм? // Философия хозяйства. 2002. № 3.
5. *Ульрих П.* Критика экономизма. М., 2004.

References

1. *Berg U.* Как delayutsya den'gi? Filosofiya postkreditno-go kapitalizma. M., 2018.
2. *Osipov YU.M.* Vremya filosofii hozyajstva. M., 2003.
3. *Osipov YU.M.* Znachenie filosofii hozyajstva S.N. Bulgakova dlya sovremennoj ekonomicheskoy teorii // Ekonomicheskaya teoriya na poroge XXI veka — 2 / Pod red. YU.M. Osipova, V.T. Pulyaeva, V.T. Ryazanova, E.S. Zotovoj. M., 1998. S. 561—595.
4. *Osipov YU.M.* Hozyajstvo i ekonomika: edinstvo, protivorechie... antagonizm? // Filosofiya hozyajstva. 2002. № 3.
5. *Ul'rih P.* Kritika ekonomizma. M., 2004.

Г.Р. НАУМОВА

Университетский юбилей*

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Наумова Г.Р. Университетский юбилей // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 24—40.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы многовековой истории отечественного образования. Делается это в контексте рассмотрения юбилеев видных его деятелей, начиная с М.В. Ломоносова. Выявляется связь юбилеев Московского университета с отечественной духовной традицией. Прослеживается процесс формирования университета как универсума, как поля выращивания научных школ, научных направлений, научных традиций. Автор размышляет, что ждет университет завтра, считая, что понять это всем нам — значит оценить вклад сегодняшней профессуры, сегодняшних юбиляров, оценить сегодняшние свои юбилеи, подвести итоги, подумать о началах, о смыслах, заложенных при его основании. В статье ставятся вопросы преемственности поколений, преемственности социальной и творческой ответственности профессуры, определением ее нравственной, жизненной и научной позиции. Новое время, породившее множество «эффективных менеджеров», пока не дало нам новых форм организации творчества, которые можно было бы развивать в научные направления. Во многом потому, что не выработана форма естественного отбора для обучения, для развития науки. Здесь необходимо сочетание новаций и традиций. Исходя из того, что развитие науки осуществлялось всегда и осуществляется сегодня конкретными коллективами и конкретными личностями, автор дает свое понимание значения научной школы, возглавляемой сегодня Ю.М. Осиповым.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, московская профессура, интеллигенция, творчество, университетские школы, традиции, Великая Отечественная война, духовный смысл России, формализм, менеджмент, школа Ю.М. Осипова.

Abstract: The article discusses the centuries-old history of national education. This is done in the context of consideration of the anniversaries of his prominent figures, starting with M.V. Lomonosov. The connection between the anniversaries of the Moscow University and the national spiritual tradition is revealed. The process of forming a university as a university, as a field of cultivation of scientific schools, scientific directions, scientific traditions is traced. The author reflects what awaits the university tomorrow, believing that to understand it all of us is to evaluate the contribution of today's professorship, today's jubilaries, to

evaluate today's anniversaries, to sum up, to think about the beginnings, about the meanings laid down under its foundation. The article raises questions of the continuity of generations, the continuity of social and creative responsibility of the professor, the definition of its moral, vital and scientific position. The new time, which gave rise to many «effective managers» has not yet given us new forms of creativity organization that could be developed in scientific directions. Largely because there is no form of natural selection for learning, for the development of science. It requires a combination of innovation and tradition. Based on the fact that the development of science has always been and is carried out today by specific teams and specific personalities, the author gives his understanding of the importance of the scientific school headed today by Yuri Osipov.

Keywords: M.V. Lomonosov, Moscow professor, intellectuals, creativity, university schools, traditions, Great Patriotic War, spiritual sense of Russia, formalism, management, Yuri Osipov school.

УДК 13, 93/94
ББК 63.3(2), 65в

Об универсальности университета, о его значении в нашей личной истории, в истории России мы не задумываемся, пока не приходим к очередному юбилею — или к университетскому, или к нашему собственному, либо к юбилею наших друзей и коллег. Тогда мы невольно, вопреки обыденности нашей жизни, в которой мы многого не замечаем, иногда самого важного, задумываемся о том, что есть университет в нашей жизни, в нашей биографии, в жизни нашего сообщества. Вот так происходит и сегодня, в силовом поле юбилея Юрия Михайловича Осипова. Юрию Михайловичу, можно сказать, неожиданно исполняется восемьдесят лет, с чем мы его и поздравляем, не можем не поздравить. Прекрасный возраст для человека думающего, мыслящего, стремящегося, понимающего, обнадеживающего. И вот в этом контексте несколько слов в первую очередь об университете.

Университет, как известно, подобно состоявшейся личности, тоже имеет свои юбилеи, свой жизненный срок. Университет и мы вместе с ним проживаем третье столетие. И каждое столетие имеет

свои знаки, свои символы, свои события, свою рутину. Первое столетие обозначено такими важными, такими яркими событиями, о которых мы всегда помним, даже когда забываем. Прежде всего, основатели университета. К созданию нашего университета имел самое непосредственное духовное, творческое отношение Михаил Васильевич Ломоносов. Он подарил университету свои мысли, свои представления о том, каким должно быть наше образование, и подарил нам наше программное существование. И мне кажется, это очень важно и не случайно. Все-таки Ломоносов был носителем не только нового, научного мироощущения, связанного с «волновым» движением науки, света, природы, человека. Он в жизни своей был приобщен глубинно, эмоционально к нашей допетровской народной мудрости, к нашей допетровской просветительской традиции, к нашей допетровской книжной грамотности, и это определило, мне кажется, те мысли, которые нес университет после Ломоносова.

Первое столетие университета — это, конечно, и внимание Александра Сергеевича Пушкина. Сначала промыслительная деятельность Ломоносова, а потом и визиты Пушкина. Он посещал университет, думал о нем, но, что самое интересное, спорил с университетской профессурой, обозначив эту долгую, долгую развилку, долгую, долгую тенденцию, как сейчас говорят, «тренд» внутреннего мировоззренческого спора в университетских аудиториях. Пушкин спорил по вопросу о подлинности «Слова о полку Игореве». Он приносит в университет свою допетровскую Русь, допетровскую традицию, духовную традицию нашей древней книжности, древнюю устную традицию. И Пушкин ее не только несет, но и выявляет и подтверждает. А ведь московская профессура стояла на другой точке зрения. И вот, сколько существует университет, столько идет спор: «Слово о полку Игореве» — это подлинник, это русский гений периода становления нашего государственного мышления или продукт умственной деятельности на излете допетровской Руси.

Я не буду дальше прописывать и называть все имена, не буду проговаривать даже, потому что здесь я выявляю важную для меня линию связи университета с нашей глубинной духовной традицией и наши университетские юбилеи. Рождалось наше историко-

филологическое направление. Столетний юбилей существования университета отмечался бурно. Есть и медали, и знаки отличия, и награды — и эти юбилейные торжества показали роль нашего московского, императорского, по существу государственного, государством защищенного, государством поддержанного главного университета страны. Вот это первое университетское столетие.

Следующее столетие в истории университета — ох, какое непростое. И взлеты университета, и динамичное развитие естественных факультетов, медицинского факультета, отечественной медицины, юриспруденции, философии. Университет трудится над народным образованием и прикладным знанием. Список имен выдающихся сформирован давно и прочно. Сотни, тысячи ученых и преподавателей и выпускников университета. Простое перелистывание университетских выпускных альбомов может стать сложной интеллектуальной затеей. И все же университет, пробивая все рутинные этажи научно-образовательного процесса, с какой-то заданной умонепостигаемой целеустремленностью проталкивается, пробивается к фундаменту знания. Назову только три имени, которые важны в связи с юбилеем, значение которого сегодня я для себя оцениваю: Владимир Сергеевич Соловьев, Сергей Николаевич Булгаков и Павел Александрович Флоренский. Глубже в это время в основы духовного бытия России никто не погружался, или, как мы сегодня говорим, дно глубже не пробивал. Хотя, конечно, и святоотеческая традиция, и допетровская книжность, и весь на несколько тысячелетий развернувшийся наш исторический опыт стали основаниями для философских размышлений. Не обошлось, конечно, и без славянофильских корней.

Но этот второй университетский век нашей истории был жизнью укорочен, он был оборван. Университет сгорел на взлете, фактически не дотянув до своего семидесятилетия. Революционные события, порожденные именно нашим образованным сословием, нашей интеллигенцией, были результатом вот того феномена, который для многих в России был понятен. Жажда творчества, образования, а самого творчества нет — нет творчества, ни научного, ни какого другого, — и вот университет сгорает, фактически ликвидируется, в чем-то самоликвидируется и

превращается в агломерацию общественных наук. Правда, надо сказать, справедливости ради, что на развалинах университета после 1917 г. возникли многие учебные заведения, которыми мы гордимся, которые создали нашу сегодняшнюю медицину, наше медицинское образование, геологоразведку, юридические институты и др. Много было организовано на основе университета, но сам университет как универсум, как поле выращивания научных школ, научных направлений, научных традиций, добирающихся до фундаментальных основ, — он ушел. Многие уехали за рубеж и там создали свои площадки. Есть выдающиеся школы, которые Россия отдала — университет отдал — за рубеж, и там возникли свои зарубежные научные школы, но здесь, сожалею не сожалею... «Русское зарубежье» — тема особая. Кое-что осталось в истории науки, мы это понимаем, поддерживаем, но, как бы то ни было, а второе столетие было усечено в истории университета, многие естественные процессы, научные процессы были прерваны, резко прерваны...

Сегодня мы живем в третьем веке Московского университета, и начало этого, третьего, века — 1955-й год. Идет восстановление университета, научное возрождение, уже на новой основе. Да, это государственный университет, да, у него имя Ломоносова, да, воссоздаются многие интеллектуальные направления... Университет и мы вместе с ним движемся с 70-летнему рубежу третьего университетского столетия. Что ждет университет завтра? Или уже сегодня? Понять это всем нам — значит оценить вклад сегодняшней профессуры, сегодняшних юбиляров, оценить сегодняшние свои юбилеи, подвести итоги. И это не могут быть лишь биографические или даже библиографические итоги. Здесь юбилеи — не просто пройденный путь, он в конечном итоге уже пройден. А то, как он связан с началом, со смыслами, заложенными, озвученными так ярко, нарядно в 1955 г.

Тогда государство подарило университету новое здание, новую площадку, подарило бюджетные места совершенно нового масштаба, нового размаха, поставило задачу работать с большими массами молодежи. И задача была простая: найти, откопать, выделить тех, кто может действительно сказать: да, я учусь в университете Михаила Васильевича Ломоносова, я знаю, какую

традицию я развиваю! Вот эта задача стояла перед университетом. Но не перед какими-то административными структурами, не перед бюрократами, не перед эффективными менеджерами. Эта задача стояла перед теми, кто трудился в университете, теми, кто пришел в университет учиться и работать после войны. Эти задачи стояли перед военным поколением, нашими отцами и учителями. И то, что война уже сама по себе была таким своеобразным фильтром, через который проходили люди, выживали, сохраняли себя как личность — как личность, способную к развитию, к движению, к саморазвитию, к воспитательной деятельности, — вот это уже была селекция. Война сделала эту работу за университет. И отдала университету победивших, выживших, лучших, сохранившихся, понявших смысл того, что в этом мире, в таком геополитическом, стратегическом, тактическом поле в обыденной жизни не так быстро понимаешь. И вот эти люди, это поколение, — они и создавали университет. Под них государство и открыло беспрецедентное финансирование. Да, война — это много ушедших и не выживших, мы их всегда помним. У нас есть Вечный огонь, памяти тех, кто ушел. Но те, кто выжили, сохранили себя, при этом вместе со всем народом выполнили вот эту первую задачу — устоять и победить — они же и составили потом наш университет.

Непросто нарисовать историю университета, но мы можем точно сказать, что в 1955-м этим занялись серьезно. Стали встраивать в историю университета научные школы и традиции, составлять списки школ, фамилий, имен. Сегодня все это уже превратилось в такие биографические словари. Словари эти страдают определенной ограниченностью. Для понимания истории науки нужны страсть, знание научного «генома», чувство фундаментальных основ движения мысли. В справочниках, хрониках научной жизни много имитации, равноудаленности, безликой нейтральности. Но, как бы то ни было, историю университета начинают изучать. И стартует серьезный этап обновления и достраивания университетских школ, возрождения многих традиций на новой социальной базе. Социальная база — это зона ответственности коллектива университета. Университетское саморазвитие, университетское народовластие, университетское единое государство, базирующееся на самоуправлении университета.

Преемственность поколений, преемственность социальной и творческой ответственности — это не просто «сохранять», «передать».

Каждая школа Московского университета, возникшая в третьем столетии университетском под влиянием именно наших учителей, многие из которых говорили о себе: «Нас историками сделала война», значима. Я ограничиваю сразу свои размышления исторической школой, которая формировалась и развивалась в Московском университете. Историками их сделала война. Но не только война, как мне представляется. Большинство наших учителей — это были представители крестьянства. И изучение истории, в том числе и истории народного хозяйства, социальной истории, хозяйственной истории и даже экономической истории, диктовалось вот этими коренными основаниями их собственной биографии, их собственной жизненной связью с народным хозяйством. И многие историки-аграрники и специалисты в области промышленной истории опирались и на семейный опыт хозяйственный, крестьянский, и именно исходя из этого выбирали маршруты научного исследования своей проблематики. Отсюда и взлет социально-экономической проблематики в исторической науке на историческом факультете, и потаенный поиск «крестьянской альтернативы» российской истории.

Это ученые, которые опирались в своем творчестве, в своем научном поиске на широкий фундамент научного изучения народного хозяйства России. И классику этого опыта, этого изучения они нам предлагали осваивать в первую очередь. Это были работы П.И. Лященко, А.В. Чайнова, И.А. Стебута и др., т. е. мы все-таки от своих учителей получали эти задачи, а они, отчасти, конечно, и от своих учителей, которые тоже интересовались именно вот этой традицией изучения аграрной истории, промысловой истории, традицией изучения народнохозяйственного опыта развития России. В поисках теоретического основания для изучения крестьянского хозяйства, промысловой деятельности, мира русской деревни, мира русской кооперации наши историки обращаются к наследию С.Н. Булгакова, М.Н. Туган-Барановского и др. Обнаруживаются преимущества трактовки народного хозяйства России на «ином», а не привычном политэкономическом

фундаменте. В 1980-е — 1990-е гг. при поддержке наших учителей на историческом факультете стали возможны защиты кандидатских диссертаций о русской социально-экономической доктрине и о Н.А. Бердяеве, С.Н. Булгакове, М.Н. Туган-Барановском, В.В. Розанове, П.А. Флоренском.

На этой ноте я приостановлюсь и, подчеркнув, что в истории страны наступил в конце 1980-х очередной «выбор путей общественного развития», вернусь к незавершенному второму столетию в истории университета. Коль скоро мы избрали «метод юбилеев», то, пожалуй, выберу из всех юбилеев, которые широко отмечались в университете, один — связанный с историческим факультетом. Историки с академическим размахом отметили 75-летие исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Юбилея чествовали в связи с восстановлением в 1934 г. практики преподавания истории в университете. Загадочный период в истории университета, его гуманитарных факультетов стал понемногу выявляться, появляться из небытия. Историки решительно встроили период 1934—1955 гг. в «наше» университетское столетие. Юбилей задал новые тренды.

Первым деканом исторического факультета был выпускник знаменитого Психо-неврологического института Г.С. Фридлянд. В истории факультета он был, в известном смысле, новым лицом, новым смыслом. Таким образом, выбор путей общественного развития затронул и университет. До какой степени эти новые вызовы и выборы были случайны, или они диктовались наступившей эпохой формализма и формализации критериев и смыслов? Или идет разворот, работает новое поколение обществоведов, политологов, отталкивающее от себя гуманитарные смыслы? Так все непросто...

Вернемся во времена наших учителей. В 1950-е, 1960-е, 1970-е и 1980-е гг., вплоть до середины и даже конца 1990-х, в университете — и здесь надо, конечно, сравнивать с другими факультетами — на историческом факультете шло серьезное научное движение. Оно было сопряжено с укреплением и созданием научных школ, в которых были свои лидеры, свои сопричастники, свои оппоненты, свои ученики, свои последователи. Вот это был, можно сказать, золотой век в развитии научных школ, была

возможность обсуждать самую широкую палитру научных тем, научных сюжетов с приглашением специалистов. Но главное, что было — выдающиеся мастера, ученые, специалисты, которые и сами являлись вот этой, можно сказать, платформой, на которой можно было что-то обсуждать, что-то понимать, куда-то двигаться. Поэтому и темы методологии, метода и содержания источников, т. е. те проблемы, которые науку делали наукой, обсуждались, и обсуждались в рамках тех подходов, которые предлагали выдающиеся ученые. Выдающиеся ученые, которые, однако, умели считаться с начинающими, становящимися, с молодыми и не очень молодыми. И вот это и есть наш университет периода расцвета в этом, третьем, столетии. Нам их еще надо изучать и изучать, мы вроде как приступаем уже немножечко к этому, появляются работы наших учеников на эту тему, мы их изучаем, но изучать — это одно, а развивать их — другое. Развивать — другое!

Сегодняшние мы все, празднующие серьезные юбилеи, вышли из этого расцвета университета. Мы все учились, формировались, развивались тогда, и мы все надеялись, что наши учителя будут с нами долго, очень долго, может быть, всегда. Но так на самом-то деле они с нами и будут. Вот эта возможность заниматься наукой, обсуждать научные темы, не зависеть от чужого административного ресурса, не зависеть от указующего перста менеджера, взявшего, набравшего силу или власть, не зависеть от того, что думает о том или ином научном направлении текущий управленец, администратор, бюрократ. Говорить на полноценном русском языке — это было великое счастье, потому что выше всех были наши учителя, наши величины научные. При наших учителях, кстати, не сказывалась еще в полной мере в виде политической силы наследственность положения, тогда этот некоторый неестественный отбор кадров, который имел место в обществе, еще не очень влиял на общественную среду, потому что наши учителя, наши выдающиеся профессора еще занимались подбором кадров для специализации, для чтения основных лекционных курсов.

Уходили наши учителя, и мне кажется, с кафедр постепенно стала уходить возможность развивать научные школы. Не буду анализировать, почему ушла, по какой причине ушла, куда ушла, где заблудилась практика развития научных направлений вокруг

выдающихся ученых. Они перестали быть необходимыми, заработали социальные рефлексы. Связано это, конечно, в том числе и с тем, что все труднее научному сообществу признавать неравенство внутри научной социальной системы. Кто-то будет выдвигаться из этой среды наследственностью положения, административным ресурсом, кто-то наделен какими-то особыми талантами, кто-то на русском языке с трудом изъясняется и т. д. Поэтому практика приписывания людям каких-то заслуг, каких-то заслуженных званий, каких-то знаков поощрения с использованием административного ресурса — вся эта практика статистического учета заслуг человека — она, конечно же, нивелирует эту тему научной школы, научной одаренности, научных приоритетов. И это веяние времени. Веяние времени, в которое мы вступили где-то в середине 1990-х, а может, и раньше, и время это — время торжества управленца, менеджера, статистики, если хотите, всякого рода методов количественной оценки возможностей человека. Конечно, никакой одаренный человек не будет вписываться в эту систему координат. Ему просто некогда.

Я помню, как выдающийся историк, последователь именно школы нашего Московского университета, Владимир Александрович Плугин долго потому не мог защитить докторскую, что никак не мог перепечатать текст своей диссертации. Вот было препятствие: не может перепечатать текст, у него плохой почерк, нет материальной возможности перепечатать, и он нуждался в благотворительности. Итогом стала книга о мировоззрении Андрея Рублева. Выдающийся ученый, выдающийся труд, выдающееся направление исследования — и у историка просто не было денег, чтобы просто перепечатать свой труд. Это было дорогое удовольствие. И оттягивал, оттягивал, оттягивал Владимир Александрович эту свою перепечатку, потом защиту, а потом с блеском защищал свою работу, оппонентом у него был Борис Александрович Рыбаков. Слава богу, успел Борис Александрович к этому пиршеству науки, и рад был этому, потому что это все-таки Рублев, Троица — духовный смысл России. И вот вам ситуация: духовный смысл России, Троица, мировоззрение Рублева — и невозможность для преподавателя перепечатать свой собственный труд. Экономическая невозможность. Это был излет 1990-х.

1990-е гг. — 2000-е — это тоже наш век, это тоже наш университет, тридцать лет, значимая часть нашего третьего университетского столетия. И от нас, в том числе, зависит, что будет с университетом дальше. Как пройдет движение поколений? Удастся ли сохранить универсализм университета, его фундаментальность, не разменяем ли золотые и платиновые слитки на мелкую серебряную монету или, того хуже, на горсти медяков? Господство формализма, формальный подход и в учете, и в распределении заслуг, отсутствие практики обсуждения научных тем, научных докладов, курсов лекций, новый «гендерный», «компаративистский» язык, чтение лекций на языке, который чтецы «от роду» не знали. Какой-то подпольный менеджмент по набору студентов, подпольный менеджмент по набору лекторов, подпольный менеджмент по распределению нагрузки. Какой-то подпольный менеджмент, какой-то подпольный университет! И как итог — у нас одни сплошные отличники. Университет заканчивают только отличники. То есть пятерочники. И это тоже подпольный менеджмент. И вот нет возможности прорваться сквозь это. Пусть не обижаются на меня наши администраторы, наши, как говорится, службы менеджмента. Их много, они разные, и все командуют, все командиры. Большие командиры — по аспирантуре, по бюджетному финансированию, по учебной работе, по отдельным курсам, по ученым советам. И все командиры, все командиры.

И я сейчас просто вспомню для того, чтобы этот сюжет завершить, из послания апостола Павла: что есть формализм, который победил, восторжествовал? Отсутствие привычки к различению добра и зла! Привычка различать добро и зло! Вот то, что в избытке было у наших учителей, которым не нужно было подводить формальные базы под анализ ситуации, под анализ человеческого материала, с которым они работали, который они имели. Они понимали: это их жизнь, и они и были в первую очередь подготовлены к различению добра и зла, это была первичная основа их нравственной, жизненной и научной позиции. А если этого нет у современных администраторов, если надежда вся на формализм? И действительно, надежда на формализм, потому что если и этой надежды нас лишит, то мы вообще под грузом проблем можем и упасть раньше времени. Вот пока формализм как бы придерживает

что-то такое — не там точку поставил, не так мысль выразил, не ту запятую нарисовал. Вокруг модераторы, тьютеры, репетиторы, лаборанты и т. д.

Прошедшие тридцать лет современной российской истории неотделимы от истории университета. Ясно стало, что роль военного поколения в истории нашей страны явно недооценена. Университет страдает вместе со всей страной, страдает в этой неопределенной ситуации — от этого формализма, от этой невозможности рассмотреть вопросы науки по существу. Затуманены вопросы развития общественного знания, в том числе и гуманитарных наук, социологии, экономики, юридических отраслей знания, т. е. обществоведения. Постоянные реформы потребовали многих, в том числе напрасных усилий. Зазвучал назойливый голос шестидесятников. Привычные формы организации научной деятельности в ее фундаментальных секторах стали свертываться. Ведь известно, что гуманитарное знание живет по формуле «живой живому о живом». Те, которые были и складывались у выдающихся личностей и наших учителей, ушли вместе с ними.

Новое время, породившее множество эффективных менеджеров, не дало нам новых форм организации творчества, которые можно было бы развивать в научные направления. В первую очередь потому, что не выработана форма естественного отбора для обучения, для развития науки. Нет этого естественного процесса, когда на авансцену университетской научной жизни выдвигаются именно талантливые, одаренные, именно выдающиеся. Удивительно. Именно здесь работа сетевых структур активна. Чрезвычайно активна, в нарушение всякого здравого смысла. Но когда вы ориентируетесь на принцип «не по хорошему люб, а по любви хорош», вы хотя бы ставьте эту проблему через одного! Деформирована традиция пополнения университетских научных кадров. Правда, накапливаются успешные менеджеры, бойкие модераторы. Значит, и науки не будет, и в науке будет не так. Скорее всего, подготовим хороших менеджеров, репетиторов, модераторов, тьютеров, сетевиков, прагматиков и т. п. Универсализм и универсальность университета, его тяга к фундаментальным ментальным смыслам становятся уделом одиночек.

Я критический запал завершаю, потому что для меня важно, что есть явления в университетской жизни, которые дают мне надежду. И я думаю, что не только мне. Вот когда утрата традиционных форм научной жизни, утрата традиционных форм общественной жизни на факультетах произошла, и мы почувствовали какое-то свое внутреннее и внешнее сиротство, какую-то свою незащищенность, мы как бы занялись поиском точек опоры вне себя. Мы искали единомышленников, место силы, зону встречи, точку приложения своей энергии, где могли бы встретить людей, близких нам по мировоззрению научному, и не только научному — по человеческому мировоззрению, консервативно окрашенному, имеющему задачи сверхличные, ориентированные на реализацию каких-то университетских или общественных потребностей и общественных гуманитарных наук. Каждый из нас, помнящих отцов и учителей, по-видимому, ищет такие точки приложения своих научных возможностей. Мы находим их и вне университета. Но желательно, конечно, чтобы они обретались в университете.

Я бы сказала, что наличие такого явления, как школа Юрия Михайловича Осипова, — это надежда. Надежда всем нам, университетским. Потому что он обнаружил через свою деятельность, через свое взаимодействие с людьми именно тот очевидный факт, что университетская традиция, хоть и скукожилась, хоть немножко и схлопнулась, но не ушла из университета. Возможен диалог, возможна встреча разных мировоззрений, возможно инициирование новых подходов в области гуманитарного общественного знания, возможна наша научная деятельность как деятельность общественная, созидательная, живая. Возможна деятельность как обнаружение нашей сопричастности к какому-то созидательному делу, к какому-то построению университетской жизни. Соприкосновение с Юрием Михайловичем, его взглядом на жизнь, даже с учетом его «неверия» в науку, конечно, дало надежду. Дало надежду, что университет, когда-то созданный, потом воссозданный, — он живет, он есть, он имеет надежду. Моя собственная встреча с Юрием Михайловичем Осиповым — это самый конец 1990-х — была стихийной, непреднамеренной и инициированной ощущением научного сиротства, которое было

связано с уходом учителей, порождено безнадежной кафедральной ситуацией. В общем, я не берусь здесь давать оценки, потому что оценка в данном случае — это как бы приговор. Я не готова вести этот разговор. Может быть, это было внутреннее состояние. Поиск такого коллектива, сообщества, где возможно взаимодействие духовное, интеллектуальное, мировоззренческое, междисциплинарное и т. д. Ну да, для такого взаимодействия нужна площадка, нужен лидер. Нужен к тому же университет, который будет поддерживать экономически, хозяйственно, аудиторно, нужен факультет, в данном случае экономический, который тоже будет данному явлению сопереживать и в общем-то своими усилиями это поддерживать.

Юрий Михайлович и сам много писал, подводя итоги истории и деятельности своей, и Центра общественных наук при МГУ, и своей лаборатории философии хозяйства, и своим издательским проектам, размышляя об организационных формах, в которых протекает его деятельность. Что же в деятельности Юрия Михайловича для меня самое главное, что определяет его притягательность? Конечно, это действие глубоко-глубоко личное, осуществляемое личностью Ученого, Мыслителя, Продолжателя. Действие человека, который берет на себя ответственность. За то, что он сказал, и за то, что он не сказал, и за то, что сказали другие, и эта вот ответственность за такое внутриуниверситетское действие — оно, собственно, и есть университет. Это и есть университет. Эту формулу нужно повторять, она давно выработана в нашей истории. Он сам, собственно, и есть наш университет. Вот как в капле воды все свойства воды отражаются хоть до мирового океана, так в деятельности университетского профессора, который берет на себя смелость и труд формировать направление свое, объединять людей, собирать людей, заранее не будучи даже обнадеженным насчет успеха этого действия, содержится университет. Ученый, профессор становится таким своеобразным университетом в университете по широте своего мышления, по проблематике, которую он ставит. И здесь важно, что в обсуждение втянуты не только отдельные дисциплинарные направления, не только историки, экономисты, химики, юристы и все другие (и другие чувствуют себя хорошо и уверенно). Здесь выход идет на уровень философии, философии

истории, философии человека, и на уровень вот тот, который мы обычно называем мировоззренческим. Вот этот выход — он очень важен.

Ну это риск, могло получиться, могло и не получиться. Но сегодня мы, конечно, аплодируем все — получилось. Ну, а если бы не получилось? Трудно было бы, и в первую очередь Юрию Михайловичу. Вот это современное тридцатилетие. Ведь это сейчас — восемьдесят, а тридцать лет назад был всего «полтинник», и можно было тихо прозябать, как многие и прозябали и прозябают в университете. Тихо прозябать. И никто бы не осудил, потому что время такое. Время трудное. Здесь не до осуждения. Быть бы живу! И то, что в это трудное время Юрий Михайлович Осипов рискует, идет на риск создания целого подразделения, такого большого, такой большой серьезной научной площадки, не ограниченной какой-то отдельной дисциплиной, не ограниченной какой-то отдельной предметностью, т. е. рискует заведомо быть обвиненным в эклектизме и во вкусовщине, и в субъективизме. И он идет на этот риск. И обнаруживает не только свой человеческий и мыслительный потенциал, он помогает многим обнаруживать себя, выявлять себя, если хотите — тренировать себя. Вот эти тридцать лет такого тренинга, который мы, ученые университетские, обязаны осуществлять, чтобы удержаться. Не просто формально удержаться, не с помощью менеджмента или каких-то формальных приемов, а удержаться по существу, по существу сохранив университетский уровень, университетское разномыслие, университетское разночтение на должном уровне.

И посмотрите на результаты. Каждый из нас, участвующий в творческом проекте Юрия Михайловича Осипова, вправе гордиться своими успехами. Были бы они, если бы не было соучастия Юрия Михайловича? Что-то я не уверена! Ведь трудно было в 1990-е. Трудно было, и мы все перестали в каком-то смысле быть прикладниками в науке, потому что наше прикладное научное знание, которое мы так встраивали в систему знаний отдельных школ и направлений, никому не было нужно. Учебный процесс упростился и приспособился к новым простым формам, когда преподаватель не должен быть ученым, не должен нести в аудиторию новое научное свое знание. В аудитории пришли

профессиональные репетиторы и тьютеры. И многие соскочили с пространства прикладного знания или попробовали сменить проблематику, т. е. одно прикладное знание на другое прикладное знание. Но оказалось, что такая смена невозможна, что научная аналитика накапливается десятилетиями, что это источники, что это накопленное знание такое индивидуальное... одним махом его не соберешь. Этот сбор — долгий, это знание как бы фактически в своей отрасли знаний — экспериментальный материал, лично тобой собранный, лично тобой накопленный. И вот его неостребованность может сбить с толку. Соприкоснувшись с Юрием Михайловичем, мы получили возможность это наше прикладное, это наше столь существенное для наших учителей, для наших традиций, школ знание пристроить куда-то в общую университетскую платформу, в общую концепцию мировидения. И здесь есть место и историкам, и филологам, и философам, и политологам, и экономистам, и всем тем, кто вообще в состоянии видеть.

Вот такое сложение, сопряженное с последующим как бы развитием в этом сложном уже институциональном пространстве наших достижений, — оно сегодня, конечно, дорогого стоит. Именно так сохраняется университет. Вот — и это шанс, понимаете?! Я не берусь сегодня выстраивать параллели между тем университетом второго столетия и вот этим университетом третьего столетия, но навскидку могу сказать в первом приближении как историк исторического знания, только как историк исторического знания. Вот на прошлом критическом рубеже начала XX в. не было найдено общеуниверситетских форм поддержки науки и научной теории. Все распалось и разбежалось. Разбежались, каждый куда мог. При этом, задолго до распада университета, новое молодое поколение выдвинуло и продавало идею отделения фундаментальной науки, олицетворявшейся университетской профессурой уровня Василия Осиповича Ключевского, от учебного процесса. Университет мыслился как прикладник. Наука отправлялась в Академию наук. Университетское единство было порушено. Были непродуманные действия студентов и внутренняя социальная борьба молодых между различными поколениями университетскими, не было консолидирующих школ.

Мне представляется, что Юрий Михайлович Осипов с его подходом обнаруживает сто лет спустя путь сбережения университета. Ну да, университету дан шанс пройти уже в этом третьем его столетии свою историю вновь и найти в себе силы для того, чтобы развиваться дальше, не исчезнуть в этой пучине как бы всякого рода перестроений, сохранить себя. И вот, как мне представляется, сама деятельность Юрия Михайловича Осипова — а такая деятельность — всегда деятельность личности, — она обнаруживает нам, что только так университет может переживать трудные кризисные времена. Вот она — роль личности в университетской жизни. Универсальной личности! Понимаете? Университет выдвигает универсальную личность! Природа этой личности, история, биография — это другая тема. Я не буду сегодня ее обсуждать, хотя у меня есть свой взгляд на то, как такие личности появляются — здесь и университет, и семья, и неординарные личные усилия. Но факт — университет в кризисные, трудные моменты должен выдвигать такие личности. Мне повезло, я встретила с Юрием Михайловичем Осиповым. Я соприкоснулась и с лидерами других выдающихся школ МГУ имени М.В. Ломоносова. Университетская личность необъяснима, загадочна, непредсказуема, и, если уж суждено сохраниться университету, сохранится он через *Личность*.

В.С. СИЗОВ

Экономист, отменивший экономику (об одной доктрине профессора Ю.М. Осипова)*

Аннотация. В статье автор утверждает, что известный российский экономист и интеллектуал Ю.М. Осипов в своих работах «отменяет» экономику. Ложность экономики как реальной науки Ю.М. Осипов объясняет отсутствием у нее онтологического начала. В реальном мире экономики нет, она присутствует лишь в человеческом сознании. Экономика как наука — это фикция, а современные экономические учебники лишь повторяют друг за другом многочисленные мифы об экономике.

Ключевые слова: экономика, деньги, цена, хозяйство, стоимость, процесс воспроизводства, сознание, феномены сознания, ноосфера, хаос, трансцендентность, Ю.М. Осипов.

Abstract. In the article, the author claims that the well-known Russian economist Yu.M. Osipov, in his works «cancels» the economy. Yu. M. Osipov explains the falsity of economics as a real science by the absence of an ontological principle in it. In the real world, there is no economy, it is present only in human consciousness. Economics as a science is a fiction, and modern economic textbooks only repeat numerous myths about economics.

Keywords: economy, money, price, value, reproduction process, consciousness, phenomena of consciousness, noosphere, chaos, transcendence, Yu.M. Osipov.

УДК 13
ББК 65в, 87.1

Юрий Михайлович Осипов — один из немногих общепризнанных российских интеллектуалов XXI в. Его приглашают на международные конгрессы самого высокого уровня, его читает правительство, его идеи озвучивает президент, послушать его съезжаются ученые мужи со всей России. Он пишет и издает

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сизов В.С. Экономист, отменивший экономику (об одной доктрине профессора Ю.М. Осипова) // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 41—47.

много статей и книг, читать которые отнюдь не просто. Не оттого что слишком сложные и непонятные идеи. Свои идеи Ю.М. Осипов умеет излагать доступно, хорошим русским языком, без излишних англицизмов и заимствований. Читать не просто, оттого что в каждой работе он предлагает чрезвычайно много идей, и читатель еще не успевает осознать одну, а Юрий Михайлович уже «подбрасывает» другую, третью. И все идеи оригинальные, а порою и вовсе шокирующие.

Безусловно, велико значение личности Ю.М. Осипова для научного мира России, да и для мыслящих людей из разного рода зарубежья он тоже играет важную роль. Истории науки еще предстоит осмыслить глубину и широту тех многочисленных мыслей и идей, которые были сформулированы Ю.М. Осиповым. Но об одной фундаментальной идее хочется сказать особо. Всем хорошо известно, что многие годы, и даже десятилетия, он развивал теорию хозяйства и философию хозяйства. Но, кажется, мало кто понимает, что выдающийся экономист Ю.М. Осипов ни много ни мало взял и отменил саму экономику! Доказательно так отменил. Не очень-то и поспоришь.

Отменил Ю.М. Осипов экономику вследствие того, что при внимательном ее рассмотрении не обнаружил у этой «науки» онтологического начала! Какая же это наука, если она в мире бытийственно не укоренена? Кто-то (кто не знаком с трудами нашего философа хозяйства), быть может, воскликнет: «Но как же так?! Быть того не может, чтобы экономика не существовала!». Оказывается, может.

Современные экономические учебники лишь повторяют друг за другом многочисленные мифы об экономике. В отличие от них Ю.М. Осипов пишет об экономике как она есть. В своем апокалиптическом для экономики труде «Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма). Антипособие», который является квинтэссенцией его размышлений об экономике, Ю.М. Осипов напоминает сомневающимся, что экономика — это зона действия денег, а деньги — это феномены сознания, самим сознанием и спродуцированные. Вот и получается, что в реальном мире экономики нет, она присутствует лишь в нашем сознании. Уберите сознание, и экономика исчезнет. Можно, конечно,

попробовать возразить: но мы же видим, как работают заводы, фабрики, магазины и т. п., люди на них и все между собой вступают в экономические отношения и посредством денег обмениваются товарами и услугами. Как же это может быть, если нет экономики? А это, говорит Ю.М. Осипов, не экономика, а хозяйство! В отличие от экономики хозяйство — реальность, и эта реальность гораздо шире товарно-денежных отношений и их в себя включает тоже. Экономика же — это пустота, инобытие. Он задается вопросом: «А что в экономике собственно экономического?» — И отвечает: — «Это деньги! А вместе с ними и цены, затраты в деньгах, инвестиции, доходы в деньгах, как и капиталы, кредиты, ссудные проценты, страховые взносы и т. д. и т. п., в общем, там, где гуляет вольно или невольно... стоимость...» [1, 14, 15].

Ю.М. Осипов рушит традиционные экономические представления о стоимости (а именно она, как он показывает, является основой экономики) и — последовательно — разрушает все традиционное экономическое здание, переворачивая его с ног на голову, вернее возвращая его в изначально правильно и единственно возможное состояние. Он пишет: «...Не товарообмен порождает стоимость через оценку — как цену, а стоимость как субстанция, или же как движущаяся масса денег, порождает товарообмен и связанное с ним производство-потребление благ...». И окончательно разрушает прежние представления о взаимодействии и причинности экономики, стоимости и производства: «Не стоимость тут от экономики и производства, а экономика и производство от стоимости!» [1, 20].

Доказывая этот революционный тезис хозяйственным фактом того, что «именно стоимость начинает экономический процесс, она же его ведет и завершает — возвратом авансированных денег с прибылью, хотя случается иной раз, что и без прибыли и даже без возврата». Экономисты могут возразить, но где, откуда и какая в начале экономического процесса появляется стоимость? Ведь она возникает позднее, только в процессе воспроизводства. Но Осипов непреклонен, утверждая, что «ничего экономического без готовой к действию стоимости не сварганить!» [1, 20]. И указывает на ее местонахождение, скрытое от взгляда и тем более от понимания обыденного наблюдателя. «Здесь надо быть философом хозяйства,

чтобы разглядеть изначальное присутствие “бессодержательной” стоимости в выдаваемых авансом под еще не начатый и физически не существующий проект, кредитах, инвестициях, в трудозатратах, наконец, которые, в ходе экономического оборота наполняют вновь возникающую вещную реальность все большей содержательной стоимостной ценностью».

Человеку вообще трудно совершенно абстрагироваться и иметь дело с «чистыми идеями», как у Платона. Несовершенное сознание, имеющее единственный опыт своего проживания в материальном, вещном мире, все время хочет уцепиться за что-то материальное, что можно увидеть, потрогать, измерить, т. е. перевести в цифровое поле и уже здесь, в математическом пространстве, якобы абстрагироваться от исследуемого предмета. Хотя любое полное абстрагирование немедленно приведет к исчезновению предмета абстракции, т. е. к разрыву с действительностью. Именно это и произошло, когда натуральный обмен был заменен деньгами. А когда представление о деньгах удалось оторвать от золота и других драгметаллов, которые долгое время сами и служили деньгами, вот тогда-то хозяйственная реальность и экономическая, основанная на вере в магическую силу денег самих по себе, не подкрепленных кроме этой веры ничем материальным, окончательно оторвались друг от друга и разошлись (см.: [1, 21]). «Деньги и цена, которые всегда в неразлучном единении как *оцененные деньги* и как *оденежные цены* (что-то вроде “экономического кварка”) — всего лишь нагруженная особой экономической функцией, признаваемой всем экономическим социумом, всеми его экономическими субъектами, абстрактная цифирь, бытующая в сознании, им продуцируемая и им же значимо определяемая, и при этом способная фиксировать те или иные экономические меры, так или иначе устраивающие весь экономический мир» [1, 25].

Ю.М. Осипов утверждает, что сознание (и вообще ноосфера) и стоимость (т. е. и экономика в целом) в некотором смысле понятия похожие, одного порядка, так как работают и существуют по одним канонам и алгоритмам. «Как мысль человеческая рождается в сознании (включающем и бессознание) из ничего, через смысло-словесно-идейный хаос (...), так и стоимость, и все за ней и с ней

экономическое, возникает из ничего, через аналогичный хаос» [1, 22, 23]. Предположение Ю.М. Осипова о том, что «экономика в целом, как и стоимость в целом... тоже мыслит, хоть и по-своему, уже в ходе каких-то только ей ведомых ноосферных веяний...», является очень смелым предположением не только в экономическом, но даже и в философском смысле. Его тезис о средстве сознания, ноосферы и стоимости настолько непривычный и шокирующий, что будущим исследователям интеллектуального наследия Ю.М. Осипова еще немало придется поломать над ним голову.

Сам Ю.М. Осипов объясняет феномен «мышления» экономики не тем, что она есть производное от мышления человека, его сознательной деятельности, а прямым влиянием «трансцендентности». И это его принципиальная позиция, из которой следуют соответствующие следствия.

1. Экономика, движение которой определяет трансцендентность, является не чем иным, как Управителем всего жизнеотправления, внутри жизнеотправления сидящим, но при этом весьма самостоятельным и независимым от него. Ю.М. Осипов открыто постулирует, что «...экономика, будучи сама *causa sui* (сама себе причиной), является и *regie sui* (сама себе управлением) [1, 29]. О трансцендентности экономики по отношению к человеческому бытию и жизнеотправлению свидетельствует и то, что экономика управляется сама и заменить это самоуправление внешним управлением никак нельзя.

2. Именно трансцендентностью экономики мыслитель объясняет провалы тотальной (т. е. советской) «плановой экономики». Что же касается «рыночной экономики», Ю.М. Осипов называет ее метафизической и трансцендентной, но утверждает, что таковой не существует. Как, собственно, не существует и плановой экономики. «Экономика есть не что иное, как просто и только экономика, вот и все!» [1, 30].

3. Самоуправляемая экономика, не подчиняющаяся логике человеческого управления, постоянно обновляющая себя не в лучшие для человека формы, сегодня превратилась в патэкономiku, характеризующуюся прежде всего перманентным непрекращающимся кризисом и фиктивно-финансовым характером,

когда доллар стал «отвязным», т. е. не привязанным к реальному производству-потреблению, и даже «обезумевшим», а вслед за ним сегодня обезумела и вся мировая финансово-экономическая система.

Таким образом, в основе предложенной Ю.М. Осиповым концепции экономики, ядром которой является стоимость, лежит воздействие на нее трансцендентного. Более того, экономика из него и происходит и возникает из ничего!

Пожалуй, Ю.М. Осипов первый в истории экономической мысли (а тем более в мысли философско-хозяйственной), кто показал через экономику присутствие в нашем мире трансцендентного. А трансцендентное оттого и трансцендентное, что непредсказуемо и не доступно для осмысления. Такими же характеристиками наделены и его производные, в частности, экономика и стоимость. Именно поэтому не производство и экономика производят стоимость, а напротив, стоимость порождает и производство, и экономику вообще.

Из-за того, что экономика выходит из трансценденции и ею определяется в экономике, и возникают хаос и непредсказуемость. Отсюда же и ее иллюзорный характер. А после того, как деньги были оторваны от материального носителя — от «золотого стандарта», появился «безумный доллар», породивший «новую экономику» и, прежде всего, «финансомику»³, которая является противоположностью экономике производственной.

Ю.М. Осипов не просто констатирует нарушение нормального функционирования экономики, общества, власти, но, в отличие от многих и многих экономистов, не вооруженных философско-хозяйственным методом осмысления действительности, докапывается до самых глубоких причин — до трансценденции! Скажу честно, поначалу откровение о связи экономики с трансценденцией шокирует. Однако, в чем еще может скрываться первопричина сложившейся ситуации? Разве существуют другие непротиворечивые объяснения? И когда шок проходит, наступает ясное осознание глубокой, нечеловеческой, а потому недоступной логическому объяснению трансцендентной правды, которую

³ Оба термина — и «новая экономика», и «финансомика» — ввел в научный оборот Ю.М. Осипов.

старается до нас донести великий мыслитель, романтик и, конечно, пророк, Юрий Михайлович Осипов.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма). Антипособие. М.: ТЕИС, 2017.

References

1. *Osipov YU.M.* Ekonomika kak est' (otkroveniya Zoila, ili Sudnyj den' ekonomizma). Antiposobie. M.: TEIS, 2017.

И.П. СМИРНОВ

Чем мыслительная школа отличается от научной?*

Аннотация. В статье вводится понятие «мыслительная школа». Рассмотрены ее основные отличия от «научной» на примере школы Ю.М. Осипова, развитие которой вписано в общую логику эволюции русской мысли.

Ключевые слова: русская мысль, философия хозяйства, Ю.М. Осипов, софиасофия, мыслительная школа, научная школа.

Abstract. The article introduces the concept of a «thought school». Its main differences from the «scientific» one are considered on the example of the Yu.M. Osipov school, whose development is written in the general logic of the evolution of Russian thought.

Keywords: Russian thought, philosophy of economy, Yu.M. Osipov, sofiasthophia, school of thought, scientific school.

УДК 13, 93/94

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Смирнов И.П. Чем мыслительная школа отличается от научной? // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 47—53.

Научная школа философии хозяйства, созданная и возглавляемая Ю.М. Осиповым, заслуженно признана профессиональным научным сообществом и включена в соответствующий государственный реестр. Однако опыт обращения к теме научных школ говорит о том, насколько сложна и историографически неоднозначна проблема их идентификации, ее критериев и различных, зачастую противоречивых и взаимоисключающих, взглядов относительно этих вопросов. Например, разговор о научной школе русской экономической мысли оказывается практически невозможен из-за немедленно поступающих возражений по поводу отсутствия зафиксированных в публикациях общности проблематики и единства концепций, которые должны быть связаны общей методологией и едиными конкретно-научными методами исследования, что в указанной логике вообще исключает возможность объединения ученых «по региональному признаку». Ссылки на то, что любая национальная культура задает собственный неповторимый контекст и несет определенное объективное высказывание, в том числе и в области экономической мысли, которая по сути является ничем другим, как одним из многих воплощений интегративной национальной мыслительной традиции, здесь не работают. Поэтому в случае с русской экономической мыслью (равно как с философской или исторической) более подходит другое определение — мыслительная школа.

Нельзя пройти мимо того факта, что самоназвание учения Ю.М. Осипова, звучащее в большинстве его работ, — вовсе не научная школа, а оригинальная авторская дефиниция «знание-размышление». Встречается даже прилагательное «знаниево-размыслительный». Ю.М. Осипов предстает в своем творчестве действительно в первую очередь как русский мыслитель. Как представляется, его идеи вырастают из Серебряного века и продолжают его в новых условиях, предчувствие появления которых наполняло отечественную культуру уже к началу XX в. Позже, по окончании Первой мировой войны, выступившей мощным катализатором всех социокультурных процессов, осознание нового

качества человека, его меняющейся природы, стало существенным фактором европейской мысли. О «восстании масс» говорит Хосе Ортега-и-Гассет, о «кризисе культуры» — Георг Зиммель, об «эпохе духовной нейтрализации» — Карл Шмитт, о новой «сущности человека» — Макс Шелер. В том же ряду стоят пророчества Н.А. Бердяева о приближении «Нового Средневековья» в одноименной книге и о разрушительной «социальной функции техники» в работе «Человек и машина», или же размышления Г.П. Федотова о зародившемся новом антропологическом типе homo eurgaeo-americanus в «Письмах о русской культуре».

Необъяснимая в глазах современников по своему жестокому характеру война стала одним из пресловутых «подземных толчков истории», повлиявшим на восприятие действительности. Но, повторим, задолго до этого толчка именно в России были выработаны идеи о новых путях и целях познания. Русская мысль, опираясь на концепцию «цельного знания» славянофилов, предусматривающей синтез веры, разума и чувства, говорила о синтезе философии, науки и религии: так формулировалась задача, решения которой напряженно искали, но в завершенном виде возлагали на будущие поколения отечественных мыслителей. В известной степени приближением к ее решению стал — по большей части уже в эмиграции — плодотворный и до конца не понятый «русский духовный ренессанс».

В трудах Ю.М. Осипова речь идет не о синтезе, а о «преодолении» как науки, так и философии и даже религии, о выходе за их пределы, при полном признании трансцендентности его «знания-размышления» и метафизики в качестве его предмета. Философия хозяйства С.Н. Булгакова, которую принято считать вдохновительницей философии хозяйства Ю.М. Осипова, основывалась на синтезе науки (в форме политэкономии) и философии. Софиология же С.Н. Булгакова, которая воспринимается как одна из предтеч софиософии Ю.М. Осипова, покоилась на синтезе философии и религии. Она знаменовала переход к богословскому этапу булгаковского творчества, но носила черты «ненужного философского обоснования и философского истолкования христианства», как ретроспективно охарактеризовал подобного рода направление мысли Ф.А. Степун [4, 276]. В

результате софиологии пришлось держать оборону на два фронта — против критики как философов, так и теологов — и те, и другие имели к ней обоснованные претензии с позиции своих областей знания.

Софиасофия Ю.М. Осипова, отстраняясь от этих малопродуктивных дискуссий, направлена на понимание, объяснение и оценку текущей реальности. Она подчеркивает свою обществоведческую направленность и не углубляется в различные трактовки булгаковской софиологии, а применяет «творческое с Софией взаимодействие» к поиску и решению собственных, оригинальных постановок вопросов в рамках актуального обществоведения и в широком смысле антропологии. «Это не столько собственно знание, сколько ключ к знанию; более отвечающему не так привычному для научного подхода познанию, как трансцендентальному постижению» [1, 4—5]. Самостоятельный познавательный контекст Ю.М. Осипова обозначается им самим как «смыслология» (проникновение в скрытым образом присутствующие в вещах внутренние смыслы). Софиасофия стремится к целостному охвату трансцендентно обусловленного мира в его фактическом, органически-историческом развитии. Без постулата о софийности невозможно постичь человека и организуемый им мир, поскольку они в большей степени метафизичны, чем физичны, скорее духовны, нежели материальны. Согласно Ю.М. Осипову, в человеке безусловно действует софийность, в то же время в этих теоретических построениях имеет место строгая иерархия, София приобретает в них качество первичной относительно человека инстанции: она «непрерывно присутствует в человеке, но всего лишь частично ему свыше дозволенная» [1, 5].

И все-таки органичная связь развиваемых Ю.М. Осиповым идей с С.Н. Булгаковым как предшественником безусловно присутствует, что выражается не только в общем понимании хозяйства и его коренного отличия от экономики. В своих историософских размышлениях оба мыслителя исходят из сакральной роли России, которая не поддается «логической» интерпретации. Главной и смыслообразующей чертой нашей страны, благодаря которой может спастись мир, Ю.М. Осипов

называет «иномирность». Тот же мотив присутствует у С.Н. Булгакова: Лестница Иакова, соединяющая земной мир с небесным, служит у него метафорой России.

Софиасофия Ю.М. Осипова трактует самые драматические и таинственные стороны жизни человека — его демиургию. В XXI в. гуманистический процесс привел к качественно иному состоянию мира, «восстание масс» обернулось абсолютной победой «массового общества». На смену сакрализации природного и Божественного миров пришла сакрализация непосредственно человека. Вооруженный техникой и поглощаемый ею, он движется по пути пересотворения мира (и собственного сознания). Человек-демиург идет от природы к неприроде, формируется искусственный мир, который угрожает положить конец создавшему его человеку, все в большей степени становящемуся главным объектом собственной демиургии [2]. Прекраснодушные сторонники концепции «ноосферы» и ее поступательного прогресса не разделяется Ю.М. Осиповым, скорее, ему присущ трезвый реализм, причем апокалиптического толка.

В связи с этим интересны примеры, когда в наблюдении процессов, в констатации, Ю.М. Осипов совпадает с заключениями видных ученых, но расходится с ними в принципиальных оценках, интерпретации. И, соответственно, в аргументации. Провидческие тезисы о роковых изменениях человеческой природы звучали, например, в семинаре по футурологии, проводимом И.В. Бестужевым-Ладой в МГУ уже в конце 1980-х гг., но объяснение их было сугубо научным, социологическим. Историк и методолог академик И.Д. Ковальченко в своих последних работах рассуждал о теоретическом синтезе, который совмещал бы все лучшее и рациональное из цивилизационного и формационного подходов. Он исходил из схемы деления всеобщей истории на доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный периоды и в прогрессистском духе писал о последовательном улучшении «нравственно-психологического облика человечества» в каждом из них [3, 93]. При ближайшем рассмотрении названная схема человеческой истории по различным критериям вполне соответствует предложенному Ю.М. Осиповым делению на премодеิร์น, модерн и постмодерн. Но, конечно, трактовка третьего

периода у авторов кардинально рознится. Идея постмодерна в системе взглядов Ю.М. Осипова вписана в трансцендентную картину мира, именно религиозно-философская составляющая взгляда на процессы, происходящие с миром и человеком, делает его позицию самостоятельной оригинальной концепцией.

Проблема выделения научных школ связывается в историографии с необходимостью «отразить и классифицировать структуру научного сообщества», нередко под этим подразумевается не более чем организационная инфраструктура, т. е. только институциональные аспекты. Как раз в этом отношении школа Ю.М. Осипова выглядит эталонно: в наличии основатель и руководитель, соответствующие научные подразделения МГУ — Центр общественных наук и лаборатория философии хозяйства, — наконец, печатный орган, журнал «Философия хозяйства». Однако отношения этой школы с наукой сложны и противоречивы. Принимая заслуги науки в познании и отдавая им должное, Ю.М. Осипов заостряет внимание (в традиции русской мысли) на объективных границах ее познавательных возможностей. «Наука не так отражает и отображает предмет, в особенности — гуманитарный, как его, этот предмет, воображает, но с тем посылочным ограничением, что делает это физикалистски. Научное познание — вполне себе мифотворческое насилие над предметом, его весьма ловкое когнитивное пленение!» [2, 7].

Скорее всего, сформировавшееся вокруг идей Ю.М. Осипова собрание ученых следует определить как мыслительную школу в широком значении, что подразумевает общность творческих принципов — а не конкретно-научных методов. Для нее характерны междисциплинарный подход и рассмотрение экономических, философских, исторических, теологических, культурологических проблем на их пересечении. Мыслительная школа Ю.М. Осипова приглашает всех к совместному, методологически ничем не ограниченному, размышлению и является в этом отношении принципиально не замкнутой и открытой. Но при ясном понимании определенной особенности отечественной научно-гуманитарной среды: самостоятельные идеи, идущие в разрез с глобальными интеллектуальными тенденциями и противостоящие их диктату, не

получают у нас достойного их признания и распространения, или вовсе остаются без внимания.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Столетие «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова — сто лет философии хозяйства // София. Со лет русской софийной философии / Под ред. Ю.М. осипова, А.И, Агеева, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2012. 367 с.
2. *Осипов Ю.М.* Юбилейные всполохи // Хозяйство и мысль / Юбилейный монографический сборник. 25 лет Центру общественных наук при МГУ. 1990—2015 / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2015. 438 с.
3. *Смирнов И.П.* Традиция употребления понятия «постмодернизм» как историософской категории // Философия хозяйства. 2004. № 2.
4. *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995.

References

1. *Osipov YU.M.* Stoletie «Filosofii hozyajstva» S.N. Bulgakova — sto let filosofii hozyajstva // Sofiya. So let russkoj sofijnoj filosofii / Pod red. YU.M. osipova, A.I, Ageeva, E.S. Zotovoj. M.: TEIS, 2012. 367 s.
2. *Osipov YU.M.* YUbilejnye vspolohi // Hozyajstvo i mysl' / YU-bilejnyj monograficheskij sbornik. 25 let Centru obshchestvennyh nauk pri MGU. 1990—2015 / Pod red. YU.M. Osipova, E.S. Zotovoj. M.: TEIS, 2015. 438 s.
3. *Smirnov I.P.* Tradiciya upotrebleniya ponyatiya «postmodernizm» kak istoriosofskoj kategorii // Filosofiya hozyajstva. 2004. № 2.
4. *Stepun F.A.* Byvshee i nesbyvsheesya. M.; SPb., 1995.

||

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

А.З. НОВАК

В поисках постковидных основ развития*

Аннотация. Доминирующая в глобальной экономике парадигма развития, опирающаяся на так называемый Вашингтонский консенсус, была серьезно подвергнута сомнению в 2007—2009 гг., в период самого большого мирового финансового кризиса. В настоящее время пандемия коронавируса драматически обнаружила и обострила неравенства этой прежней гибридной модели развития, используемой большинством стран мира. Сегодня неизвестно, каким станет новый постковидный фундамент развития, который сможет обеспечить более стабильный и уравновешенный экономический рост. Одно несомненно — мир после пандемии будет иным.

Ключевые слова: глобализация, антилиберальная контрреволюция, парадигма развития, постковидный фундамент, новая роль государства, долгосрочный экономический рост.

Abstract. The dominant paradigm of development in the global economy based on the so-called Washington Consensus was seriously questioned in 2007—2009 during the world's greatest financial crisis. The current coronavirus pandemic has dramatically exposed and exacerbated the inequalities in this former hybrid model of development practiced by the most countries in the world. Today it's unknown what new post-covid foundation of development will become which will be able to ensure more stable and sustainable economic growth. One thing is certain — the world after the pandemic will be different.

Keywords: globalization, anti-liberal counter-revolution, paradigm development, post-covid foundation of development, new role of the state, long-term economic growth.

*Перевод с польского Д. Столярек.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Новак А.З В поисках постковидных основ развития // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 57—67.

Введение

Интервенция в широких масштабах правительств и центральных банков завершила эскалацию потерь финансовой ликвидности подавляющего большинства мировых экономических и финансовых субъектов (коммерческих банков, инвестиционных фондов, страховых резервов и др.). Это вызвало некоторый рост оптимизма в глобальной экономике. Ускорение темпов произошло в основном благодаря оживлению в торговле и росту инвестиций. Однако сегодня существуют опасения, что все больше правительств, замечая слабость нынешнего этапа глобализации, будут чрезмерно оберегать свои экономики от внешней конкуренции, надеясь на исключительно хорошие экономические и социальные результаты. Все чаще ставится вопрос о роли государства и рынка в экономических процессах. Предыдущий мировой финансовый кризис поставил в центр внимания, в частности, вопрос о международном контроле за передвижением капитала. Сегодня же, во время пандемии коронавируса, возникает вопрос целесообразности введения определенных инструментов контроля в экономике, например, перевода капитала [18]. Эта тема заслуживает отдельного рассмотрения.

Экономические и социальные причины антилиберальной контрреволюции

Все больше стран открыто высказываются в пользу того, чтобы, хотя бы в ограниченной мере, закрывать свои экономики от зарубежной конкуренции или, по крайней мере, сосредоточиваться на использовании собственных ресурсов.

Эта проблема — глубокая и серьезная. В книге «Новый прагматизм или новый национализм» Г. Колодко правильно замечает, что ныне возникающие в мире социально-экономические процессы все более сложны и конфликтогенны [4]. Он склонен приписать это в значительной мере как социальному, так и экономическому неравновесию, а также демографическим

процессам и угрозам природной среде, окружающей человека. Колодко считает, что эти явления еще недостаточно объяснены экономическими науками, а прежние школы экономики, особенно экономики *main stream*, оказались устаревшими, не адекватными новым проблемам и условиям, и в этой сфере надо искать что-то новое [4, 11].

Анджей К. Козьмински считает, что «люди во всем мире начинают стремиться ко все более высокому уровню благосостояния; раньше они смирились со своей судьбой, сейчас же уже не согласны, и здесь существует потенциал для бурного протеста» [4, 11].

Это мнение пересекается с основными выводами исследований Тома Пикетти, который в своей книге «Капитал XXI века» констатирует, что «динамика накопления частного капитала неизбежно ведет ко все большей концентрации богатства и власти в немногих руках...» [12, 11]. Пикетти резюмирует: «Когда показатель рентабельности капитала постоянно превышает норму роста производства и дохода, как это имело место до XIX в. и может стать нормой XXI в., капитализм автоматически образует неприемлемое произвольное неравенство, ставя под вопрос основные ценности, на которые опираются наши демократические общества» [12, 11]. Он сомневается в том, что «уравновешивающиеся силы роста, конкуренции и технического прогресса спонтанно вели к сокращению неравенства и гармоничной стабилизации в продвинутых стадиях развития, как предполагал Кузнец в XX в.» [12, 11].

В своих исследованиях Пикетти углубляется в историю, показывая, что американская мечта, т. е. обещание эгалитарного капитализма в западном стиле, не может сбыться и, вероятно, в будущем ничего не изменится. Так как в этой системе темпы экономического роста всегда ниже нормы прибыли от вложенного капитала, ростом пользуется все общество, а прибылью — лишь самые богатые [12, 373].

Профессор Европейского института в Оксфордском университете Ян Зеленка в книге «Контрреволюция. Либеральная Европа в отступлении» пытается найти причины антилиберальной

«контрреволюции» и установок правительств и политических партий, оспаривающих либеральный вариант демократии и рыночные реформы, опирающееся на вашингтонский консенсус [18]. «Во всей Европе во все большей мере политика воспринималась как искусство институциональной инженерии, а не как искусство переговоров между элитой и электоратом. Все больше власти передавалось институтам, не создаваемым во всеобщих выборах — центральным банкам, конституционным судам, регулирующим агентствам — чтобы убедиться, что принятие политических решений будет продиктовано разумом, а не эмоциями. Уступки под воздействием общества считались безответственными, если не прямо опасными... Говорилось, что граждан надо скорее учить, чем слушать» [18, 24].

Несмотря на критику либеральных взглядов, Зеленка, однако, верит в возрождение нового либерализма. Мы имеем дело, по крайней мере, в Европе и в Соединенных Штатах Америки, с четко заметными тенденциями, влияющими на характер и архитектуру нового экономического и общественного порядка.

Дэни Родрик еще раньше утверждал, что существует конфликт между демократией, неограниченной экономической глобализацией и автономией, или же суверенитетом, государств, и доказывал, что сосуществование этих трех политических принципов невозможно на уровне национального государства.

Британский еженедельник «The Economist» [16] в аналитической статье «Почему умирает демократия» напомнил, что в 1941 г. в мире было лишь несколько демократических стран, зато в 2000 г. лишь в восьми странах не проводились свободные выборы. В исследованиях, проведенных в 38 странах, четверо из пяти человек предпочли демократическую систему. Именно тогда, в 1989 г., Фрэнсис Фукуяма предсказывал «конец истории» — победит демократия, система либеральной демократии станет всеобщей, а рыночная экономика не будет подвержена опасности [3].

В настоящее время мы имеем дело с оспариванием некоторых основ либеральной демократии. Процесс этот заметно ускорился во время финансового кризиса 2007—2009 гг. одновременно с прогрессирующей дестабилизацией, вызванной миграцией и увеличением числа вооруженных конфликтов.

Нарастало ощущение, что демократические элиты не сумеют полностью справиться с преодолением кризиса и напряженностью политического и социального характера. Самый масштабный кризис со времен депрессии 1930-х гг., нарастающий кризис задолженности в Европе, биллионы публичных денег, переведенных на спасение банков, углубляющееся имущественное неравенство — все это раздражало и приводило в ужас миллионы людей.

Появились новые сильные руководители с демократическими убеждениями типа Конрада Аденауэра, Маргарет Тэтчер или отцов-основателей Евросоюза. В то же время появились сильные руководители (стронгмены), подрывающие доверие к либеральной демократии и прежним элитам.

Вопросительные знаки относительно международного порядка

Все вышеупомянутые рассуждения также приводят к вопросам относительно существующего порядка в мировом масштабе, особенно экономического. Еще недавно парадигма развития основывалась на упомянутом вашингтонском консенсусе. Он обуславливался не только научными исследованиями, но и реальными тенденциями, сопровождающими процесс глобализации. Это мегатренды в мировой экономике — прежде всего дерегуляция, либерализация, приватизация и интеграция. Эти четыре основные тенденции, существующие в мировой экономике, стали основами экономической политики многих государств.

Директивы консенсуса для экономической политики со временем подвергались некоторым модификациям, однако их основное ядро не изменялось. В глобальной экономике они стали своеобразным образцом развития для многих стран с разным уровнем экономического и социального развития. Переломным моментом, подвергшим испытанию директивы консенсуса, стал мощный по масштабу и силе мировой финансовый кризис в 2007—2009 гг. Некоторые теоретические установки экономических теорий, опирающиеся на веру в самодействующие исправляющие механизмы свободного рынка, не оправдались. Особенно ощутимыми не только для экономики, но и для простых граждан оказались «ошибки и искажения», возникшие на финансовых рынках [7]. Нарастали также проблемы социального и

политического характера. Вашингтонский консенсус, выросший из неолиберальных теорий, был подвергнут серьезному сомнению.

Тем не менее однозначно отрицательные оценки последствий его имплементации также необоснованны. Можно найти примеры государств, которые, используя упомянутые принципы, добились интернационализации своего производства и дистрибуции, трансферта и импорта современных технологий, информационной революции, развития новых рынков и т. д. Экономическая политика, опирающаяся на консенсус, стала существенным элементом системной трансформации во многих странах — в так называемых восходящих экономиках, в том числе и в Польше.

Однако не критичная вера в самодействующие исправительные механизмы «свободного рынка» не оправдалась, что, как уже упоминалось, обнаружил мировой финансовый кризис (2007—2009), последствия которого не были окончательно и бесповоротно преодолены. В результате расширяется круг не только экономистов, но и обществ, опровергающих модель развития, опирающуюся в основном на рынки, без надлежащей регулирующей и контрольной поддержки государства. К критике модели, основой которой являются неолиберальные принципы, можно добавить и другие их последствия: фрустрации и социальные неравенства, политические и экологические угрозы, о которых упоминалось ранее.

Характеристика новых глобализационных тенденций

Общую характеристику новых тенденций в экономиках самых развитых стран мира и последствий новых явлений в процессе глобализации можно охарактеризовать следующим образом.

Все быстрее развивается технологическая революция. Сбор и хранение огромного объема информации для аналитических целей в разных областях осуществлялись давно, однако сейчас стремительный рост и доступность данных и одновременно их запрограммированная селекция приводят к получению качественно новых возможностей. Объединение и сопоставление соотношений, иерархия и разнообразие связей, сбор и отборка данных из разных источников, особенно в экономической сфере, открывают новые возможности принятия быстрых и более достоверных решений и изменений в бизнес-стратегиях. Этой прогрессирующей

технологической революцией пользуются в первую очередь транснациональные корпорации. Они быстро используют ресурсы возможностей очищения и преобразования данных в разных системах для того, чтобы добиться конкурентного преимущества на глобальном рынке.

Во многих странах (например, в Китае, Индия, Израиле) наблюдается быстрый переход от имитационного развития к развитию, опирающемуся на инновации. Это приводит к нарастающим спорам и даже конфликтам, например, в области соблюдения авторских прав.

Финансовый кризис 2007—2009 гг. кардинально изменил динамику развития традиционных и возникающих экономических держав. Азиатский континент становится одним из наиболее важных центров мировой экономики. И что особенно важно — образование новых экономических держав не опирается исключительно на неолиберальные основы. Даже Международный валютный фонд опроверг основные положения Вашингтонского консенсуса.

Все более ожесточенное соперничество на глобальном рынке происходит в ситуации исчерпываемых природных ресурсов земли. Появляются мнения, что еще более опасно в перспективе отсутствие общей заботы об охране окружающей среды, возникают серьезные разногласия по поводу климатической политики.

Углубляется разделение на бенефициаров и аутсайдеров современной глобализации. Как упоминалось ранее, нарастает неравенство, ставя под вопрос основные ценности, на которые опираются современные общества. Это вызывает протесты против глобализма и его апологетов.

Все эти явления в разной мере способствуют возникновению «экономического национализма» и убеждений, что с учетом слабости и порочности нынешних тенденций, существующих на глобальных рынках, надо ввести какие-то формы протекционизма, ограничений в свободной торговле, даже если это будет угрожать вспышкой торговых конфликтов. Такой подход укрепляет также роль, казалось бы, уже менее экспонированного значения *soft and hard power* (мягкая и жесткая сила) отдельных государств.

Этот «новый национализм», как называют его авторы книги «Новый прагматизм или новый национализм» [4, 7], в нынешних

условиях отличается также «возрождением агрессивных позиций, взглядов и политики, которые, казалось бы, уже раз и навсегда погасли после ужасного опыта двух мировых войн». Итак, в глобальном соперничестве экономического характера возвращается значение внешней политики, предполагающей соединение soft and hard power (в частности, политических и манипуляционных факторов) как существенных элементов, эффективно защищающих и укрепляющих национальный интерес.

Глобализация — но какая?

Раз существует мнение, что на нынешнем этапе экономического развития политика глобализации, опирающаяся на неолиберальные принципы, должна быть основательно скорректирована, то возникают следующие вопросы: В каком же направлении надо проводить изменения, соответствующие нынешнему состоянию? Существует ли реалистическая концепция использования процесса глобализации с его положительными результатами для все большего числа стран мира? И, одновременно, как минимизировать очевидные слабости и пороки, вызывающие нарастающую и опасную социальную деградацию и бунт многих обществ?

Можно сказать, что, если кто-то эффективно спроектирует и овладеет стихией и силой современных рынков, прежде всего финансовых, и таким образом существенно изменит процесс и векторы глобализации, то он заслужит Нобелевскую премию.

По крайней мере, не стоит совершать новые ошибки и поддерживать те сценарии изменений, которые предположительно могут создавать новые угрозы и, быть может, серьезные конфликты. Попытки разрешить противоречия естественных интересов концернов или государств путем индивидуального протекционизма, политики обложения пошлиной, замены рыночной конкурентоспособности, введения агрессивных политических стратегий, заменяющих механизмы транснациональных переговоров и согласований, по всей вероятности, приведут к возвращению национальных эгоизмов.

Тем временем в глобальной экономике, где существуют также объективное соперничество и борьба за национальные интересы,

национальные государства нередко обречены на неудачу, так как из-за реальной опасности изоляционизма или сепаратизма у этих государств существенно меньше возможностей осуществлять свои интересы. Это касается и таких мощных и ведущих стран, как Соединенные Штаты Америки. Хотя еще недавно такое казалось невозможным.

Увеличение регулирующей и стимулирующей роли государства в экономике — необходимый постулат ограничения неблагоприятных процессов, происходящих на глобальном рынке, — не означает выбора в пользу ограничения интеграции и мировой торговли или же попытки замены рыночной конкуренции политикой протекционизма и экономического национализма. При всех недостатках интеграция и свободное передвижение технологий, капитала и рабочей силы — одни из мощнейших импульсов развития в масштабах государств, регионов и мира. «Бюрократизированное всемогущее государство также неприемлемо, как и полностью свободный рынок» [9, 81].

Где искать дополнительные импульсы развития?

Пандемия коронавируса заставляет многие правительства вновь переосмыслить существующие основы и экономические теории. Многие ученые, в частности, профессора Michael Woodford и Yinxi Xie из Колумбийского университета, утверждают, что надо отказаться от иллюзий, что возвращение к «конвенциональной мудрости времен финансового кризиса 2007—2009 гг., соответственно которой одной политики процентных ставок центральных банков должно хватить для сохранения макроэкономической стабильности», является возможным. За последние годы даже руководители центральных банков пытались убеждать правительства о пользе более смелого использования бюджетов для стимулирования роста. Кристин Легард начала свой срок полномочий в качестве председателя Европейского центрального банка, призвав к введению в экономическую политику фискальных стимулов. Кризис коронавируса оказался наиболее уязвимым для тех, у кого меньше возможностей, чтобы с ним справиться, отмечает председатель американской ФРС Джером Пауэлл. В мае Филип Лоу, председатель Резервного банка

Австралии, заявил австралийскому парламенту, что «фискальная политика будет вынуждена сыграть большую роль в управлении экономическим циклом, чем это было в прошлом». Британский консервативный журнал «Financial Times» все чаще подчеркивает, что изобретение новых способов возвращения к полной занятости вновь становится основным приоритетом многих экономистов. Атиф Миан из Принстонского университета, Людвиг Штрауб из Гарвардского университета и Амир Суфи из Чикагского университета придерживаются мнения, согласно которому неравенство снижает спрос в экономике. В своей последней книге Мартин Сэндбу, публицист «Financial Times», обосновывает необходимость, в частности, «укрепления исполнения действующего трудового законодательства во многих богатых странах мира». По его мнению, предотвращению возникновения новых монополий помогло бы более жесткое регулирование, касающееся слияний и перехватов.

Выводы

Многие правительства, особенно консервативные, начинают по-новому рассматривать роль государства и общественного сектора в экономике. Все более анахроничным становится отношение к государству лишь как «вмешивающемуся» или способствующему экономическому росту. Нарастает убеждение, что оно является ключевым партнером частного сектора и часто более смелым, способным пойти на риск, на который не пойдет частный бизнес. Взаимодействие частных субъектов с правительством, использующим соответствующие инструменты экономической политики, позволяет эффективно достигать целей долгосрочного экономического роста, приводящего к увеличению общественного благосостояния и социальной обеспеченности, а также к большей готовности преодолевать угрозы, такие как внешние кризисы, и новые непредсказуемые опасности, например, пандемии.

Итак, хорошо организованное, демократическое государство может оказаться и предприимчивым государством. Следует отметить, что с начала 2021 г. польское правительство развивает стимулы в налоговой системе, которая должна ускорить технологическую модернизацию отечественных фирм и заметно

улучшить конкурентоспособность польской промышленности на мировых рынках.

Литература

1. *De Grauwe P., Ji Y.* Inżynieria finansowa nie ustabilizuje niestabilnej strefy euro // *Obserwator Finansowy*. 2018. 19 kwietnia.
2. Editorial Comment // *Financial Times*. 2018. June 28.
3. *Fukuyama F.* Koniec historii. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2009.
4. *Kołodko G.W., Koźmiński A.K.* Nowy Pragmatyzm Kontra Nowy Nacjonalizm. Warszawa: Wyd. Prószyński i S-ka, 2017.
5. *Krugman P.* The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. December. USA: W.W. Norton & Company Inc., 2008.
6. *Lin J.Y.* Nowa Ekonomia Strukturalna dla gospodarek doganiających // *Nowa Ekonomia Strukturalna wobec krajów mniej zaawansowanych* / J.Y. Lin, A.Z. Nowak (red.). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Wydziału Zarządzania Uniwersytetu, 2017.
7. *Nowak A.Z.* Współczesny świat w erze turbulencji // *Zarządzanie: tradycja i nowoczesność* / J. Bogdanienko, W. Piotrowski (red.). Warszawa: PWE, 2013.
8. *Nowak A.Z., Wojtaszczyk K.A., Zamecki Ł.* Poland in the European Union // *Coleccion Universidad* — 8. Madrid: Schedas, 2016.
9. *Nowak A.Z., Ryć K.* Polityka w regionach w warunkach globalizacji. Warszawa: Wydawnictwa Naukowe Wydziału Zarządzania uniwersytetu Warszawskiego, 2017.
10. *Nowak A.Z., Lin J.Y.* New Structural Economics for Less Advanced Countries. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Wydziału Zarządzania UW, 2017.
11. *Nowak A.Z., Taplin R.* Intellectual Property, Innovation and Management in Emerging Economics. L.: Routledge, 2010.
12. *Piketty Th.* Kapitał w XXI wieku. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2015.
13. *Stiglitz J.E.* Making Globalization Work. USA: W.W. Norton & Company Inc., September, 2006.
14. *Stiglitz J.E.* The Triumphant Return of John Maynard Keynes // *Guatemala Times*. 2008. Dec. 5.

15. *Stigliz J.E.* Euro. W jaki sposób wspólna waluta zagraża przyszłości Europy. Warszawa: Wydawnictwo Krytyka Polityczna, 2017.

16. Why the democracies // *The Economist*. 2018. No. 12. June 16.

17. *Wojtyła A.* Współczesna ekonomia — kontynuacja, czy poszukiwanie paradygmatu // *Ekonomista*. 2008. No. 1.

18. *Zielonka J.* Kontrrewolucja. Liberalna Europa w odwrocie. Warszawa: PWN, 2018.

П.А. ПОКРЫТАН

**Трудовые отношения в период «пандемии»:
региональные аспекты***

Аннотация. В статье обобщаются промежуточные итоги развития пандемии и предпринимается попытка оценки ее влияния на трудовые отношения в различных регионах. Показываются общее и особенное в трансформации трудовых отношений в странах Европейского союза и Российской Федерации.

Ключевые слова: пандемия, средства труда, трудовые отношения, капитал, образование, тенденции, ЕС, РФ.

Abstract. The article summarizes the intermediate results of the development of the pandemic and attempts to assess its impact on labor relations in various regions. Shows the general and specific in the transformation of labor relations in the countries of the European Union and the Russian Federation.

Keywords: pandemic, means of labor, labor relations, capital, education, trends, EU, RF.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Покрытан П.А. Трудовые отношения в период «пандемии»: региональные аспекты // *Философия хозяйства*. 2021. № 4. С. 68—76.

УДК 331 (4 + (470+ 571)» 2020/... “
ББК 65.240.5

Так называемая пандемия⁴ COVID-19 оказала и продолжает оказывать влияние на все сферы человеческой жизнедеятельности, в первую очередь, осложняя социально-экономические отношения и противоречия в мире. Так, ситуация в странах Европейского союза характеризуется следующими данными.

Во-первых, в связи с пандемией без работы остались сотни тысяч граждан. Согласно статистическим данным, уровень безработицы в ЕС достиг 8,3%. Это привело к снижению реальных доходов граждан ЕС. Власти пытаются решить проблему с помощью социальных пособий, но их размер и условия получения не могут сдерживать процесс расширения нищеты. Заработные платы и доходы продолжают снижаться.

Во-вторых, увеличилось количество бедных. Каждый пятый житель Евросоюза, т. е. 21,1% населения, или 92,4 млн человек, живут на уровне бедности. Из них 20,4 млн — люди, у которых есть работа [5].

В-третьих, пандемия привела к абсолютному сокращению численности населения. В 2020 г. людей умерло больше, чем родилось на 358 868 человек [8].

В-четвертых, пандемия вызвала падение ВВП в среднем на 6—7% в странах ЕС.

В-пятых, в результате пандемии увеличился объем задолженности в еврозоне, достигнув 416% от ВВП.

В-шестых, в связи с проводимой политикой по борьбе и сдерживанию распространения коронавируса наблюдается рост антиправительственных выступлений во многих странах, а движение «Black Lives Matter» выдвинуто на Нобелевскую премию мира. Как результат — радикализация форм управления обществом. В Испании, Португалии, Италии, Бразилии наблюдались процессы

⁴ Слово «пандемия» в названии статьи взято в кавычки по причине того, что в научной литературе есть количественные критерии отнесения заболевания к пандемии, эпидемии. Практика показывает, что масштабы явления не соответствуют научным критериям.

фашизации политики как крайнего средства в управлении государством.

Таким образом, пандемия усилила социально-экономические противоречия и выявила новые.

Обратимся к социально-экономическим результатам развития России в период нахождения страны в условиях пандемии в 2020 г. За прошедший год пандемия вызвала падение ВВП на 4%; уменьшила население России на 400 тыс. человек; увеличила количество нищих в РФ на 1млн 300 тыс. человек; увеличила безработицу в 5 раз; увеличила цены на продовольствие и одежду на 12%, на лекарства — от 12 до 40%; заработные платы и доходы продолжают снижаться с 2014 г., а прибыли крупного бизнеса резко увеличились. Богатые становятся богаче, бедные опускаются на социальное дно. Очевиден вывод: олигархам пандемия выгодна.

Если сравнивать ситуацию в России и ЕС, то легко заметить, что вектор социально-экономического развития в целом совпадает, за исключением, пожалуй, масштабов социальных конфликтов. Напрашивается вопрос: почему пандемия привела именно к таким результатам? Как нам представляется, это было связано с рядом факторов.

Во-первых, пандемия наложилась на экономический кризис, который тянется в России с 2014 г. и получил вполне заслуженную характеристику «худшей экономической рецессии со времен Великой депрессии».

Во-вторых, произошли крупные изменения в сфере труда. Так, если говорить непосредственно о процессе труда, то с точки зрения его элементной базы самые большие изменения произошли в сфере средств труда: изменились инструменты, которые используются при изготовлении продукта труда. Введенная кабинетом министров удаленная занятость (70%) работников на предприятиях и в организациях вызвала гигантский спрос на аудиовизуальные средства коммуникации (ZOOM, MS Teams, Bitrix). Если до пандемии проведение дистанционных лекций, семинаров, практических занятий в образовании рассматривалось как особое откровение, то сейчас эта форма занятий превратилась в рутину. Это обстоятельство привело к необходимости повышать свою квалификацию в сфере овладения новыми средствами труда. В

образовании эти новации безусловно снижали качество учебного процесса, но кого может интересовать потребительная стоимость, если основное внимание собственника средств производства занимает меновая стоимость. Эволюция отношения к удаленной занятости для ряда отраслей России такова: сперва не хотели уходить на удаленные формы работы, теперь, при снятии ограничений, не хотят возвращаться.

В-третьих, усилилась конкуренция между национальными работниками в неоколониях и уменьшилась конкуренция между работниками в метрополии. Закрытие границ, ограничение свободы передвижения, прекращение регулярного авиасообщения привели к нарушению циркуляции иностранной рабочей силы между неоколониями и метрополией. Это нарушение способствовало превышению спроса на рабочую силу над ее предложением, что привело к росту зарплат у отдельных категорий работников. Так, невозможность прибыть на работу тысяч рабочих с Украины в Крым привело к росту зарплат у работников туристическо-рекреационного сектора в летний период 2020 г. Кроме того, закрытие национальных границ привело не только к ослаблению трудовой миграции, но и к росту доходов предпринимателей в Крыму (так, суточная аренда номеров выросла от 3 до 7 тыс. в сутки). Отток украинских работников из стран Западной Европы, особенно из Италии, домой на Украину привел не только к резкому расширению заболеваемости COVID-19 на Западной Украине, но и к превышению предложения труда над спросом.

Другим примером является Таджикистан, где значительно снизились денежные переводы от трудовых мигрантов, работающих за его пределами. Это связано с сокращением числа работников: в 2020 г. из страны в поисках заработка выехали на 57% меньше граждан, чем в 2019. За первое полугодие 2020 г. мигранты перевели на родину 681 млн дол., что на 430 млн меньше, чем за аналогичный период 2019 г. Между тем этот источник обеспечивает свыше трети ВВП Таджикистана, от него зависит благосостояние 70% семей в республике.

Уменьшение конкуренции между рабочими внутри страны не является повсеместным. Введение новых средств труда, например в образовании, привело к усилению конкуренции — преподавать в

филиалах теперь может не только командированный сотрудник. Совершенно необязательно добираться или лететь из другого города на место работы.

Нарушение циркуляции миграционных потоков повлияло на рынок труда не только в постсоветских странах. В Европе был введен запрет на въезд на территорию ЕС граждан неевропейских стран, что существенно сократило миграционные потоки [9].

За считанные недели пандемия COVID-19 радикально изменила обстановку на рынке труда во всем мире. Так, по данным Международной организации труда, в мире сократилось 500 млн рабочих мест, средний заработок сократился на 10% [2]. Оценка падения общемирового ВВП колеблется в районе 4% [3]. Падение уровня жизни привело к росту социальной напряженности обществе. Летние беспорядки национальных меньшинств 2020 г. в США легли на благодатную почву, как и беспорядки, связанные с выборами президента. И именно незащищенные слои населения первые ощущают наступивший кризис. Они становятся активнейшими участниками протестов, забастовок. Общая численность протестующих в США за лето составила минимум 15 млн человек. В ноябре во Франции на митинг против санитарных ограничений вышли 130 тыс. человек [1]. Десятки тысяч человек приняли участие в акциях протеста в поддержку афроамериканцев по всей Великобритании [4]. Также за 2020 г. массовыми забастовками и демонстрациями отметились ЮАР, Аргентина, Нигерия: везде разные причины, но отрицать влияние падения уровня жизни как стимула к протестам невозможно. Часто выступления сопровождались вандализмом, грабежом, мародерством. Это подтверждает факт роста социальных противоречий в глобальном мире из-за кризиса.

Европа не осталась в стороне. Миллионы людей здесь потеряли работу, большинство представителей малого и среднего бизнеса обанкротились, в то время как крупные компании наживались — богатые богатели, бедные беднели [7].

В мировом масштабе рынок труда ответил на пандемию COVID-19 снижением зарплат, уменьшением продолжительности рабочего времени, вынужденными отпусками. Экономика Евросоюза претерпела сильные потрясения в связи с массовыми

увольнениями, а также с переходом на дистанционный режим работы значительной части сотрудников. Это подтверждает статистика: около 50% французских работников частного сектора были вынуждены уйти в неоплачиваемый отпуск [10]. В остальных странах ЕС ситуация аналогичная. Согласно официальной статистике, безработица среди молодежи в странах ЕС выросла с 15% в 2019 г. до 17,8% в декабре 2020 г. Самая высокая безработица в 2020 г. зафиксирована в Греции 35,3% (+1,2%) и Испании 40,3% (+9,6%). За ними идет Литва 27,5% (+13%), Украина 21,3% (+5,9%), Италия 29,6% (+1,5%), Франция 22,1% (+2%) [12].

Политика, проводимая руководством ЕС, подорвала доверие граждан, жители Европы больше не хотят сидеть на карантине. Против ограничений, вызванных пандемией, регулярно проводятся протестные акции, которые жестко разгоняет полиция. Руководство стран, пользуясь поводом, вводит новые законы, еще сильнее ограничивающие право на демонстрации, следом люди выходят на новые протестные акции [6].

В-четвертых, усилилась конкурентная борьба между мелкими и средними предпринимателями и расширились масштабы крупного и очень крупного бизнеса. Влияние пандемии на трансформацию отношений в сфере труда и капитала можно рассмотреть сквозь призму интересов работников и персонифицированных представителей капитала. Практика показывает, что представители крупного и очень крупного капитала — 104 миллиардера — увеличили за год свои состояния на 7 трлн р. Это весьма существенная прибавка. Если обратиться к мелкому и среднему бизнесу, то здесь наблюдаются разорения и рост банкротств. Так, по данным социологических опросов, 77% представителей малого и среднего бизнеса убеждены, что не смогут пережить 2021 г. Если не брать во внимание мелкий и средний бизнес, то необходимо признать, что капиталу выгодна дистанционная форма работы. Во-первых, она приводит к экономии арендной платы за офис или производственные помещения; во-вторых, нет необходимости организовывать рабочее место сотруднику, и в-третьих, эксплуатация сотрудника может проходить круглосуточно. Все это в совокупности приводит к экономии на издержках, а следовательно, к росту прибавочной стоимости.

Какое влияние оказала пандемия на людей труда? Судя по росту числа безработных и расширению масштабов бедности, — резко негативное. Но и занятые ухудшили свое положение. Казалось бы, что экономия временных затрат на дороге с работы и на работу (в Москве достигают трех часов), экономия транспортных расходов (билеты, бензин) можно отнести к положительным эффектам от пандемии. Но если учесть, что в одно-двухкомнатной квартире ежедневно проходили школьные занятия, вузовские лекции, производственный процесс у каждого из родителей, то понятно, что условия труда подавляющего большинства населения России резко ухудшились. А ведь во многих семьях есть еще пенсионеры. И они тоже живут в этих квартирах. Кроме того, изменение образа жизни, его малоподвижный характер, должно было привести к росту заболеваемости и смертности. В этом смысле вполне уместно провести соответствующее исследование с приведением данных по динамике смертности в 2018—2021 гг., чтобы выявить отрицательное влияние пандемии на тех, кто не болел COVID-19.

Если рассматривать влияние пандемии на половую структуру совокупной рабочей силы, то легко заметить, что женщины страдают больше, чем мужчины, так как они шире задействованы в медицине, образовании, социальном обеспечении, розничной торговле, на предприятиях общественного питания, т. е. в тех сферах, которые в большей степени пострадали от коронавируса.

Усилившееся противоречие между трудом и капиталом, вызванное пандемией, привело к дальнейшему углублению неравенства. По данным исследовательской организации Oxfam, представившей 25 января 2021 г. доклад «Вирус неравенства» об углублении неравенства, десять богатейших людей мира с начала пандемии увеличили свои доходы на 1,5 трлн дол. Oxfam предлагает ввести временный налог на сверхприбыли 32-х глобальных корпораций [11]. По расчетам организации, это привлекло бы 104 млрд дол., которые обеспечили бы пособие по безработице для всех трудящихся и финансовую поддержку для всех детей и пожилых людей в странах с низким и средним уровнем дохода.

В-пятых, обострились межгрупповые противоречия: усиление давления на Россию со стороны США с приходом новой администрации, расширение НАТО на восток, попытка государственного переворота в Белоруссии, Азербайджано-

армянская война, победа проратовского президента в Молдавии. Представляется, что в дальнейшем эти противоречия будут нарастать — капиталу нужны новые сферы приложения.

Литература

1. Более 130 тыс. человек вышли в субботу на протесты во Франции // Известия: [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1093450/2020-11-28/bolee-130-tys-chelovek-vyshli-v-subbotu-na-protesty-vo-francii> (дата обращения: 17.05.2021).

2. Коронавирус оставил миллионы людей без работы. Многие об этом еще не знают // BBC: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54462688> (дата обращения: 02.04.2021).

3. *Нечаев А.* Падение мирового ВВП // Фингазета: [Электронный ресурс]. URL: https://fingazeta.ru/ekonomika/mirovaya_ekonomika/468614 (дата обращения: 02.04.2021).

4. Протесты в Британии: сброшенный памятник работорговцу восстанавливать не будут // BBC: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52955660> (дата обращения: 02.04.2021).

5. Эксперт ООН: Европа должна всерьез бороться с бедностью: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1395412> (дата обращения: 12.05.2021).

6. As Europe's Lockdowns Drag On, Police and Protesters Clash/ By Mark Landler and Stephen Castle // The Times: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2021/03/23/world/europe/lockdowns-virus-europe-police-bristol.html> (дата обращения: 17.03.2021).

7. Covid-19 and jobs: Which skills make a difference? // Skills Panorama. Skills intelligence provided by Cedefop [Official Site] 10.05.2020: [Электронный ресурс]. URL: https://skillspanorama.cedefop.europa.eu/en/analytical_highlights/covid-19-and-jobs-which-skills-make-difference (дата обращения: 12.03.2021).

8. European Commission Report on the Impact of Demographic Change: [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/demography_report_2020_n.pdf (дата обращения: 06.03.2021).

9. European Council. Conclusions by the President of the European Council following the video conference with members of the European Council on COVID-19 [Official Site]: URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/03/17/conclusions-by-the-president-of-the-european-council-following-the-video-conference-with-members-of-the-european-council-on-covid-19/> (дата обращения: 12.03.2021).

10. Labour Market, including Labour Force Survey (LFS) // Eurostat [Official Site]: URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/labour-market/overview> (дата обращения: 19.10.2020).

11. Mega-rich recoup COVID-losses in record-time yet billions will live in poverty for at least a decade <https://www.oxfam.org/en/press-releases/mega-rich-recoup-covid-losses-record-time-yet-billions-will-live-poverty-least> (дата обращения: 16.05.2021).

12. Unemployment statistics Eurostat: [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Unemployment_statistics (дата обращения: 16.10.2020).

References

1. More than 130 thousand people came out on Saturday to protests in France // Izvestia [Electronic resource]. URL: <https://iz.ru/1093450/2020-11-28/bolee-130-tys-chelovek-vyshli-v-subbotu-na-protesty-vo-francii> (date accessed: 05.17.2021)

2. The coronavirus has left millions of people unemployed. Many do not know about this yet // VVS: [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54462688> (date accessed: 04.02.2021)

3. *Nechaev A.* Fall of the world GDP // Fingazeta: [Electronic resource]. URL: https://fingazeta.ru/ekonomika/mirovaya_ekonomika/468614 (date of access: 02.04.2021).

4. Protests in Britain: the dumped monument to the slave trader will not be restored // BBC [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52955660> (date accessed: 04.02.2021).

5. UN expert: Europe must seriously fight poverty: [Electronic resource]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1395412> (date accessed: 12.03.2021).

А.В. КУЗНЕЦОВ

Цифровизация как новый этап глобализации*

Аннотация. Раскрыты некоторые закономерности реализации цифровой повестки дня в глобальном масштабе. Рассмотрены две конкурирующие концепции цифровизации. Показано, что цифромания служит способом сокрытия стагнации доминирующей в мире социально-экономической парадигмы. Обобщены некоторые долгосрочные социально-экономические последствия коронакризиса. Предложены сценарии будущего единой Европы как центра накопления проблем глобального мироустройства в постбиполярную эру. Обоснована принципиальная невозможность трансформации глобальной социально-экономической парадигмы без фундаментальных изменений в сознании человека и его отношении к себе, себе подобному и окружающему миру.

Ключевые слова: истоки цифровой глобализации, промышленные революции, новая научная картина мира, мифы и реалии цифровизации, Евросоюз как центр накопления глобальных проблем, трансформация социально-экономической парадигмы, преобразование человек.

Abstract. Some regularities in the implementation of the digital agenda on a global scale were revealed. Two competing concepts of digitalization were considered. It is shown that digital addiction serves as a way to conceal the stagnation of the world's dominant socio-economic

*Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финиуниверситету.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кузнецов А.В. Цифровизация как новый этап глобализации // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 76—97.

paradigm. Some long-term socio-economic consequences of the coronavirus crisis were summarized. Scenarios of the future of a united Europe as a center of accumulation of problems of the global world order in the post-bipolar era were proposed. The fundamental impossibility of transforming the global socio-economic paradigm without fundamental changes in the consciousness of a person and his attitude towards himself, his own kind and the surrounding world has been substantiated.

Keywords: origins of digital globalization, industrial revolutions, a new scientific picture of the world, myths and realities of digitalization, the European Union as a center of accumulation of global problems, transformation of the socio-economic paradigm, human transformation.

УДК 314/316, 327, 338, 339
ББК 66.4, 65.01

Цифровая экономика создает на глобальном уровне предпосылки для структурных изменений в производительных силах и производственных отношениях. Инвестиции в цифровую экономику приносят прибыли как развитым, так и развивающимся экономикам. Правительства ведущих стран мира разработали амбициозные программы по использованию цифровых возможностей для развития национальных экономик путем создания и поддержки институтов стимулирования цифрового предпринимательства. В реализацию цифровой повестки дня вовлечены все заинтересованные стороны: высокотехнологические компании, высшая школа, гражданское общество, поставщики инфраструктуры, бизнес. Поразительное единство взглядов и энтузиазм правительств самых разных стран в переводе национальных экономик на цифровую платформу заставляет задуматься об истоках глобальной цифровизации, анализ которых и является предметом нижеследующего исследования.

Институционально-генетические истоки глобальной цифровизации

Характерно, что цифровые технологии сегодня представляются как некое универсальное общечеловеческое благо, одинаково доступное всем странам мира без учета уровня их развития, степени интегрированности в систему мирового хозяйства,

а также реальных возможностей влияния на процессы, описываемые как «цифровая глобализация». Вместе с тем в современном научном дискурсе по-прежнему недостаточно внимания уделяется вопросу реализации глобальной цифровой повестки дня в интересах англосаксонского мир-системного ядра, которому в частности принадлежат разработка ключевых цифровых технологий (*AI, Big Data, P2P, Fintech, Blockchain, Smart Contracts, ICO, Crowdfunding, Crowdlending, Crowdinvesting, Robo Consulting, Robo-Investing* и т. д.), инструменты их внедрения на глобальном уровне (*Internet, World Wide Web*), каналы распространения (*Google, Facebook* и прочие сетевые ресурсы) и методы контроля (*Digital Adoption Index — World Bank, The Digital Society Index — Oxford Economics*). При этом даже генераторы новых технологий, которых называют центрами очередного этапа глобализации — в Северной Европе и частях Азии (включая Южную Корею и Японию) — так или иначе находятся под англо-американским военно-политическим и финансовым контролем.

Ведущая роль англосаксов в процессах оцифровывания мировой экономики очевидна — именно они выступили инициаторами всех промышленных революций, преследуя одну и ту же цель — замену человека машинами. В настоящее время это достигается за счет постоянного улучшения способов сбора, обработки и защиты информации (знания), увеличения скорости вычислительных процессов и повсеместного вытеснения техникой человеческого фактора.

Так, именно инициативные англичане заложили основы эры машиностроения. Начиная с конца XVIII в. жители Туманного Альбиона осуществили масштабное внедрение в жизнь общества технологий первой промышленной революции: заводов, фабрик, станков и нового оборудования. Затем пришло время американцев, значительно усовершенствовавших изначальные механические производства [2, 25—26].

Также немалый вклад в развитие «умных» машин вносит англосаксонская футурология. Наиболее активно в разработку новой техники и приемов предвидения (а по сути проектирования) будущего вовлечены такие компании, как *Google, Shell, BP*, экологическая организация «Форум будущего», британское

правительственное Агентство по делам науки, Королевский институт международных отношений, Центр альтернативных технологий, Центр им. Джона Тиндаля и Школа им. Джеймса Мартина (Оксфордский университет), а также Пентагон и многие другие организации [9, 10]. Новые технологии открывают перед бизнесом невиданные ранее возможности для развития потребительского общества, позволяя не только изменять будущее, но и торговать им [9, 19].

Теоретическую основу цифровой глобализации формируют две конкурирующие концепции, одна из которых возникла в Америке, но получила практическое применение в Европе, а другая, напротив, возникла в Европе, но реализовываться стала в Америке и Азии. Рассмотрим основные характерные черты данных мировоззрений.

Третья промышленная революция

Автором концепции «Третья промышленная революция» является американский эколог и экономист Джереми Рифкин. Его идеи были официально поддержаны Европарламентом в 2007 г. и реализованы на практике некоторыми агентствами Европейской комиссии в ряде стран-членов ЕС [7]. Сущность данной концепции заключается в соединении инновационных интернет-технологий с новаторскими системами возобновляемых источников энергии с целью перехода от постулата неограниченного экономического роста к императиву устойчивого экономического развития. Предпосылка такого перехода заключается в создании социального капитала некоммерческого гражданского общества, в котором под контроль интеллектуальных технологических систем перейдут многие виды коммерческой деятельности. Новая сетевая инфраструктура экономики третьей промышленной революции рассматривает технологии как некое отражение экосистемы планеты, в которой экономические, социальные и политические взаимосвязи уподобляются биологическим взаимосвязям в экосистемах Земли (рис. 1).

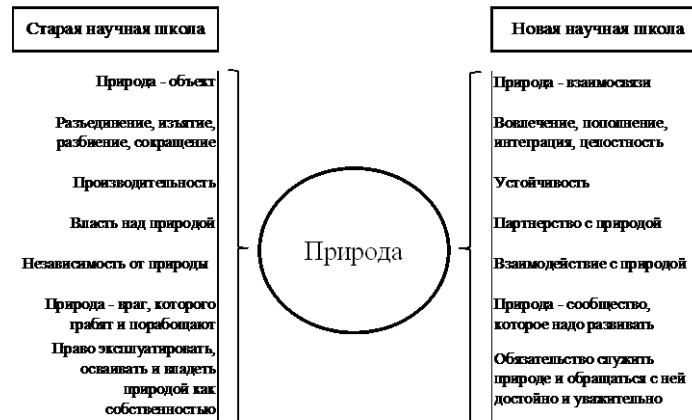

Рис. 1. Новая научная картина мира — экономическая модель третьей промышленной революции: составлено автором на основе данных [7, 317—318]

В отличие от первой и второй промышленных революций, в основе которых было ископаемое топливо, в третьей промышленной революции централизованные экономические процессы вытесняются распределенной организационной моделью посредством широкой эксплуатации возобновляемых источников энергии. Национальные рынки и системы управления, контролировавшиеся национальными государствами, вытесняются континентальными рынками и континентальными союзами (ЕС-27/28, Азиатский союз-16 [АСЕАН+6], Африканский союз-54, Южноамериканский союз-12 [Андское сообщество+МЕРКОСУР], Североамериканский союз-3 [НАФТА/СМК]).

Вертикальные отношения «покупатель — продавец» заменяются горизонтальным взаимодействием «поставщик — пользователь», а понятие «собственность» как результат обмена на рынке — временным доступом к услугам в социальных сетях в форме лизинга, аренды, договора на обслуживание и т. д. Эта касается таких сфер, как, например, заключение долгосрочных договоров аренды автомобилей или приобретение доли в

недвижимости на условиях таймшера, дающее право проживать в ней в течение определенного времени.

Новая экономическая парадигма, лежащая в основе третьей промышленной революции, основана на открытом глобальном сетевом пространстве интернета, через которое осуществляется сотрудничество людей во всех сферах человеческих взаимоотношений. Эта модель предполагает замену рыночного товарообмена, основанного на отчуждении прав собственности на материальные блага, правом коллективного доступа к коммерческим услугам посредством социальных сетей и совместного использования накопленных знаний и опыта. Таким образом, в новой энерго-коммуникационной системе транзакционные издержки стремятся к нулю, что исключает получение прибыли в традиционном понимании.

Четвертая промышленная революция

В 2016 г. президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб обосновал концепцию «Четвертая промышленная революция». По мнению Шваба, до сих пор проводниками всех промышленных революций служили трансформации экономических систем и социальных структур. Во время первой промышленной революции механическая энергия заменила мышечную силу. Создание электричества и конвейерного производства стало атрибутом второй промышленной революции. В ходе третьей промышленной революции разработка программно-аппаратной среды обеспечила основу для перехода к будущим цифровым технологиям. В период четвертой промышленной революции в результате модернизации цифровых технологий происходит объединение физических систем производства с виртуальным и биологическим мирами в форме возникновения интернета вещей, «умных заводов», «умных городов» (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики промышленных революций

Тип	Период	Ключевые технологии	Результат	Страны-лидеры
-----	--------	---------------------	-----------	---------------

Первая промышленная революция	1760-е — 1840-е гг.	Железные дороги, паровой двигатель	Механизация производства	Великобритания
Вторая промышленная революция	Конец XIX в. — начало XX в.	Электричество, конвейер	Организация массового производства	США
Третья промышленная революция	1960-е — 2000-е гг.	Полупроводники, ЭВМ, персональные компьютеры, Интернет	Всеобщая компьютеризация экономики	США, Великобритания
Четвертая промышленная революция	2010-е гг. — н.в.	Смартфон, беспилотный автомобиль, 3D-печать, распределенная база данных	Синтез физических, цифровых и биологических технологий	США, Великобритания и др.

Источник: составлено автором на основе данных [10, 15—17]

Цифровая экономика соединяет в единые сетевые структуры процессы производства, обмена, распределения и потребления товаров, услуг и общественных благ, значительно снижая расходы на рабочую силу через повсеместную автоматизацию, роботизацию и цифровизацию производственных процессов. Новые технологические платформы развивают «экономику по требованию» («экономику совместного потребления»), когда вещи изготавливаются под индивидуальный заказ. Развитие цифровой экономики характеризуется ростом спроса на программистов и математиков. Главными выгодоприобретателями четвертой промышленной революции выступают поставщики интеллектуального или физического капитала — изобретатели, акционеры, инвесторы. К негативным последствиям цифровизации мировой экономики относятся увеличение социального неравенства,

гипертрофированная безработица, миграционные процессы, конфликт цивилизаций.

Цифровая экономика: мифы и реальность

С момента публичного представления концепции «Четвертая промышленная революция» цифромания буквально овладела массовым сознанием как ожидание возникновения некоего принципиально нового социально-технологического устройства общества. Однако анализ реальности выявляет высокую степень аморфности и архаичности происходящих в настоящее время «трансформаций».

Если посмотреть на крупнейшие мегаполисы мира, то сегодня они больше напоминают азиатские города начала прошлого века — улицы заполнены доставщиками готовой продукции, которые перемещаются на примитивных с точки зрения цифровой экономики транспортных средствах — самокатах и велосипедах. Никаких *принципиальных* технических изменений не произошло и в главном атрибуте потребительского общества — автомобиле.

То же самое можно сказать и об основе цифровой экономики — компьютере, который все также выполняет функцию печатающей машинки, только с увеличенными объемами памяти и быстротой действия процессора. И хотя сегодня в компьютере совмещаются функции телефона, телеграфа и телевизора, *принципиально* он работает на той же операционной системе, которая использовалась в его самых ранних версиях.

Цифровые технологии не революционизировали и утилизацию отходов, которая осуществляется все тем же способом — созданием свалок и сжиганием мусора с выделением в атмосферу токсичных и крайне опасных для здоровья человека выбросов [9, 177—198].

Таким образом, цифровая экономика — это не что иное, как очередной этап развития монополистического государственного капитализма, на котором монополию промышленников и финансистов заменила монополия сетевиков.

Мир попал в ловушку времени — застыл в 1990-х. Победа Запада в «холодной войне» оказалась пирровой, потому что был нарушен принцип соревнования двух систем — от которого в конечном итоге выигрывали все, а не конкретная корпорация.

Заслуга СССР состояла в создании нового типа экономики — нетоварной (нефинансовой) экономики, которая специализировалась на создании социальных благ. Залогом развития в XX в. была идеализация труда, воплощенная в образе рабочего и колхозницы. Вместе с тем этот образ не учитывал феномена городской цивилизации, породившей такое массовое явление, как класс интеллектуалов и творческих профессий, которые были не готовы мириться со всеобщей уравниловкой.

В отличие от культивируемого в советском народном хозяйстве облика высокоморального самодостаточного человека-труженика, в современном экономиксе идеализируется криминальный тип поведения и насаждается иждивенческий образ жизни.

В рамках подобного экономического мейнстрима интеллектуальная (творческая) работа востребована лишь в той мере, в которой она может соответствовать извращенным ценностным установкам. Поскольку интеллектуал (творческий человек), обслуживая низкопробные запросы глобокапитализма, не создает того продукта, который позволил бы обществу перейти на новый уровень социально-экономического развития, все попытки сделать востребованным качественный интеллектуальный труд и оживить творчество обречены.

Процесс подчинения интеллектуалов (творческих профессий) непроизводительному классу был осуществлен через искажение механизмов ценообразования, что очень хорошо было показано американским экономистом и футурологом Т. Вебленом в книге «Инженеры и ценовая система». В этой работе американский ученый обосновал, что инвестиционные банкиры поставили под контроль процессы расширения производства с тем, чтобы искусственно создавать дефицит, который является источником получения сверхприбылей [2].

Технологии массового контроля расширенного производства были опробованы еще в СССР, где в 1980-х гг. искусственное создание дефицита товаров при наличии второго по мощности в мире производственного комплекса привело к возникновению класса нуворишей, монополизировавшего в результате коллапса советского государства весь производственный потенциал. Тогда

обществу было объявлено, что советские производственные мощности морально и физически устарели. Но по факту через три десятилетия после распада СССР — в 2019 г. — среди ведущих стран мира Россия по темпам развития промышленности уступала только Китаю [3, 22]. И этот результат был достигнут, даже несмотря на утрату трети промышленных мощностей после распада СССР и при объеме внутренних инвестиций, значительно уступающих соответствующим показателям лидеров мировой экономики.

Прорыв в нетоварную экономику по производству социальных благ произошел во время правления И.В. Сталина благодаря тому, что у советской промышленности не было своекорыстных собственников и она создавалась на средства государства. Тогда была построена беспрецедентная в мировой практике инфраструктура по развитию человеческих способностей. Именно из этой инфраструктуры берут свое начало практически все социальные и научно-технические достижения XX в. В реально функционирующей модели советского государства человек был освобожден от необходимости выживания в цивилизованных джунглях рыночной экономики.

Однако при всей существующей социальной инфраструктуре в СССР так и не возникла система знания, подвигающая человека к самоограничению как залогом здоровой, долгой и полноценной жизни. Иначе в 1990-х гг. советские граждане не отказались бы от кровью завоеванных свобод и не заключили бы себя добровольно в оковы потребительского рабства.

Итак, в СССР был создан новый тип экономики — нетоварной (нефинансовой) экономики, или экономики социальных благ. Однако под данный тип экономики не был создан новый тип человека — человека, который бы смог самостоятельно ограничивать свои потребности в отсутствии контроля со стороны тоталитарного государства. С разоблачением «культы личности» и наступлением «оттепели» советский человек в течение нескольких десятилетий обменял социальные блага нетоварной экономики на частные квартиры, дачи, автомобили, заграничные поездки и прочие атрибуты персонального комфорта, доставляемого современным капитализмом.

Подмена ценностных приоритетов привела к тотальному дефициту таких социальных благ, как свободное время, бескорыстная взаимопомощь, здоровый образ жизни, любовь. Все эти блага были подменены избытком псевдоблаг — коммерческих товаров, которые служат источником сверхдоходов владельцев капитала, нанося вред здоровью и психике человека (например, полуфабрикаты вместо здорового питания, одежда на синтетической основе, унижающая человека поп-культура, автомобили и прочая самодвижущаяся техника, заполнившие собой и своими выхлопными газами практически все обитаемое жизненное пространство городов, повсеместные стрессовые условия работы и т. д.).

После окончательного разрушения советского строя в мире были распространены технологии, которые заставили человека отказаться от следования правилам морального кодекса человеческого общежития, а вместо этого отдать себя в управление бездушным машинам в виде всевозможных гаджетов [11], завершающих миссию расчеловечивания и уничтожения человека.

Таким образом, с начала 1990-х никакого развития в мире не происходит. Цифровая экономика попросту консервирует остановку времени, фиксирует, тиражирует и пропагандирует отсутствие изменений. Несмотря на ошеломительную скорость передачи информации, мир замер на месте — он никуда не движется. Сегодня эта простая истина системно не осознается ни государством, ни обществом. Поэтому для того, чтобы вырваться из ловушки застывшего времени, необходимо, во-первых, вернуть контроль над сферой производства в узком смысле «инженерам», а в широком понимании — творческой интеллигенции; во-вторых, при помощи существующих технологий управления массовым сознанием перестроить человека таким образом, чтобы его усилия были направлены на самоограничение, а не на соревнование с Создателем в модернизации внешнего мира [5].

Коронавирус как промежуточный итог

Невероятное единство правительств ведущих стран мира в реализации цифровой повестки дня в интересах глобальной корпоратократии продемонстрировала коронавирусная пандемия.

«Самоизоляция» разрешила множество «проблем» архитекторов глобокапитализма, остававшихся открытыми на протяжении длительного периода времени. С большой долей вероятности можно предположить, что коронакризис приведет к следующим социально-экономическим последствиям:

- корпорации увеличат свои доходы за счет перевода наемных работников на дистанционную работу и связанного с этим сокращением расходов на приобретение канцелярских товаров, оплату коммунальных услуг, аренду офисов, выплату пособий по временной нетрудоспособности и прочих непроизводительных издержек;

- будут введены ограничения во всех сферах социального взаимодействия (кроме интернета), включая туризм и индустрию развлечений, что повысит зависимость индивидуума от монополии сетевиков;

- все большее число бесплатных интернет-ресурсов станет коммерческими;

- будет дальше создаваться искусственный дефицит товаров, услуг и социальных благ, что повлечет за собой соответствующий рост цен;

- развитие модели сетевого общества получит наивысший государственный приоритет;

- произойдет снижение доходов самозанятых людей (особенно индивидуальных предпринимателей), а также владельцев торговых ларьков и арендодателей; продолжится разорение мелкого и среднего бизнеса;

- возникнет новое поколение иждивенцев — людей, не востребованных новым типом сетевой экономики;

- повысится спрос на все виды творческого труда для обслуживания потребностей сетевой экономики;

- государства в результате закрытия границ для международного обмена будут вынуждены в большей степени рассчитывать на собственные силы;

- усилится противостояние между различными группами элит за доступ к ресурсам;

- произойдет нейтрализация слабых государств;

- крупнейшие страны-должники объявят дефолты по своим внешним и внутренним долговым обязательствам, в результате чего произойдут очередное перераспределение богатств и регионализация мирового валютного пространства;
- продолжится разложение Евросоюза.

Окончание проекта единой Европы

Одним из наиболее резонансных и тяжелых последствий коронакризиса может стать дезинтеграция единого европейского пространства. После выхода Великобритании из ЕС потенциальные риски нестабильности европейского интеграционного объединения многократно возросли, что связано со следующим.

Во-первых, нынешняя модель политического и экономического устройства Европы не позволяет в принципе разрешить накопленные структурные проблемы (в первую очередь, торговые дисбалансы и связанные с ними дисбалансы внешнего долга).

Во-вторых, после глобального финансового кризиса ЕС оказался в едва преодолимой зависимости от США как в финансовой, так и в политической сферах (обращение за финансовой помощью к МВФ и ФРС, поддержка американских санкций против России и прочее).

В-третьих, в современной Европе нет лидеров, сопоставимых с личностями Шарля де Голля или Конрада Аденауэра, способных сцементировать европейское единство.

Для определения сценариев будущего единого европейского пространства необходимо проанализировать причины, обусловившие современный кризис в ядре объединенной Европы — Евроне.

Во-первых, фундамент будущих проблем Евроне был заложен, когда СССР дал согласие на объединение Германии. Уже первый опыт создания валютного союза между Западной и Восточной Германией был крайне негативным. Несмотря на то, что уровень производительности труда в восточных землях составлял лишь 25% от производительности труда в западных землях, западногерманская марка была введена по курсу 1 к 1 (вместо 1:4), что привело к безработице и экономическому спаду. Чтобы сгладить

эти диспропорции, было принято решение в течение 30 лет после объединения ежегодно направлять 5% ВВП на финансирование структурных реформ в Восточной Германии. Суммарный объем соответствующих инвестиций с 1990 г. превысил 1,5 трлн евро [8, 12], а производительность в восточных землях так и осталась на 25% ниже производительности в западных землях. И проблема в данном случае заключается не столько в недостатке средств, сколько в исторически обусловленных различиях в социальной практике, традициях и образе жизни людей [1, 311]. В странах периферии Еврозоны, которые не получили подобных инвестиционных вливаний от своих правительств, подобные асимметрии являются еще более выраженными.

Во-вторых, отказ европейских стран от своих национальных валют привел к образованию внутри Европы практически неразрешимых финансовых проблем, связанных с невозможностью урегулирования внутренних и внешних дисбалансов посредством национальных инструментов денежно-кредитной политики — процентных ставок и валютных курсов. Кроме того, закрепленная в Договоре о создании ЕС политическая независимость ЕЦБ стала причиной хронического дефицита ликвидности на внутреннем европейском рынке.

Следует напомнить, что в рамках Европейской валютной системы (1979—1998) действовала модель многостороннего клиринга на базе ЭКЮ, которая довольно успешно ограничивала масштабы проникновения в европейскую корпоративную культуру модели финансового глобокапитализма англо-американского образца с его ориентацией на максимизацию прибылей акционеров за счет сокращения производственных инвестиций.

Модернизация этой модели возможно не позволила бы Великобритании превратиться в финансовый центр ЕС, поскольку система многостороннего клиринга на базе ЭКЮ устанавливала лимиты развитию евродолларового валютного рынка и рынка деривативов, которые обуславливают нынешние преимущества Лондонского Сити не только на европейском, но и на глобальном финансовом рынке. Так, в настоящее время Лондонский Сити осуществляет 75% клиринга производных финансовых инструментов, деноминированных в евро на сумму, эквивалентную

около 1 квадриллиона дол., а расположенные в Великобритании банки управляют 40% европейских активов и 60% европейских рынков капитала. Доля Лондона на мировом валютном рынке и рынке процентных деривативов составляет свыше 40% [6, 82—83].

Кроме того, сохранение в Европе суверенных центральных банков не позволило бы развиваться другому ключевому сегменту международного финансового рынка — рынку еврооблигаций. Если бы европейские центральные банки не перешли на продвигаемый в мире Банком Англии режим таргетирования инфляции, они могли бы и дальше осуществлять финансовое содействие как государственному, так и корпоративному сектору, которым не пришлось бы в таких объемах занимать деньги на подконтрольных Лондону и Нью-Йорку международных рынках капитала для финансирования своих текущих обязательств.

В свою очередь это не поставило бы Европу в кабальную зависимость от ФРС США и МВФ, в которой она оказалась в результате сгенерированного в США ипотечного кризиса и вызванного им коллапса международной ликвидности, что, в свою очередь, стало детонатором финансового кризиса в Еврозоне.

В-третьих, пожалуй, самой главной причиной проблем развития Еврозоны стало то, что после распада СССР европейская корпоративно-солидаристская модель координированной рыночной экономики проиграла инновационно-конкурентной модели англо-американского образца. По сути, подключение Европы к реализации политики неolibерализма, или политики «третьего пути», скроенной совместными усилиями администраций Б. Клинтона и Т. Блэра, подчинила суверенные европейские государства интересам англосаксонского финансового капитала [13, 97].

Каковы же итоги допущенных ошибок и просчетов?

Во-первых, Германия как производительная периферия финансового глобокапитализма сегодня эксплуатируется больше, чем Китай, поскольку в ФРГ на экспорт производится в разы больше реальной (не финансовой) продукции в расчете на душу населения, чем в КНР. Несмотря на лидирующие экономические позиции Германии в Европе, до 2010 г. там наблюдался спад реальной заработной платы и доходов, а после 2010 г. этот спад перенесся на страны периферии Еврозоны [12, 148]. Такое положение вещей

свидетельствует о провале намерений архитекторов единой Европы по созданию целостной и устойчивой модели экономического развития на европейском континенте.

Во-вторых, в процессе встраивания в неолиберальную модель ЕС стал во все большей степени зависеть от компаний англо-американского происхождения, которые оказывают бизнесу услуги профессионального характера. К примеру, крупнейшие англо-американские аудиторские компании ведут проверку финансовой отчетности в 95% крупнейших европейских компаний. На европейских финансовых рынках подавляющее большинство финансовых транзакций осуществляется в рамках англо-американского права. Показательно, что практически все 100 наиболее значимых в мире юридических компаний, оперирующих в Европе, подконтрольны англо-американскому капиталу. Общеизвестным является также и тот факт, что три ведущих американских агентства присваивают 96% всех кредитных рейтингов в мире, включая рейтинги, присваиваемые суверенным государствам и корпорациям Евросоюза [4, 189].

В-третьих, в результате образовавшегося в Европе идеологического вакуума происходит дальнейшее размывание европейской идентичности по мере распространения в Европе англосаксонской корпоративной культуры и эффекта американского плавильного котла, усилившегося после притока мигрантов из ближневосточных стран.

Исходя из вышеизложенного анализа, возможно предположить четыре сценария будущего развития единой Европы (рис. 2).

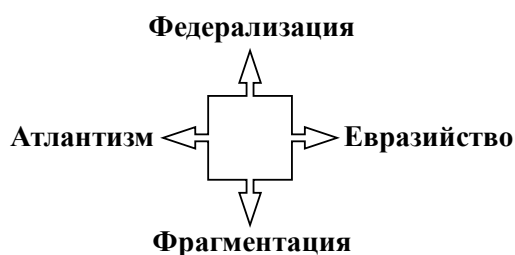

Рис. 2. Сценарии будущего Евросоюза: составлено автором

Первый сценарий — условно назовем его «атлантизм» — это создание Трансатлантического союза — единой зоны свободной торговли между США и ЕС, что ускорит процесс американизации Европы.

Второй сценарий — «федерализация» — создание в Европе полноценного банковского, бюджетного, налогового, финансового союзов и, как следствие, — единого политически унифицированного государства. Этот вариант маловероятен, с учетом отсутствия в современной Европе политических лидеров, способных довести начатые реформы до конца.

Третий сценарий — «фрагментация» — выход из состава ЕС других его членов и распад ЕС. Этот вариант наиболее вероятен в случае несостоятельности первых двух сценариев.

И, наконец, четвертый сценарий — «евразийство» — это включение Европы в проект создания Большой Евразии с участием России и Китая. Этот вариант, хотя и фантастичен, но наиболее жизнеспособен с учетом необходимости решения проблем глобальных и региональных асимметрий и дисбалансов.

Оценка вероятности реализации каждого из этих сценариев требуют тщательной проработки. Однако очевидным представляется тот факт, что Европа, объединенная единой валютой, не смогла составить системного противовеса англосаксонской долларовой глобальной гегемонии с целью разрешения проблемы дисбалансов в мировой экономике и мировых финансах. В то же время не вызывает сомнения и факт несостоятельности однополярной англо-американской глобализации.

С учетом вхождения неолиберальной модели глобального развития в состояние цугцванга приобретает актуальность отказ от воспроизводства в мировом масштабе «одномерного» человека в образе оператора денежных и информационных потоков финансово-цифровой глобализации. Почвой для разработки новой модели общества могла бы послужить качественная переработка советского опыта в создании альтернативной социально-экономической системы и опыта функционирования координированной рыночной экономики в Европе (до введения евро). Переосмысление этого опыта целесообразно проводить в контексте критического анализа

концепций конвергенции систем и взаимного притяжения ЕС, ЕАЭС и инициативы «Один пояс — один путь».

Нестяжающий человек

Представленный выше комплекс усугубляющихся проблем мирового развития в первую очередь связан с неспособностью человечества к самоограничению на уровне каждого отдельно взятого индивида. Именно поэтому перед человечеством в целом пока не открываются «двери» ни в познание мира, ни в самопознание, даже после появления огромного числа информации, предлагающей ключи к этим «дверям». При этом вся картина познания мира сводится к тому, что человеку все еще предоставляется возможность практически в любых условиях оставаться человеком.

Следует подчеркнуть, что ни общественное положение, ни образование, ни большие деньги, ни комфорт, ни какие-либо другие «блага» жизни не являются сущностными характеристиками человека — они определяют лишь социальные условия его выживания. Сущностной характеристикой человека является осознание первостепенной ценности жизни человека (любого человека) как одухотворенной субстанции, отличной от любых производимых человеком второстепенных ценностей в виде «неодухотворенных» вещей и технологий, независимо от их практичности, полезности, внешней привлекательности, престижности, статусности, рыночной стоимости и прочего. Императивное же доминирование цифры в общественном развитии как «неодухотворенной ценности» делает ненужным существование человека.

Осознание первостепенной ценности человека над любыми другими ценностями, создаваемыми в мире, и является отправной точкой для всех последующих действий, включая составление планов развития государств, обществ, объединений интеграционного и не интеграционного типа и т. д.

Различение первостепенного и второстепенного и есть та грань, которая позволяет при любых обстоятельствах человеку оставаться человеком.

* * *

Сплоченность действий правительств ведущих стран мира по реализации цифровой повестки указывает на активизацию невидимого глобального Игрока с четко выверенной долгосрочной программой действий. Современные цифровые технологии — это очередная попытка Игрока продемонстрировать Создателю свое превосходство. Однако все предшествующие и будущие технологии, якобы позволяющие преодолевать несовершенство человека — от автомобиля и летательных аппаратов (ускоряющих скорость передвижения) до компьютеров, мобильных цифровых устройств и искусственного интеллекта (опять-таки ускоряющих передачу данных), — противоестественны природе и человеку, поскольку наносят непоправимый ущерб их физиологическому и психофизическому состоянию.

Люди крайне эмоциональны. Эмоции — одна из основных человеческих слабостей, которой пользуются Игрок, чтобы вышибить человека из состояния равновесия, сломать ценностный стержень. При помощи воздействия на эмоции человечество подводит к мнению, что планы мировой закулисы являются непременно злонамеренными. Однако, во-первых, не будем забывать о фразе, которую Гете употребил в «Фаусте»: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». А, во-вторых, обязательное чипирование (как и искусственный интеллект) — дело отдаленной перспективы. Нужно проведение огромного количества опытных экспериментов, прежде чем станет возможным запустить эти технологии в массы, что маловероятно, с учетом текущего глобального системного застоя. Но даже если это время когда-нибудь наступит, большинство может воспринимать эти новые технологии так же естественно, как, к примеру, айфоны.

Подводя итог, необходимо еще раз подчеркнуть, что в СССР был создан новый тип хозяйственной системы, в которой (несмотря на огромные усилия и жертвы) так и не удалось на долгосрочную перспективу создать соответствующий тип человека. Провал советской системы по воспитанию самодостаточной личности стал очевидным сразу же после устранения механизмов тоталитарного контроля над человеческой личностью. Советская социально-экономическая система эволюционировала, а человек остался таким же, каким он был при всех предыдущих формациях —

рабовладении, феодализме, капитализме, — каждая из которых, по сути, исповедовала одну и ту же парадигму ценностей — эксплуатацию человеком другого человека и эксплуатацию природы, т. е. того, что было дано Создателем человеку в пользование безвозмездно, но впоследствии самим же человеком превращено в объект тотальной коммерциализации и в источник нескончаемой наживы. Следует констатировать, что данная перевернутая парадигма ценностей будет продолжать доминировать (со всеми описанными выше вытекающими последствиями) до тех пор, пока общество в целом и каждый человек в отдельности не изменят своего отношения к себе, себе подобному и окружающему миру.

Литература

1. *Буторина О.В.* Экономическая история евро. М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 576 с.
2. *Веблен Т.Б.* Инженеры и ценовая система. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 112 с.
3. *Горгола Е.В., Монин С.А.* О реальном месте экономики России в мировой таблице о рангах вопреки популярным западным рейтингам и замороженной либеральной общественности // Теоретическая экономика. 2020. № 2. С. 11—25.
4. *Кузнецов А.В., Зотова Е.С.* Валютно-финансовые риски европейской интеграции и координация действий по их минимизации // Философия хозяйства. 2019. № 4. С. 183—197.
5. *Осинов Ю.М.* Белые скрижали. Сумма иного знания. Антиучебник. М.: ТЕИС, 2016. 464 с.
6. *Пищик В.Я., Кузнецов А.В., Алексеев П.В.* Европейский экономический и валютный союз: 20 лет спустя // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 76—85.
7. *Рифкин Д.* Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 410 с.
8. *Саррацин Т.* Европе не нужен евро. М.: Издательство АСТ, 2015. 512 с.
9. *Урри Дж.* Офшоры. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 288 с.

10. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017. 208 с.
11. *Эстун Д.* Тавистокский институт. Минск: Попурри, 2014. 368 с.
12. *De Grauwe P.* The legacy of the Eurozone crisis and how to overcome it // *Journal of Empirical Finance*. 2016. No. 36. P. 147—155.
13. *Shaxson N.* The Finance Curse: How Global Finance Is Making Us All Poorer. L.: The Bodley Head, 2018. 360 p.

References

1. *Butorina O.V.* Ekonomicheskaya istoriya evro. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2020. 576 s.
2. *Veblen T.B.* Inzhenery i cenovaya sistema. M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2018. 112 s.
3. *Gorgola E.V., Monin S.A.* O real'nom meste ekonomiki Rossii v mirovoj tabeli o rangah vopreki populyarnym zapadnym rejtingam i domoroshchennoj liberal'noj obshchestvennosti // *Teoreticheskaya ekonomika*. 2020. № 2. S. 11—25.
4. *Kuznecov A.V., Zotova E.S.* Valyutno-finansovye riski evropejskoj integracii i koordinaciya dejstvij po ih minimizacii // *Filosofiya hozjajstva*. 2019. № 4. S. 183—197.
5. *Osipov YU.M.* Belye skrizhali. Summa inogo znaniya. Antiuchebnik. M.: TEIS, 2016. 464 s.
6. *Pishchik V.YA., Kuznecov A.V., Alekseev P.V.* Evropejskij ekonomicheskij i valyutnyj soyuz: 20 let spustya // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. T. 63. № 9. S. 76—85.
7. *Rifkin D.* Tret'ya promyshlennaya revolyuciya: Kak gorizontal'nye vzaimodejstviya menyayut energetiku, ekonomiku i mir v celom. 2-e izd. M.: Al'pina non-fikshn, 2015. 410 s.
8. *Sarracin T.* Evrope ne nuzhen evro. M.: Izdatel'stvo AST, 2015. 512 s.
9. *Urri Dzh.* Ofshory. M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2018. 288 s.
10. *SHvab K.* CHetvertaya promyshlennaya revolyuciya. M.: Izdatel'stvo «E», 2017. 208 s.
11. *Estulin D.* Tavistokskij institut. Minsk: Popurri, 2014. 368 s.

М.Л. ХАЗИН

**О проблемах распада долларového пространства
и кластеризации мировой экономической системы***

Аннотация. В работе рассматриваются проблемы мировой экономики, в частности, мировой финансовой сферы, основанной на бреттон-вудской системе. Оценивается вероятность будущего мирового финансового кризиса, показываются возможные пути выхода из него.

Ключевые слова: экономика, развитие, мировая финансовая система, мировой экономический кризис, бреттон-вудская модель.

Abstract. The paper deals with the problems of the world economy, in particular, the global financial sphere based on the Bretton Woods system. The probability of a future global financial crisis is estimated, and possible ways out of it are shown.

Keywords: economy, development, world financial system, world economic crisis, Bretton Woods model.

УДК 330
ББК 65

Любая технологическая модель является вторичной по отношению к модели финансово-инвестиционной — поскольку инновации кто-то должен оплатить (а зачем это ему?), затем внедрить, а затем и окупить (т. е. продать в необходимых для этого количествах), т. е. должны быть инвесторы (в том числе, возможно,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Хазин М.Л. О проблемах распада долларového пространства и кластеризации мировой экономической системы // *Философия хозяйства*. 2021. № 4. С. 97—105.

государство) и потребители, которым кто-то должен дать денег (то же государство, в частности).

Вообще, современная экономическая теория основана на изучении финансовых инструментов и управлении финансами. Иначе говоря, она скорее описывает инструментарий, чем отвечает на главный вопрос экономики: откуда в данной конкретной модели берется добавленная стоимость? С одной стороны, это естественно, поскольку теория стала мейнстримом и активно развивалась как альтернатива кейнсианству после провала последнего (в 1970-е гг.). С другой стороны, монополия бреттон-вудских институтов (которые были созданы как раз для решения финансовой задачи распространения зоны доллара США на всю мировую экономику) существенно усугубляла эту особенность современной экономической науки.

Если внимательно посмотреть на современную финансово-инвестиционную модель, то можно легко увидеть, что она находится в серьезном кризисе⁵. И именно из-за этого кризиса доля государства в обеспечении инвестиций постоянно растет.

Сама эта модель, во-многом, изначально была построена на эмиссии доллара (на первом этапе — за счет расширения сферы его оборота в мировой экономике). И соответственно обслуживающие эту модель институты (в первую очередь, бреттон-вудские, МВФ, Мировой банк, ВТО) все более и более занимались именно финансовыми вопросами. Экономические же при этом во многом просто игнорировались. В результате ключевой задачей, которая решалась последние десятилетия, стала поддержка спроса, обеспечивавшего рост экономики. С 1983 г. началась уже прямая кредитная поддержка совокупного спроса (фактически, вначале в США, а потом и во всем мире было разрешено рефинансировать частный долг).

Необходимость поддерживать растущую пирамиду долга привела к тому, что с 1983 до 2008 г. приходилось снижать учетную ставку ФРС США. Разумеется, это снижение было не монотонным,

⁵ Подробно этот кризис описан нами в книге «Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики» [2] (или в английском варианте: «Crisis of capital effectiveness: An idea is useless if it can't be used to solve a task»).

но вполне системным. Собственно, к декабрю 2008 г. она стала равной нулю, это и явилось главной причиной кризиса.

Фактически, с 2008 г. кругооборот финансов в мире стало невозможно поддерживать без прямой эмиссии. Мировая экономика за счет внутренних ресурсов больше расти не может, а спрос, который возникает за счет ресурсов, полученных на предыдущем экономическом цикле, не обеспечивает его воспроизводство на цикле текущем. Именно по этой причине нужна эмиссия: она поддерживает недостаток спроса. Но при этом приходится решать еще одну важную финансовую задачу — стерилизацию избыточной денежной массы. Какое-то время эта задача решалась достаточно эффективно, но по мере того, как доля прямого эмиссионного стимулирования спроса росла, начались проблемы. Сегодня в мире поднялась серьезная инфляционная волна, и к осени 2021 г. она только усилится.

Соответственно возникает базовый вопрос: что будет дальше с технологиями, рынками и уровнем жизни населения? Искусственное стимулирование спроса привело к структурным перекосам в экономике, и по мере развития кризиса вся структура совокупного спроса будет подвержена серьезным изменениям. Фактически, вся современная инвестиционная модель построена на концентрации спроса, и в случае резкого его сокращения производство и технологические инвестиции окажутся под серьезным ударом. Это было хорошо продемонстрировано в России по итогам кризисов 1998 и 2008 гг., но они и близко не соответствуют масштабу предстоящего кризиса в мировой экономике.

Как показывают наши оценки (см.: [2]), масштаб эмиссионной поддержки экономики в США и Китае составляет примерно 25% от их ВВП в год. Это означает, что равновесное состояние экономик этих стран составляет примерно 50% от нынешнего значения. А если еще учесть, что ВВП США сильно завышен за счет использования фиктивной капитализации и занижения реальной инфляции, то ситуация получается еще более сложной. Если добавить, что по итогам кризиса, скорее всего, мировая долларовая система распадется на несколько валютных зон, то картина сокращения спроса станет еще более жесткой.

При этом нужно понимать, что падение совокупного спроса в два раза разрывает большое количество современных технологий и определяет остановку процесса инвестиций в технологии. По крайней мере до тех пор, пока не станет ясной конфигурация новых рынков, т. е., как минимум, на 8—10 лет. Большая часть технологических компаний и коллективов такого перерыва в финансировании не переживет. Понятно, что частично эту проблему в наиболее критически важных отраслях будет решать государство, но у него тоже нет ответа на вопрос — что и как нужно делать? Вкладывать деньги в сохранение старых технологий достаточно бессмысленно — они в новых условиях окупаться просто не будут. Но на что их нужно заменять?

Частично ответ на вопрос о том, как будут выглядеть деградационные процессы в мировой экономике, дан в нашей работе [2] (в частности, там описаны проблемы разрушения среднего класса), но это только констатирующая часть. Основной вопрос — как будет устроена технологическая сфера в будущем в рамках новой модели и, самое главное, кто должен быть главным актором ее построения? Без ответа на него все остальные теряют смысл.

Ключевой механизм, который определяет все экономические и хозяйственные отношения, — это механизм собственности. Если он не работает, любая хозяйственная деятельность сваливается в первобытную картину, в которой все воюют со всеми за еду. Соответственно система разделения труда может начать развиваться только после того, как будет сформирована и поддержана в рамках общественных отношений система собственности. В истории человечества было много вариантов создания и развития систем гарантирования собственности, но сегодня эта вариативность практически исчезла.

Современная система собственности имманентным образом вписана в бреттон-вудскую финансовую модель. Говорить о собственности можно только в том случае, если у владельца есть легальная возможность ее продать (за доллары), взять под ее залог кредит (в долларах), капитализировать ее в рамках долларовых спекулятивных рынков. Если такие возможности ограничены, можно ставить вопрос об ограничении права собственности. При этом

легитимизация собственности стоит денег (налоги на имущество, оформление сертификатов, страховка и т. д.).

Любая попытка иметь некоторую независимость от бреттон-вудской системы неминуемо создает тем, кто претендует на собственность, проблемы (что хорошо известно в России жертвам рейдерских захватов и владельцам приватизационного имущества). В частности, можно отметить санкционную политику США, которые постоянно ограничивают права собственности компаний и граждан стран, создающих им конкуренцию в тех или иных областях. Особенно хорошо это было видно по политике президента США Трампа по отношению к Китаю и России.

Наша гипотеза состоит в том, что неминуемое разрушение бреттон-вудской модели (поскольку ее ресурс развития, основанный на эмиссионном стимулировании спроса, исчерпан) ведет к тотальному разрушению механизмов собственности. Что автоматически разрушает всю хозяйственную модель не только на глобальном, но и на местном уровне. Исчезают механизмы гарантии страхования, кредитования, залога и вообще исполнения своих обязательств. В некотором смысле бывшие социалистические страны прошли такую ситуацию (хотя и в более мягком варианте) в начале 1990-х гг. Но тогда была внешняя база, на которую можно было опереться. Сегодня такой базы не будет.

Таким образом, главной задачей в рамках преодоления кризиса становится проблема создания новой (альтернативной сегодняшней) модели поддержания собственности и восстановления хозяйственной деятельности. При этом почти наверняка она будет носить не глобальный, а региональный характер. Более того, не исключено, что где-то эта проблема опустится даже на местный уровень (нечто подобное было в России в 1990-е гг.). И легитимизация собственности будет осуществляться и неформальными механизмами.

Отметим, что непосредственно к экономическому механизму это не имеет прямого отношения. Экономика создания добавленной стоимости (которая как раз и разрушена в рамках бреттон-вудской модели) может быть построена на различных принципах, но любой из них потребует внятных и прозрачных отношений собственности. Разумеется, сама экономическая модель будет с институтом

собственности корреспондировать, но без него она точно существовать не сможет.

Понятно, что это потребует, как было сказано выше, достаточно жестких силовых мер, и, по крайней мере на первом этапе, может осуществляться только на региональном уровне. Именно по этой причине мы в 2003 г. в книге «Закат империи доллара и конец “Рах Americana”» [1] написали о неизбежности распада мировой долларовой системы на региональные валютные зоны. Их конфигурация и система взаимодействия пока до конца не определены, но сегодня уже становится понятно, что избежать их появления невозможно. К слову — для любой «малой» страны (т. е. такой, которая не может претендовать на собственную зону) появляется задача определения той зоны, к которой она собирается примкнуть.

Государство всегда пытается ввести свою монополию на применение насилия. Разумеется, эта монополия никогда не бывает абсолютной, но в данном случае практически все хозяйствующие субъекты монополию будут поддерживать. При этом активность этой поддержки будет определяться степенью распада предыдущей (бреттон-вудской) модели легитимизации собственности, и опыт России 1990-х гг. показывает, что для восстановления порядка может потребоваться не менее 10 лет.

Есть еще одна причина, по которой роль государства в восстановлении системы собственности будет доминирующей. Дело в том, что создание валютных зон неминуемо поставит вопрос о региональных валютах и контроле над эмиссией. Именно эмиссионный ресурс, за счет которого только и можно будет быстро создать соответствующую инфраструктуру и который будет контролироваться государством, определяет хозяйственную и экономическую конфигурацию валютных зон. Отметим, что в этом месте вполне важную роль сыграет созданная в последние десятилетия финансовая теория. Но при этом она будет играть вторичную роль, поскольку главной задачей будет восстановление механизмов создания добавленной стоимости и воспроизводства экономических систем.

Теоретически можно попытаться сделать соответствующую систему частной. Однако вероятность адекватной координации

большого количества участников (валютная зона для того, чтобы обеспечить адекватный уровень разделения труда, должна включать в себя, как минимум, 300—400 млн потребителей) при этом резко падает. Опыт автора государственного управления в России, в которой большое количество субъектов федерального уровня, говорит о том, что это невозможно. Да и легитимизация собственности должна быть под контролем юридической, судебной и законодательной систем, что возможно только на государственном уровне.

И здесь можно сделать важный вывод. Если доминирование государства будет конструктивным, то сама зона не только сформируется достаточно быстро, но в рамках взаимодействия с конкурирующими зонами (в том числе путем «перетаскивания» на свою сторону их периферии) будет успешна. Если же доминирование будет на стороне чисто коррупционных механизмов, то даже сформировавшаяся «в общих чертах» валютная зона может довольно быстро распасться. К слову, в результате, сильно пострадает ее хозяйственная сфера, которая снова будет вынуждена пройти через процесс смены механизма легитимизации собственности. И это на сегодня главная проблема Евросоюза, который с большой вероятностью свою собственную зону (условно, зону евро) сформировать не сможет.

Как показал исторический опыт, эффективное управление экономикой со стороны государства было отработано в странах мировой системы социализма. Можно спорить, было ли оно более эффективно по сравнению с классическим капитализмом (сложно рассматривать соревнование систем, которые начали с совершенно разных позиций), достигла ли система социализма не просто паритета, но даже потенциального выигрыша в 1970-е гг., но система капитализма себя исчерпала — так что вариантов здесь нет, те страны, которые смогут восстановить (или создать) социалистические модели управления, явно будут иметь некоторое преимущество перед теми странами, которые должны будут создавать неизвестные пока, но абсолютно новые варианты.

Альтернативный вариант, жесткий государственный капитализм (по примеру, например, Германии 1930-х гг., идеологию нацизма мы при этом, разумеется, отмечаем) теоретически тоже

возможен. Но как его осуществлять на организационно-техническом уровне — не очень понятно, да и опыт его применения на практике всегда ограничивался короткими временными интервалами. Несмотря на колоссальный технологический успех (первый в мире компьютер, первый реактивный самолет, первый вертолет, первое достижение космических высот), просуществовало это государство меньше 15 лет.

Соответственно страны, в которых есть социалистический опыт, могут быть существенно более успешными, чем страны, в которых он отсутствовал. Более того, скорее всего, именно механизмы социалистического управления будут обеспечивать большую социальную стабильность в условиях экономического кризиса и сопутствующему ему разрушению системы «среднего» класса (на которой построена сегодняшняя система социальной стабильности).

Соответственно ответ на вопрос, сформулированный в начале статьи, выглядит так: технологии управления инфраструктурными и финансовыми объектами в посткризисной реальности с большой вероятностью будут социалистическими (или с сильными социалистическими оттенками). И для того, чтобы адекватно подготовиться к кризису, избежав наиболее неприятных социальных его последствий, необходимо уже сейчас готовить соответствующих специалистов и экспертов.

Литература

1. *Кобяков А.Б., Хазин М.Л.* Закат империи доллара и конец «Рах Americana». М.: Вече, 2003. 368 с. (Новый ракурс): [Электронный ресурс]. URL: <https://khazin.ru/articles/145-glavnye-teksty-mkh/28143-zakat-imperii-dollar-i-konets-pa-ameri-ana>.
2. *Хазин М.Л.* Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики. 2020: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/mihail-leonidovich-hazin/vospominaniya-o-buduschem>.

References

1. *Kobyakov A.B., Hazin M.L.* Zakat imperii dollara i konec «Рах Americana». М.: Veche, 2003. 368 s. (Novyj rakurs): [Elektronnyj

resurs]. URL: <https://khazin.ru/articles/145-glavnye-teksty-mkh/28143-zakat-imperii-dollar-i-konets-pa-ameri-ana>.

2. *Hazin M.L.* Vospominaniya o budushchem. Idei sovremennoj ekonomiki. 2020: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.litres.ru/mihail-leonidovich-hazin/vospominaniya-o-buduschem>.

Н.Г. ЯКОВЛЕВА

**Трансформация социально-экономических отношений
в сфере образования: методологические аспекты***

Аннотация. На основе анализа трансформаций производительных сил и производственных отношений, характерных для неолиберального этапа позднего капитализма, в частности, противоречий креативной революции, выделяются основные тренды трансформации социально-экономических отношений в сфере образования. С помощью политико-экономического подхода показывается, что образование потенциально может стать в этих условиях сферой производства главного средства и высшей ценности социально-экономического прогресса — креативного потенциала человека. Однако господство производственных отношений позднего капитализма, особенно его

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-511-93006.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Яковлева Н.Г. Трансформация социально-экономических отношений в сфере образования: методологические аспекты // *Философия хозяйства*. 2021. № 4. С. 105—114.

неолиберальной модели, приводит к развитию процессов маркетизации образования, в частности, коммерциализации и финансиализации, сопровождающихся бюрократизацией и менеджеризацией образования. В качестве альтернативы предлагается развитие социально-ориентированной модели образования.

Ключевые слова: образование, политическая экономия, маркетизация образования, финансиализация образования, социально-ориентированная модель образования.

Abstract. Based on the analysis of the transformations of productive forces and production relations, typical for the neoliberal stage of late capitalism, and, in particular, the contradictions of the creative revolution, the article highlights the main trends of the transformation of socio-economic relations in the field of education. The author, implementing the political economy approach, shows that education can potentially become a sphere of production of the main means and the highest value of socio-economic progress — the creative potential of a person. However, the dominance of the production relations of late capitalism and, in particular, its neoliberal model, lead to the development of the processes of marketization of education, in particular, commercialization and financialization, accompanied by the bureaucratization and managerization of education. As an alternative, the author suggests the development of a socially-oriented model of education.

Keywords: education, political economy, marketization of education, financialization of education, socially-oriented model of education.

УДК 378
ББК 74

Начало XXI в. стало периодом мощных вызовов, с которыми столкнулось все человечество. И это не только начавшаяся в 2020 г. пандемия. Первый в этом столетии мировой финансово-экономический кризис 2008—2010 гг. напомнил, что капиталистический способ производства (в данном случае мы используем категориальный аппарат марксистской политической экономии, актуальность которой была вновь подтверждена этим

кризисом [6]) развивается циклически и имеет глубокие противоречия.

Но не только в кризисных явлениях и глобальных проблемах суть современных трансформаций. В их основе лежат изменения в производительных силах, указывающие на противоречия эпохи, которую ряд зарубежных и отечественных исследователей называют «поздним капитализмом» [4; 18]. Эти изменения обусловлены не просто технологическими сдвигами, которые обозначают как четвертую промышленную революцию [13] или генезис нового индустриального общества второго поколения, развивающегося по направлению к ноономике [1]. Они затрагивают прежде всего содержание труда. На смену тысячелетиям господства репродуктивного труда (ставшего в последние столетия индустриальным, но по-прежнему рутинным, нетворческим) идет эпоха творческой деятельности. Об этом пишут и ученые-марксисты [2, 3] и далекие от марксизма американские исследователи [18].

Именно эти изменения, которые мы можем назвать вслед за А.В. Бузгалиным «креативной революцией» [2; 3], обуславливают качественное изменение роли и места образования в общественной жизни современного социума.

Для того, чтобы раскрыть эти изменения, предлагаем применить метод и теорию классической политической экономии. Именно такое — политико-экономическое — исследование трансформаций образования показывает, что в этой сфере в последние десятилетия происходят глубокие изменения, затрагивающие не только общественные формы, но и содержание образования.

Так, прогресс производительных сил, современная технологическая революция ведут к превращению творческого труда в одну из определяющих составляющих современного общественного производства. В этих условиях образование становится сферой, создающей главный ресурс и высшую ценность экономического и социального развития — человеческие качества. Для решения этой задачи важно развитие общедоступного образования через всю жизнь, образования как общественного блага. Однако господствующие в условиях неолиберальной модели позднего капитализма производственные отношения обуславливают

развитие процессов маркетизации, коммерциализации и финансиализации образования, что приводит к формированию элитарной модели образования, производящего коммерческие услуги (см.: [14; 15]).

Сфера образования, однако, не только является объектом воздействия со стороны социально-экономических отношений, но и оказывает активное обратное влияние на их динамику. Определенная система образования может служить акселератором как прогресса, так и регресса и производительных сил, и существующей системы социально-экономических отношений (мы в данном случае акцентированно используем категорию прогресса, которая вновь возвращается в пространство обществоведения после долгих десятилетий господства постмодернизма [5; 7; 8]).

Господствующая в настоящее время в мире и в России модель образования по преимуществу играет роль ускорителя процессов маркетизации всех сфер не только экономической, но и общественной и личной жизнедеятельности человека.

Система социально-экономических отношений в сфере образования в современных условиях генерирует преимущественно тренды его маркетизации, коммерциализации и финансиализации.

Маркетизация образования (понятие образовано от англ. market — рынок) является основной исторической формой экономизации, в пространстве которой образование (включая воспитание и просвещение) детерминировано законами и формами рыночных социально-экономических отношений. В той мере, в какой развиваются маркетизация, рынок, а не внутренние законы образования как сферы со-творчества учителя и ученика, определяются основные слагаемые образовательного процесса; обучаемые, обучающие, образовательные организации и т. п. ориентируют содержание и структуру образования (какое образование, по каким предметам, ориентированное на какие ценности, для какой будущей деятельности и т. п.) на конъюнктуру рынка.

Коммерциализация является одним из основных слагаемых более широкого процесса — маркетизации — и подчиняет деятельность в первую очередь образовательных организаций, но

также и преподавателей и др. целям максимизации стоимостных результатов их деятельности.

Наконец, финансиализация образования является частью более общего процесса — финансиализации экономики и общества [12; 16]. В сфере образования финансиализация развивается в той мере, в какой и в этой сфере господствующей силой становится финансовый капитал и деятельность акторов образовательных отношений подчиняется уже не просто рыночным, а собственно финансовым целям, конъюнктуре финансового рынка.

В результате разворачивания этого процесса образовательные организации начинают превращаться в разновидность финансовых институтов, главная сфера интересов которых смещается в пространство финансовых трансакций. Единство этих процессов и характеризует трансформацию социально-экономических отношений в сфере образования в направлении рыночно-ориентированной системы.

По видимости парадоксом, а на самом деле закономерным результатом маркетизации образования в современных условиях закономерно становятся его бюрократизация и менеджеризация. Первая приводит к подчинению содержания образования его внешним формальным правилам, к отрыву управляющей подсистемы образовательного процесса от интересов и качеств управляемой. Вторая характеризуется приходом в образовательные учреждения профессиональных менеджеров, чьи компетенции часто лежат вне сферы образования, и отчуждением преподавателей от управления образовательными организациями.

Маркетизация образования и ее слагаемые являются одной из исторически конкретных форм экономизации образования. Это процесс, который развивается в той мере, в какой образование подчиняется решению прежде всего экономических задач — производства, обмена, распределения и потребления. Экономизация образования разворачивается в разных индустриальных системах. В рыночной — в большей мере, в плановой — в меньшей.

В России названные процессы имеют свои немалые особенности, обусловленные, с одной стороны, унаследованными от прошлого достижениями эгалитарной и общедоступной модели высококачественного образования и культурно-цивилизационными

традициями российского социума, характеристика которых дана в серии работ теоретиков философии хозяйства [9; 10], а с другой — тем, что в сфере образования в постсоветский период рыночные реформы проводились не столь радикально, как в остальных сферах экономики. В частности, приватизация государственного сектора была в большинстве случаев заменена его коммерциализацией.

Эти особенности послужили важным фактором, обуславливающим сохранение в ряде сфер российского образования (преимущественно — в начальном) относительно высокого уровня.

Однако в результате развития рыночно-ориентированной системы образования в России конца XX — начала XXI в. детерминированная рынком и капиталом система социально-экономических отношений и институтов образования не обеспечила формирования человеческого потенциала, необходимого для приоритетного развития инновационного, знаниеемкого типа прогресса экономики и общества.

Политико-экономический подход к проблемам образования, предполагающий исследование не только производственных отношений, но и лежащих в их основе производительных сил, обуславливает необходимость обращения к проблеме взаимосвязи трансформаций в сфере образования с процессом цифровизации, являющимся одним из главных трендов в технологических трансформациях современности.

Исследование этой проблемы позволило раскрыть систему прямых и обратных взаимосвязей процессов цифровизации и трансформаций социально-экономических отношений в сфере образования.

На основе анализа и обобщения данных о развитии цифровизации в сфере образования и, в частности, их особенностей в условиях пандемии, мы можем сделать вывод о том, что цифровизация оказывает неоднозначное воздействие на развитие образования. Прогресс цифровизации и, шире, информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) создает предпосылки для алгоритмизации труда педагогов, обучающихся и других акторов образовательных отношений и концентрации их на преимущественно творческих функциях, составляющих главное содержание образования.

В то же время развитие рыночно-ориентированной системы образования и сопровождающие ее процессы бюрократизации и менеджеризации вызывают угрозу поглощения творческой по своей природе педагогической деятельности формализованными и «оцифрованными» функциями, в которых вся деятельность акторов образовательного процесса и ее результаты сводятся к движению обезличенных форм, представленных для удобства оценки коммерческой эффективности и бюрократизированного управления в цифровом виде.

Что же может стать альтернативой процессам маркетизации образования и другим проблемам в этой сфере, вызванным трансформациями, характерными для неолиберального этапа позднего капитализма?

В качестве возможного пути постепенного решения выделенных выше проблем предлагается использовать опыт развития социально-ориентированной системы отношений и институтов в сфере образования, т. е. реализовать модель продвижения к образованию, создающему общественные блага для всех и через всю жизнь [11].

Эта система отношений пока может развиваться как дополнение рыночно-ориентированной модели, но в последующем она может стать основной формой социально-экономических отношений в сфере образования.

Выделим основные направления развития этой системы. Они предполагают развитие:

- социально и гуманитарно ориентированного образования, основанного на единстве процессов обучения, воспитания и просвещения;
- общедоступного образования, которое представитель любой социальной страты и любого региона может получить на равных основаниях (с экономической, социальной, пространственной, культурной точек зрения) и равного качества;
- эгалитарной модели образования, заключающейся в материальной и институциональной поддержке представителей слоев с низкими доходами при получении образования;
- демократичной модели образования, опирающейся на принципы самоуправления образовательных коллективов и их

объединений, а также образовательную политику и институты образования, которые формируются открыто и гласно, при активном участии гражданского общества.

На этой основе нами разработана система рекомендаций в области социально-экономической политики в сфере образования на современном этапе. Основные из этих рекомендаций были включены в документы, представленные для рассмотрения в Государственную Думу РФ, а также Министерство образования и науки РФ Конгрессом работников образования и науки (КРОН) и Общественным движением «Образование для всех».

Литература

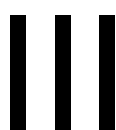
1. *Бодрунов С.Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018, 432 с.
2. *Бузгалин А.В.* Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43—53.
3. *Бузгалин А.В.* Креативная экономика: почему и как может быть ограничена частная интеллектуальная собственность // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 20—31.
4. *Бузгалин А.В.* Поздний капитализм и его пределы: Диалектика производительных сил и производственных отношений // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10—39.
5. *Булавка-Бузгалина Л.А.* Маркс—XXI. Социальный прогресс и его цена: диалектика отчуждения и разотчуждения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2018. № 5. С. 73—84.
6. *Карасева Л.А.* Практичность методологии марксизма: на пути к интеграционному экономическому знанию // Вопросы политической экономии. 2018. № 4. С. 29—36.
7. *Момджян К.Х.* Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 36—46.
8. *Момджян К.Х.* О возможности и критериях общественного прогресса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2018. № 5. С. 51—58.
9. *Осипов Ю.М.* Россия в переделье (20 тезисов — 2020) // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 11—26.

10. *Осипов Ю.М.* Мир и Россия под ударными переменами: настоящими и грядущими // *Философия хозяйства*. 2020. № 1. С. 26—31.
11. *Смолин О.Н.* Образование — для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ИКП «Академ-книга», 2014. 1120 с.
12. *Файн Б.* Финансиализация: марксистский взгляд // *Вопросы политической экономии*. 2019. № 1. С. 34—50.
13. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.
14. *Яковлева Н.Г.* Коммерциализация, бюрократизация, менеджеризация образования постсоветской России: политэкономический взгляд // *Проблемы теории и практики управления*. 2017. № 3. С. 121—130.
15. *Яковлева Н.Г.* Противоречия образования XXI века: взгляд сквозь призму марксистской методологии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия*. 2018. № 6. С. 45—62.
16. *Fine B.* Locating Financialization // *Historical Materialism*. 2018. No. 2. P. 97—116.
17. *Florida R. et al.* The rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life. N. Y.: Basic. 2002.
18. *Mandel E.* Late Capitalism. L.; N. Y.: Verso, 1987.

References

1. *Bodrunov S.D.* Noonomika. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2018, 432 s.
2. *Buzgalin A.V.* Kreativnaya ekonomika: chastnaya intellektual'naya sobstvennost' ili sobstvennost' kazhdogo na vse? // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2017. № 7. S. 43—53.
3. *Buzgalin A.V.* Kreativnaya ekonomika: pochemu i kak mozhnet byt' ogranichena chastnaya intellektual'naya sobstvennost' // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2017. № 8. S. 20—31.
4. *Buzgalin A.V.* Pozdnij kapitalizm i ego predely: Dialektika proizvoditel'nyh sil i proizvodstvennyh otnoshenij // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2018. № 2. S. 10—39.

5. *Bulavka-Buzgalina L.A.* Marks—XXI. Social'nyj progress i ego cena: dialektika otchuzhdeniya i razotchuzhdeniya // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 7. Filosofiya. 2018. № 5. S. 73—84.
6. *Karaseva L.A.* Praktichnost' metodologii marksizma: na puti k integracionnomu ekonomicheskomu znaniyu // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2018. № 4. S. 29—36.
7. *Momdzhyan K.H.* Gipoteza obshchestvennogo progressa v sovremennoj social'noj teorii // Voprosy filosofii. 2016. № 10. S. 36—46.
8. *Momdzhyan K.H.* O vozmozhnosti i kriteriyah obshchestvennogo progressa // Vestn. Mosk.un-ta. Ser. 7. Filosofiya. 2018. № 5. S. 51—58.
9. *Osipov YU.M.* Rossiya v peredel'e (20 tezisov — 2020) // Filosofiya hozyajstva. 2021. № 1. S. 11—26.
10. *Osipov YU.M.* Mir i Rossiya pod udarnymi peremenami: nas-toyashchimi i gryadushchimi // Filosofiya hozyajstva. 2020. № 1. S. 26—31.
11. *Smolin O.N.* Obrazovanie — dlya vsekh: Filosofiya. Ekonomika. Politika. Zakonodatel'stvo. Izd. 2-e, pererab. i dop. M.: IKP «Akadem-kniga», 2014. 1120 s.
12. *Fajn B.* Finansializaciya: marksistskij vzglyad // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2019. № 1. S. 34—50.
13. *SHvab K.* CHetvertaya promyshlennaya revolyuciya. M.: Eksmo, 2016. 208 s.
14. *Yakovleva N.G.* Kommercializaciya, byurokratizaciya, menedzherizaciya obrazovaniya postsovetskoj Rossii: politekonomicheskij vzglyad // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2017. № 3. S. 121—130.
15. *Yakovleva N.G.* Protivorechiya obrazovaniya HKHI veka: vzglyad skvoz' prizmu marksistskoj metodologii // Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 7. Filosofiya. 2018. № 6. S. 45—62.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

А.А. КАЛМЫКОВ

**Хронотопология бренда уездного города
(трансмедийная реконструкция)***

Аннотация. Раскрываются основания для геобренда на примере города Юрьеvec Ивановской области. Геобренд рассматривается в качестве коммуникативного инструмента — трансмедийного сторителлинга. Исследуется структура хронотопа геобренда, что подразумевает понимание трансмедийности как видения концепции возможных миров геобренда как мира истории. Приведенный анализ доказывает готовность города к выходу из депрессивного состояния с помощью наличествующих коммуникационных инструментов.

Ключевые слова: геобренд, хронотоп, медиа, нарратив, дискурс, трансмедийный сторителлинг.

Abstract. The article reveals the reasons for the development of a geobrand on the example of the city of Yuryevets, Ivanovo region. Geobrand is considered as a communication tool-transmedia storytelling. The structure of the geobrand chronotope is investigated, which implies the understanding of transmedia as a vision of the concept of possible geobrand worlds, as a world of history. The analysis proves that the city is ready to get out of the depressive state with the help of available communication tools.

Keywords: geobrend, chronotope, media, narrative, discourse, for transmedia storytelling.

УДК 304.44
ББК Ш09

Целью этой статьи является не только решение теоретической задачи разработки стратегии геобрендинга, но и ответ на вполне практический вопрос: можно ли исключительно с помощью такого

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Калмыков А.А. Хронотопология бренда уездного города (трансмедийная реконструкция) // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 117—129.

коммуникативного и, по сути, «трансмедийного гипертекстового» [3] инструмента, как геобренд, вывести уездный город из депрессивного состояния?

При этом в работе предпринимается трансмедийная реконструкция хронотопа геобренда, что подразумевает понимание трансмедийности как набора возможностей и потенциалов, видение концепции возможных миров геобренда как мира истории. Система-свод знаний об этой возможной вселенной называется ЛОР (lore) и включает обычно описания сеттинга (среды, в которой происходит действие; места, времени и условий действия), правила функционирования мира, набор лорных предметов (артефактов), позволяющих реконструировать ЛОР.

В качестве объекта рассматривался город Юрьевец Ивановской области. Выбор был продиктован тем обстоятельством, что Юрьевец, кроме удачного местоположения, обладает богатейшим историческим контентом, что дает ему право считаться одним из древнейших русских городов. Город связан с такими известными именами, как мятежный протопоп Аввакум, архитекторы братья Веснины, режиссеры Александр Роу и Андрей Тарковский, поэт Арсений Тарковский и другие знаменитые соотечественники.

Плотина Нижегородской ГЭС перегородила Волгу у Городца в 1956 г. Водоем (площадь 160 тыс. га, длина — 430 км, средняя ширина 3,5 км) протянулся от плотины ГЭС до Юрьевца. «Город, остановивший море», — это про Юрьевец в одном рекламном ролике. Выше плотины водохранилище похоже на широкую (3 км) полноводную реку.

Кроме того, можно упомянуть, что Юрьевец вправе оспаривать у Рыбинска титул бурлацкой столицы, подобно тому, как Урюпинск, воспользовавшись известным советским анекдотом, провозгласил себя столицей российской провинции. Очевидно, что Юрьевец обладает значительным коммуникативным и рекреационным потенциалом. По какой же причине этот один из самых древних городов на Волге, богатый историей, находится в запущенном состоянии?

Эта ситуация типична для большинства районных городов России, корни ее в 1990-х. Промышленность разрушена, активы приватизировались, люди разъехались по большим городам в

поисках работы. Сегодня в Юрьевце живет около 8 тыс. человек. Они и формируют бюджет. Ждать от такого бюджета экономического расцвета городу не приходится. Остается надеяться на геобрендинг, целями которого чаще всего являются достижение инвестиционной привлекательности вообще и развитие туристического бизнеса в частности.

Однако рассматривать геобренд только под рыночным углом зрения было бы значительным упрощением, при этом стусевались бы более глубокие географические, коммуникативные, историко-культурные смыслы, поэтому в данной работе маркетинговый подход развиваться не будет. Тем более что геобренд по своей природе все менее напоминает собственно тавро (бренд, торговая марка).

Геобренд — это не знак, а некое высказывание самой территории, обращенное, прежде всего, к тому, кто на этой территории живет, и к тем, кто ее когда-либо посетил или собирается это сделать.

Геобренд, стало быть, это текст, обращенный к понимающему. По мнению французского постструктуралиста Ролана Барта, «это означающая практика; это не структура, это структурация; это не объект, это работа и деятельность; это не совокупность обособленных знаков, наделенная тем или иным смыслом, подлежащим обнаружению, это диапазон существования смещающихся следов; инстанцией Текста является не значение, но означающее в семиологическом и психоаналитическом употреблении этого термина» (цит. по: [5, 17]). Геобренд — не мертвое тавро (бренд), а динамичная конструкция, создаваемая разработчиками в диалоге с теми, кому геобренд адресован.

В геобренде органично сочетаются и нарратив, и дискурс. С точки зрения нарратологии это не просто какое-то повествование, миф или легенда, а набор возможностей и потенциалов, видение концепции возможного мира как мира истории, погруженной в реальность настоящего. Дискурс геобренда — это, собственно, общение, интерактивная коммуникация, живой диалог с местом — природой, архитектурой и людьми — и выход за границу (транс) места для диалога с Землей, Космосом и Государством, а значит, с Богом.

Вот это сочленение нарратива и дискурса, невозможное в традиционном плоском тексте, отличительная черта гипертекстовых трансмедийных конструкций, в частности трансмедийного сторителлина. Следовательно, геобренд, по большому счету, представляет из себя трансмедийное повествование и возникает и развивается по законам трансмедийного повествования.

Его главные свойства — позиционирование новой возможной вселенной и создание условий вселения в нее посредством движения от повествовательности и медийности к трансмедийности. Речь идет о принципе мироздания, который сочетает в себе: 1) интертекстуальность; 2) мультимодальность; 3) культуру соучастия.

Интертекстуальность — это соотнесенность текста с другими текстами, а также идеологическими установками и культурными практиками. Геобренд соотносится с ансамблем символов и смыслов, каким-либо образом прикасавшихся и прикасающихся к этому месту. Он, собственно, и состоит из этих прикосновений — на «тысячах поверхностей» касаний [9].

Эффект интертекстуальности подкрепляется трендом конвергенции медиа, вместе с их техническими возможностями и нарративными средствами, для сотворения объединенного культурного артефакта — истории, чему способствуют процессы конвергенции и дегитализации медиа, которые были бы невозможны без развития «сети сетей» — интернета.

Последней составляющей мироздания является стратегия взаимодействия, точнее «культура соучастия» — понятие, введенное в 1980-х гг. медиологом Г. Дженкинсом [10]. Экологической нишей (жизненным миром) является пространство соучастия, центрируемое смыслами геобренда — соучастия в создании медиаконтента и его аудиторий, в формировании сообществ, формальных и неформальных, а также, главное, в развитии и накоплении творческого и гражданского потенциала.

С другой стороны, мироздание сводится к управлению связанного хроносом потока *со-бытий*, для которых необходим плацдарм, где *со-бытия* могли бы развернуться — необходим запуск процесса так называемого «трансмедийного онтогенеза». Уже здесь проявляется хронотопология геобрендинга как органической связности пространства и времени.

Сотворенный по этим правилам трансмедийный мир начнет выступать как культурный аттрактор и активатор. Следствиями этого станет порождение множества сообществ (глокальный социогенез), в разной степени вовлеченных в производство смыслов геобренда, и появление своего рода энциклопедического импульса, побуждающего к исследованию хронотопа геобренда, классификации его элементов.

В самом общем случае элементами трансмедийного мира являются: миф (предыстория всех предысторий), топос (место, время и условия действия), этос (правила и моральные кодексы). Соответственно геобренд позиционируется в пространстве *сообщения, хронотопа и закона*, что придает ему ряд специфических свойств: субъективность, перформативность, преемственность/вариативность, вовлекаемость/экстрагируемость.

Субъективность — это объявление позиции, персонализация сообщений бренда. Сообщение бренда обязательно должно иметь автора (метафора причастности). В его роли может выступать конкретный современник или исторический персонаж, но также и литературный или мифологический персонаж. Более того, ничем не примечательное животное (г. Мышкин) или узнаваемый сюжет анекдота. Например, успешный бренд Урюпинска был сконструирован из популярного анекдота советского времени: профессор после неудачных попыток вытянуть из студента хоть что-нибудь про историю КПСС и, выяснив, откуда тот приехал, обращается к коллеге и говорит: «Эх коллега, бросить бы все и уехать бы в этот самый Урюпинск». Так Урюпинск стал столицей провинции России. Там еще возят по конференциям чучело козы с огромными удивленными глазами и табличкой «Коза, которая видела Путина».

Перформативность свидетельствует об актуализации функции культурного аттрактора. Сообщение бренда — не призыв к действию, а само свершающееся действие. В качестве примера можно привести упомянутый бренд города Урюпинска. Но позиционирование города в качестве столицы и провинции — оксюморон. Столица не может быть одновременно провинцией, поскольку она предполагает место — провинцию — вне себя за пределами городских стен, но без нее существовать не может. Однако, если допустить виртуализацию провинции через свойство

столичности (центральности всех точек) и одновременно замкнуть Землю и Космос через институты Государства, то будет понятным, что может означать «столица российской провинции», вскрыется глубинный, а не анекдотический смысл бренда Урюпинска. Впрочем, это естественным образом потребует культурной канонизации провинциальности и наложит на город требование выполнения этой миссии. Все достаточно серьезно и важно, хотя родилось по законам абсурдистской логики.

Следующее свойство, конструкт по форме — преемственность, вместе с вариативностью объединяет существование «рамки», ограничивающей, или точнее, направляющей генерацию вариантов интерпретации сообщений геобренда и возможность множественности вариантов истории, многозначность, поливекторность траекторий развития, которое одновременно с конструктом вовлекаемости/экстрагируемости создает эффект присутствия в форме погружения в мир геобренда, стремления к причастности. При этом экстрагируемость управляет переносом элементов геобренда в пространство повседневной жизни.

Трансмедийный геобренд — это процесс и результат. Процесс трансмедийного геобренда сводится к порождению множественных тематических циклов, собранных из самостоятельных фрагментов (эпизодов) и живущих на множестве медиаплатформ. Как отмечалось, в основе этого все те же интертекстуальность, мультимодальность и логика соучастия.

Как результат — сборка всех имеющихся фрагментов с размещением в расширяющейся вселенной, непрерывно генерирующей глокальный ЛОР. Иными словами, геобренд — это и медиа как средство, и медиа как сообщение. Более того, некоторые черты геобренда, рассмотренные выше, четко указывают на его трансмедийную природу, в частности, как на историю, рассказываемую на различных площадках, как на легенду, как на особую вселенную, построенную по своим законам [4, 50].

«Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много в нем отозвалось...». Пушкин выразил в этом наблюдении, пожалуй, главное свойство геобренда — сосредоточенность в целостном образе многообразия: «как много в этом звуке» связанных временных и пространственных отношений, т. е. того, что в литературоведении называют хронотоп, дословно —

#времяпространство. Это понятие задает императив неразрывной связи времени, пространства и текста.

Сам текст уже не может быть прочтен без пространственно-временных ориентиров, более того, в любом тексте рождается и оживает собственный пространственно-временной универсум. Если подобное наблюдается в литературном произведении, как показали работы Ухтомского и Бахтина, то тем более этого следует ожидать в таком сложном художественном высказывании, каким является геобренд. В нем, как и в литературно-художественном хронотопе, сливаются пространственные и временные метки в осмысленное целое.

Время сгущается и уплотняется, становится осязаемо зримым, а пространство разворачивается, прокладывая пути от заданной географической точки в разных направлениях, обеспечивая тем самым умножение степеней свободы и соединяясь с движением времени повествования и истории.

Следы времени проявляются в пространстве, пространство наполняется отнормированным, с помощью антропных часов, временем не только измеренным, но и измеряемым. Хронотоп конфигурирует ЛОР-системный свод знаний о вселенной геобренда, тождественной вселенной текста.

Термин «хронотоп» впервые представлен (осень 1925 г.) в докладе «О временно-пространственном комплексе, или хронотопе» [9, 67], с которым выступил Алексей Алексеевич Ухтомский перед студентами и сотрудниками Петергофского естественно-научного института. В основу метрики хронотопа легли новейшие математические и физические принципы (идеи Г. Минковского и А. Эйнштейна) вначале при естественнонаучных исследованиях, а затем и в гуманитаристике. Здесь следует упомянуть работу известного европейского философа второй половины XX в. Юлии Кристевой «Бахтин, слово, диалог и роман» [6, 427], после которой идеи Бахтина утвердились в современной западноевропейской философии.

Михаил Михайлович Бахтин был среди слушателей доклада Ухтомского. Понятие хронотопа прочно утвердилось в литературоведении именно благодаря Бахтину.

«Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом (что значит в дословном переводе —

“времяпространство”). Термин этот употребляется в математическом естествознании и был введен и обоснован на почве теории относительности (Эйнштейна)» [1, 234].

Михаил Михайлович как бы анимировал *#времяпространство*, придав математическим точкам витальные свойства. Геобренд — также и населенная точка на карте, и мгновение в истории.

«С точки зрения хронотопа существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события; те зависимости (функции), в которых мы выражаем законы бытия, уже не отвлеченные кривые линии в пространстве, а “мировые линии”, которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них — с событиями исчезающего вдали будущего» [1].

Следуя этой логике, остановимся на пространственно-временных характеристиках геобренда, опишем его структуру, не забывая о неразрывной связке пространства, времени и текста. Текст, в нашем случае, это послание геобренда — трансмедийная история и новый возможный *мир*. Следовательно, конструируя геобренд, необходимо исследовать треугольник отношений: пространство — время; пространство — текст; текст — время.

Каждый из этих элементов также подчиняется тринитарной логике [7]:

Время: прошлое, настоящее, будущее.

Пространство: центр, граница, периферия.

Текст: контент, ключевое сообщение, формат.

Выделенные триады синергетически связаны между собой. Например, центр нельзя выделить без определения того, что такое не-центр (периферия, окружение). Как только определена периферия, тут же возникает граница между центром и периферией, и так по всем обозначенным элементам триад. Это и является ключом к системному описанию структуры геобренда.

Ранее, в работе «Идентичность места: малая родина, русский мир, геобренд» [2] были выделены некоторые смысловые акценты геобренда: региональная медиаидентичность, задающая структуру глокального медиаландшафта (формат текста по нашей классификации); контент генерируемый местной само-бытийностью и самобытностью (концепт границы); язык и стиль медийной активности (формат текста); малая Родина (концепт

центрированности «моего» мира, виртуальности места рождения, макро-микро-косм); актуализация Русского мира через малую Родину и имперскую государственность и далее через софийное отношение к Земле, под властью порядка Космоса, с помощью справедливости и закона (концепт пространственной всеобщности и времени будущего через актуализацию прошлого, имперская государственность).

Сказанное можно представить в виде иерархической структуры геобренда, выражающей его семантическое содержание (схема 1). В ней частично и кратко раскрыты смыслы ключевых сообщений (КС) и плана содержания (контент).

Верхний уровень. ХРОНОТОП ($t + x$).

Время (t) — прошлое, настоящее, будущее; КС (ключевые сообщения): прошлое → наследование; настоящее → со-бытие, причастность; будущее → надежда, провидение.

Пространство (x) — многоуровневая глокальная миросистема (ГМС).

Первичный уровень. КС: ядро (центр ГМС), Юрьевец → центральность, знаменитые земляки; окружение в непосредственной близости, культурно-исторический и природный ландшафт → целостность, насыщенность, многообразие; спутники (спутники), достопримечательности в нескольких часах пути → экзистенциальная близость.

Средний уровень. Контент: Малая родина; Россия; Русский мир.

Верхний уровень. Контент: Земля — софийность хозяйствования; Космос — соразмерность порядков; государственность — империя.

Дополнительные подчиненные хронотопу геобренда элементы схемы.

СИМВОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА: лорные предметы, символы, смыслы, ценности, нормы, традиции, обычаи, промыслы, язык.

МЕДИАЛАНДШАФТ: пресса города и о городе, интернет (каталог ресурсов, связанных с Юрьевцем), объекты культуры, места общения, памятные метки.

ЦИФРОВАЯ ЭКОСИСТЕМА ГОРОДА (Юрьевец — умный город): совокупность цифровых коммуникационных сервисов и ресурсов, обеспечивающих сбалансированное развитие умного города (дома), включающих: администрирование, бизнес-процессы, ЖКХ, рекреацию.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: актуализация факторов формирования и поддержания территориальной идентичности: культурно-заселенческого; административного; массово-коммуникационного; культурно-образовательного; культурно-контекстного; самоидентификационного.

КОМПЛЕКСНАЯ ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ В БРЕНДЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: коммуникативная память, архетипическая память, поколенческая память.

Схема 1. Семантика трансмедийного геобренда

Представленная схема 1 может послужить для определения стратегии развития геобренда, расстановки приоритетов и, возможно, дорожной карты. Для этого нужно провести инвентаризацию уже существующих коммуникативных инструментов, определить потребность в создании новых и приступить к пошаговой реализации.

В городе Юрьевце есть своя городская газета, несколько сайтов, форумы в соцсетях, Георгиевское землячество в фейсбуке и Вконтакте, о котором следует сказать особо, поскольку оно объединяет заинтересованных в развитии города земляков, и многое другое. Однако пока не сформировано объединяющее начало — идея, способная приступить к сбору сил и средств для вывода города из депрессивного состояния, в котором он незаслуженно находится. Такой идеей, на наш взгляд, и является разработка трансмедийного геобренда.

Недавно в Юрьевце была завершена реконструкция набережной Волги. По замыслу, возрожденная набережная с пешеходной дорожкой, повторяющей течение Волги, планировалась как памятник храмам, исчезнувшим под водами Горьковского водохранилища.

Это еще одно зримое воплощение *#времяпространство* в бренде.

Через хронотопы геобренд задает субъектность и идентичность города, что предполагает *со-творение* возможной вселенной со своим ЛОРОм. Время включается через полагание сюжета, содержащего определенную ценностную структуру.

Ценностное содержание и является важнейшей частью конструирования геобренда.

В работе «Вопросы литературы и эстетики» [1, 504] М.М. Бахтин выделил несколько хронотопов со специфическим жанрово-типическим характером: хронотоп встречи, хронотоп дороги, хронотоп порога, хронотоп автора и т. д. Этим не грех воспользоваться, чтобы «зарядить» бренд новыми привходящими смыслами. Так, например, «встреча» открывает множественность путей развития и соответствует содержанию настоящего и будущего в описанной выше схеме хронотопа через понимание со-бытия, причастности, надежды и провидения. Если же понимать встречу как «Сретение», связь эта станет еще более ясной.

Далее о хронотопе «дорога»: «На дороге пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей — представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Это точка завязывания и место совершения событий». Это начало и конец со-бытийности во времени и пространстве, точка сосредоточения усилий понимания смысла места нахождения, метафора жизненного пути, то приближающего к Богу, то удаляющегося от Него. При этом геобренд ограничивается самостью места, центрируемостью окружающего пространства, выбранным объектом соответствующего масштаба. Слоган, предваряющий сюжет, посвященный Юрьевцу в рекламном видеоролике о туристических ресурсах Ивановской области — «Город, остановивший море» — корреспондируется с хронотопом дороги. Он же легко читается в проекте новой городской набережной.

На одном из форумов кто-то из горожан написал: «Набережная — это новая отправная точка всей истории города Юрьевца». Есть достаточно оснований надеяться на то, что дальнейшее движение от этой точки приведет Юрьевец к полному возрождению.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.

2. *Дзякович Е.В., Калмыков А.А.* Идентичность места: малая родина, русский мир, геобренд // Вестник МГЭИ. 2020. № 1. С. 60—81.
3. *Калмыков А.А.* Трансмедиальность гипертекста — гипертекстуальность трансмедиа // Лингвистика гипертекста и компьютерно-опосредованной коммуникации. Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. С.А. Стройков. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет. 2019. С. 34—40.
4. *Калмыков А.А.* Трансмедийные мутации цифровой реальности // Вестник электронных и печатных СМИ. 2019. № 1 (27). С. 50—57.
5. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427—457.
6. *Кэррол Л.* Символическая логика // Кэррол Л. История с узелками. М.: Мир, 1973.
7. *Косиков Г.* Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. S/Z. Пер. с фр. 2-е изд., испр. / Под ред. Г.К. Косикова. М.: Эдиториал УРСС. 2001.
8. *Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 232 с.
9. *Deleuze G., Guattari F.* A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987.
10. *Jenkins H.* Textual poachers: television fans and participatory culture Routledge, Chapman and Hall, Inc., 1992.

References

1. *Bahtin M.M.* Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike // Voprosy literatury i estetiki. М.: Hudozh. lit., 1975.
2. *Dzyakovich E.V., Kalmykov A.A.* Identichnost' mesta: malaya rodina, russkij mir, geobrend // Vestnik MGEI. 2020. № 1. S. 60—81.
3. *Kalmykov A.A.* Transmedial'nost' giperteksta — gipertekstual'nost' transmedia // Lingvistika giperteksta i komp'yuterno-oposredovannoj kommunikacii. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-

prakticheskoj konferencii / Otv. red. S.A. Strojkov. Samara: Samarskij gosudarstvennyj social'no-pedagogicheskij universitet. 2019. S. 34—40.

4. *Kalmykov A.A.* Transmedijnye mutacii cifrovoj real'nosti // Vestnik elektronnyh i pechatnyh SMI. 2019. № 1 (27). S. 50—57.

5. *Kristeva YU.* Bahtin, slovo, dialog i roman // Francuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / Per. s franc., sost., vstup. st. G.K. Kosikova. M.: IG Progress, 2000. С. 427—457.

6. *Kerrol L.* Simvolicheskaya logika // Kerrol L. Istoriya s uzelkami. M.: Mir, 1973.

7. *Kosikov G.* Ideologiya. Konnotaciya. Tekst // Bart R. S/Z. Per. s fr. 2-e izd., ispr. / Pod red. G.K. Kosikova. M.: Editorial URSS. 2001.

8. *Uhtomskij A.A.* Dominanta. SPb.: Piter, 2002. 232 s.

Е.А. ОСИПОВА

Гуманитарные риски в трансмедийных бренд-коммуникациях*

Аннотация. Раскрываются историческая обусловленность эволюции трансмедийных бренд-коммуникаций и их социокультурная природа. Гуманитарные риски современного трансмедийного сторителлинга автор связывает с редуцированием целей организаторов сложных социокультурных трансмедиапроектов до бизнес-целей. Кроме того, ведущая роль медиа-бизнеса в развитии трансмедийных бренд-коммуникаций открывает новые возможности управления человеком, формирования его картины мира и паттернов поведения.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипова Е.А. Гуманитарные риски в трансмедийных бренд-коммуникациях // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 129—139.

Ключевые слова: трансмедиа, бренд-коммуникации, трансмедийный сторителлинг, медиаплатформы, медиаформаты, франшиза, гуманитарные риски.

Abstract. The article reveals the historical conditioning of the evolution of transmedia brand communications and their socio-cultural nature. The author connects the humanitarian risks of modern transmedia storytelling with the reduction of the goals of the organizers of complex socio-cultural transmedia projects to business goals. In addition, the leading role of the media business in the development of transmedia brand communications opens up new possibilities for managing a person, forming his picture of the world and patterns of behavior.

Keywords: transmedia, brand communications, transmedia storytelling, media platforms, media formats, franchise, humanitarian risks.

УДК 330.42, 330.45
ББК 65.5

В научных исследованиях коммуникаций и брендинга и профессиональной лексике практиков, занимающихся созданием и усилением брендов, понятие «трансмедийные бренд-коммуникации» является относительно новым. Термин «бренд» начал активно использоваться с 1950-х гг. после того, как несколько крупных производителей потребительских товаров (Procter & Gamble, General Foods, Unilever и др.) начали разрабатывать концепцию управления брендом. «Трансмедиа» впервые упоминаются в 1970 г. в книге британского журналиста Б. Левина «The Pendulum Years: Britain in the Sixties» [7]. Широкое распространение термина связано с изданием в 2003 г. книги британского культуролога и философа Г. Дженкинса «Convergent Culture: Where Old and New Media Collide», в которой автор впервые говорит о «трансмедийном сторителлинге», или трансмедийной истории, «которая разворачивается посредством множества медиаплатформ», где «каждый новый текст привносит особый и весьма значимый вклад в формирование целого» [1, 153].

Однако трансмедийные бренд-коммуникации и трансмедийный сторителлинг, несмотря на терминологическую

новизну, относятся к явлениям, которые эволюционировали в процессе всего развития человеческой культуры. Это развитие всегда сопровождалось «рассказыванием историй», позволяющих какому-либо поименованному природному или социокультурному явлению становиться известным, вызывать интерес и привлекать к нему внимание все более широкого круга людей. Истории о божествах и мифологических персонажах, вымышленных и реальных героях, гениях и злодеях, знаковых природных объектах, значимых человеческих сообществах и их продуктах, городах и государствах и т. д. и т. п. повествовали об их уникальной идентичности и всегда имели трансмедийную природу, т. е. обладали способностью передаваться через множество медийных платформ с использованием самых разнообразных форматов коммуникаций. При этом каждое новое сообщение вносило свой вклад в формирование образа явления, которое с помощью этих историй обретало «символическое бытие», становилось «ощущаемой человеком реальностью» и «лично воспринятой историей», т. е. становилось мифом, который А.Ф. Лосев определял как «развернутое магическое имя», формулой которого является «Личность, История, Слово и Чудо» [4, 170].

Термин «бренд», первоначально понимавшийся как образ торговой марки в сознании покупателя/потребителя, быстро перестал «умещаться» в этом значении и стал обретать постоянные расширения. Сначала эти расширения происходили в рамках бизнес-логики. С 1950-х до начала 1990-х гг. бренд последовательно трактовался как механизм дифференциации товаров; средство индивидуализации товаров; добавочная стоимость товара; правовой инструмент, защищающий товар от подделок; идентификация товара покупателем; идентификация компании-производителя.

Но уже к 1999 г. под брендом понималась система поддержания функциональной и эмоциональной идентичности организации, компании, товара, услуги или личности [2, 8]. Именно это расширение привело к созданию огромного числа текстов, в которых организации, в том числе образовательные, культурные, социальные и т. д., известные личности и даже человеческие эмоции трактуются как товары, а манипулятивные приемы и технологии выступают как «маркетинговые ходы» привлечения «потребителей».

В них говорится о продаже эмоций в рамках концепта «эмоционального торгового предложения («Потребитель покупает не товар, а эмоции»), о продаже территорий («Мы продаем территорию потребителю», имея в виду привлечение туристов и повышение привлекательности территории для ее жителей) и т. д. Но удерживаться в рамках чисто рыночной логики брендингу становилось все труднее.

В начале нового тысячелетия в европейской традиции утверждалось, что бренд — это не торговая марка, а поименованное явление, имеющее ярко выраженную идентичность и широкую известность. Сам процесс создания бренда начал рассматриваться как выстраивание системы взаимоотношений. Перед специалистами по бренд-коммуникациям начали ставить задачу формирования бренд-культуры — развития «вселенной бренда», его уникальной территории и культуры. Один из создателей этой концепции, президент Европейского института PR Жак Сегела даже о коммерческих брендах говорит следующее: «Благодаря словам мы различаем предметы. Придавая им душу, мы делаем из предметов “бренды-личности”» [3, 221].

Таким образом, с начала XXI в. бренд-коммуникации уже ассоциировались далеко не только с торговыми марками товаров и услуг, а понимались как коммуникации, позволяющие какому-либо поименованному явлению (личности, организации, продукту, услуге, проекту, территории) создавать и усиливать свою идентичность и обретать широкую известность. Значение бренда стало приближаться к значению мифа, а современными средствами мифологизации продуктов, проектов, личностей, территорий и т. д. стали современные трансмедийные бренд-коммуникации, которые, с одной стороны, имеют перед «старыми медиа» большие преимущества в скорости и масштабности передачи сообщений, в их визуальной привлекательности, интерактивности и т. д., а с другой — приносят новые гуманитарные риски.

Чем же обусловлены гуманитарные риски трансмедийных бренд-коммуникаций?

Еще в 1930 г. Хосе Ортега-и-Гассет в «Mision de la Universidad» говорил о проблеме отставания человека «от своей

эпохи и неспособности осознавать и решать проблемы своей эпохи», называя выпускников университетов того времени «новыми варварами» без «жизненной системы представлений о мире и человеке, соответствующей времени» [5]. За девяносто с лишним лет, прошедших со времени публикации этой работы, человечество не только не нашло способов сокращения этого отставания, а значительно увеличилось. Не были решены многие прежние проблемы, которые привели к новым войнам, накопилось множество новых, связанных с демографией, миграционными процессами, межнациональными и межэтническими конфликтами и даже с сохранением Человека как уникального мыслящего, морального и творческого существа и окружающей нас среды как условия физического выживания. Об ухудшении гуманитарной ситуации на планете сообщает постоянно обновляющаяся статистика (сайт <https://www.worldometers.info>). Стремительно (от 200 000 до 240 000 человек в сутки) увеличивается население в бедных странах, вырубается леса, сокращаются водные запасы. Именно гуманитарную природу имеют одновременный рост числа людей, страдающих от недоедания и страдающих от избыточного веса, рост расходов правительств на медицину и на вооружение. Пандемия показала, что, несмотря на избыточность риторики о демократии и правах человека, мы не способны решать вместе даже такие фундаментальные, с точки зрения прав человека, задачи, как сохранение его здоровья и жизни. Даже в такое время не прекращаются локальные военные конфликты, не прекращается организация массовых протестов с применением насилия.

При этом, что очень точно отражено в высказывании Ю.М. Осипова, «...война-то на планете идет сейчас по преимуществу ГУМАНИТАРНАЯ, в которой активно участвуют именно гуманитарные знания, гуманитарные концепты, гуманитарные всполохи, молнии и грозы, ну и самые что ни на есть гуманитарные войны, или войны-гуманитарии!» [6, 15].

Трансмедийные бренд-коммуникации могут и уже выступают средствами в этой войне. Сегодня они в значительной мере играют на стороне хозяев влиятельных бизнесов. И, несмотря на то, что в последние годы исследователи все чаще подвергают сомнению постулат о прибыли как главной цели бизнеса, все большее число

коммерческих компаний включается в социально-значимые проекты, направленные на сокращение гуманитарных рисков, в трансмедийных бренд-коммуникациях управление в подавляющем большинстве находится в руках медиабизнеса, который имеет огромные средства и власть для создания выгодных для него брендов и влияния на ценности, картины мира и идеологии людей, вовлеченных в их трансмедиа сторителлинг.

При этом бизнес-цели медиакомпаний являются главенствующими, поэтому неслучайно трансмедиапроекты называют франшизами. Особенностью и ключевой задачей современного трансмедийного сторителлинга становится усиление брендов самих медиакомпаний, которые развивают истории одновременно и последовательно в фильмах, телесериалах, художественной литературе, комиксах, мультфильмах, компьютерных играх, приквелах (от *pre* (до) — предыстория, рассказанная после самой истории), сиквелах (от лат. *sequel* — продолжение), спин-оффах (от *spin-off* — побочный продукт, или ответвление, является параллельным развитием событий) и т. д. для своих зритюзеров-протребителей.

Так, в классическом трансмедийном сторителлинге «Матрица», жизнь которого началась в 1999 г., составляющими стали три фильма — «Матрица», «Матрица: Перезагрузка», «Матрица: Революция», аниме-сериал «Аниматрица» (короткометражные аниме-мультфильмы), три компьютерных игры — «Enter the Matrix», «The Matrix Online», «The Matrix: Path of Neo», комиксы. Результатами работы медиакомпаний стали вовлечение миллионов пользователей из разных стран и создание сообществ фанатов.

В еще более успешном с коммерческой точки зрения трансмедийном проекте «Покемон» с 1996 г. по 2017 г. разработаны восемь поколений видеоигр, карманная электронная энциклопедия, аниме-экранизация, сериал, полнометражные анимационные фильмы, художественный фильм «Детектив Пикачу», комиксы (манга), коллекционная карточная игра, множество побочных игр, среди которых самая известная в России многопользовательская онлайн-игра с дополненной реальностью «Pokémon Go» (2016). Эта игра была создана «для интерактивной ловли покемонов в

виртуально дополненном реальном мире (на реальных объектах по всей территории планеты)», которая распространилась по всему миру.

Высокая стоимость трансмедиапроектов предопределяет возможность участия в них лишь наиболее крупных и состоятельных компаний, поэтому бренд-коммуникации немедийных компаний неизбежно будут встраиваться в трансмедиапроекты медиамагнатов, что будет увеличивать насыщенность трансмедийного сторителлинга продактплейсментом «правильных» продуктов, «правильных» героев, «правильных» и «достойных подражания» паттернов поведения для той или иной вовлеченной в проект аудитории.

При этом у медиакомпаний постоянно возрастают технологические возможности включения, вовлечения и длительного удерживания аудиторий с самыми разными характеристиками, аудиторий разного возраста с разным уровнем образования, социальным статусом, финансовым положением. Не случайно уже сейчас активно пропагандируется польза компьютерных игр для предотвращения болезни Альцгеймера у пожилых людей, для развития внимания и логического мышления у маленьких детей, для развития скорости реакции и стратегического мышления у студентов и т. д. Появились научные исследования о безопасности компьютерных игр с точки зрения привыкания.

Но нового «Человека играющего» (Хейзинга) не информируют о том, что сами трансмедиафраншизы задуманы как «постоянно расширяющиеся вселенные», расширение которых, изначально имея гуманитарную природу, именно ее и не принимает во внимание, поскольку для заказчиков создания этих «вселенных» значимы лишь финансовые результаты.

«Человека играющего» не предупреждают о том, что, посвящая значительную часть жизни развлечениям в компьютерной зоне, в пространстве смартфона он рискует не видеть того, что случается с ним самим, что происходит в его собственном доме, в его ближайшем окружении, в его селе/городе, в его стране и в постоянно разрушающейся (а это пока, к сожалению, так!) окружающей среде. Очевидно, что опасны не сами игры, и не трансмедиапроекты, которые могут иметь и гуманистическую

направленность. Опасно желание их создателей постоянно увеличивать время удерживания зрителей и игроков в пространстве постоянно расширяющихся франшиз, заполнять этим пространством все более значительную часть жизненного пространства человека.

«Человека играющего» не предупреждают, что ощущение свободы в процессе игры может быть иллюзорным, а в реальности он, скорее всего, или в большинстве случаев будет включен в заданные бизнесом сценарии с ограниченным и запрограммированным выбором. Г. Дженкинс неоднократно упоминает в своей книге, посвященной анализу конвергентной культуры, о сложностях, с которыми сталкиваются разработчики трансмедийного сторителлинга, именно в создании технологий, механизмов предоставления свободы пользователям своих продуктов, поскольку эта «свобода» обязательно должна быть управляемой, регламентируемой. Сам Дженкинс предлагает участникам компьютерных игр «свободу» в проигрывании ролей отрицательных персонажей, поскольку положительные уже играют по правилам, заложенным авторами.

«Человека играющего» не предупреждают, что он может быть вовлечен в идеологии, политические игры, проекты по исторической и культурной дезинтеграции, которые могут быть разрушительными как для него самого, так и для планеты, жителем которой он является. Именно в формате трансмедийных бренд-коммуникаций создаются сегодня (и осуществляется это очень быстро с охватом огромных аудиторий) «новые» политические бренды — Гуайдо, Навальный, Тихановская и др. В этом же формате зажигаются новые «звезды» блогеров и «звездочки» микроблогеров, поп-артистов, ЛОМов, которые также зависимы от тех, кто вкладывает средства в их популярность. В этом же формате на улицы выводят толпы молодежи, которых призывают к насилию. В связи с этим показательными являются ответы участников массовых беспорядков на вопрос: «Можете ли вы привести примеры позитивных последствий поджогов машин, разбивания витрин магазинов, избияния полицейских или людей, просто имеющих другие взгляды?». Ответами были: «Ну хоть как-то надо проявлять свободу», «Надо же что-то делать»...

Продолжая мысль Ю.М. Осипова, считающего, что чтобы выстоять в этой войне, необходимо иметь «мощную гуманитарную

силу, которая и объединит нацию, и воспитает граждан, и придаст смысл существованию, и оборонит страну — как раз от чуждого гуманитарного вторжения!» [6, 15], важно отметить, что опыт гуманистических трансмедийных бренд-коммуникаций есть сегодня во всем мире. Прежде всего, это проекты, посвященные искусству, сотрудничеству коммерческих брендов и музеев, выставок, конкретных художников, среди которых партнерские образовательные, научно-исследовательские и выставочные проекты компании «Mail.Ru Group» и Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, компании «Tele2» и Мультимедиа Арт Музея [8]. В качестве примера можно привести международный трансмедиапроект, который был организован в 2016 г. и посвящен 500-летию со дня смерти Иеронима Босха. Он объединил семь выставок в музеях, в которых сохранились полотна художника или в тех, которые так или иначе были связаны с жизнью художника, и семь проектов, которые позволяли познакомиться с творчеством Босха в интернет-пространстве. Уникальные тематические выставки прошли в Национальном музее Прадо, Музее Северного Брабанта, Городском музее Хертогенбоса и др. Все эти выставки широко освещались в прессе и в интернете.

В интернет-пространстве можно было посетить интерактивную онлайн-экскурсию по «Саду земных наслаждений», совершить виртуальное путешествие на летучей рыбе по этой картине, встречаясь с ее персонажами, исследовать 50 деталей полотен Босха, сопровождавшиеся небольшими рассказами, изучить специально восстановленные к событию триптихи «Мученичество святой Либераты» и «Святые отшельники» с помощью инфракрасной рефлектографии и увидеть процесс создания Босхом картины слой за слоем и многое другое.

Есть опыт реализации гуманистических трансмедийных проектов и в нашей стране, причем не только современный, но и исторический. По всем канонам того, что сегодня называют трансмедийным сторителлингом в бренд-коммуникациях развивалась известная история о Тимуре и его друзьях. Сценарий к фильму и повесть «Тимур и его команда» были написаны Аркадием Гайдаром в 1940 г., в этом же году был снят одноименный художественный фильм. До появления печатной версии книги повесть печаталась в газете «Пионерская правда». По

воспоминаниям современника событий, «мальчишки каждый день осаждали редакцию газеты, чтобы только узнать, “а что дальше?”. Уже с 1940 г. по всей стране началось тимуровское движение. В 1942 г. вышли книга и фильм «Клятва Тимура», было написано множество песен («Четвёрка дружная ребят» (1941); «Песня тимуровцев» (1942); «Тимуровцы» (1975) и др.). Тимуровское движение в РСФСР охватывало 2 млн тимуровцев, оно распространилось по всем советским республикам и многим социалистическим странам. В начале 1970-х гг. при редакции журнала «Пионер» был создан Всесоюзный штаб Тимура, в регионах создавались республиканские, областные, районные и городские штабы, проходили традиционные сборы тимуровцев. В 1973 г. в Артеке состоялся 1-й Всесоюзный слет тимуровцев, на котором собралось около 3,5 тыс. делегатов.

Трансмедийная история этого проекта продолжается и в настоящее время. Так, в «Центре драматургии и режиссуры» на Беговой под руководством режиссера Татьяны Тарасовой молодыми артистами из ВГИКа поставлен спектакль «Тимур и его команда. Рассказы о том». Театр МОСТ анонсирует свой спектакль «Волшебный МОСТик: "Тимур и его команда"» (режиссер Мария Самсонова) как «повесть о настоящей дружбе».

К современным гуманистическим трансмедийным проектам относятся «Бессмертный полк», волонтерские движения в период пандемии «#МЫВМЕСТЕ», «МедПризыв2020» и др. Их отличительной особенностью является формирование действительно значимых проектов-брендов, которые вовлекают участников не в разрушительные процессы, а в процессы, созидательные для социума и для человека.

В условиях повышения внимания бизнеса к проектам социальной и культурной направленности умение сотрудничать с коммерческими компаниями, понимающими важность формирования уникальной идентичности своих брендов, становится все более актуальным для культурных и образовательных организаций, поскольку такое сотрудничество позволит создавать множество трансмедийных проектов культурных и образовательных брендов и коммерческих брендов с социокультурной составляющей, которые и смогут стать той самой «гуманитарной силой», которая

будет противостоять «опокемониванию» людей, отстранению их от реальной жизни и обесцениванию действительно ценного.

А для этого, прежде всего, необходимы осмысление существующих и надвигающихся гуманитарных рисков трансмедийных бренд-коммуникаций, понимание их сущности и их влияния на человека и общество.

Литература

1. *Дженкинс Г.* Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М.: Рипол классик, 2019. 384 с.
2. *Иванов А.А.* Бренддинг. Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013. 74 с.
3. *Лебедева Т.Ю. и др.* Геобренддинг: Практическая коммуникация в продвижении территорий. Париж: L'Harmattan, 2014. 247 с.
4. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
5. *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета. Минск: БГУ, 2005. 104 с.
6. *Осипов Ю.М.* Гуманитарное знание как национальное достояние // Философия хозяйства. 2020. № 2. С. 11—17.
7. *Levin B.* The Pendulum Years: Britain and the Sixties. L.: Jonathan Cape Ltd, 1970. 434 p.
8. *Osipova A.V., Osipova E.A.* Partnership of Brands With 10 Famous Museums of Moscow and Saint Petersburg // Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). Netherlands: Atlantis Press, 2019. P. 524—530.

References

1. *Dzhenkins G.* Konvergentnaya kul'tura. Stolknovenie staryh i novyh media. M.: Ripol klassik, 2019. 384 s.
2. *Ivanov A.A.* Brending. Komsomol'sk-na-Amure: FGBOU VPO «KnaGTU», 2013. 74 s.
3. *Lebedeva T.YU. i dr.* Geobrending: Prakticheskaya kommunikaciya v prodvizhenii territorij. Parizh: L'Harmattan, 2014. 247 s.
4. *Losev A.F.* Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 525 s.

5. *Ortega-i-Gasset H.* Missiya universiteta. Minsk: BGU, 2005. 104 s.

6. *Osipov YU.M.* Gumanitarnoe znanie kak nacional'noe dostoyanie // *Filosofiya hozyajstva.* 2020. № 2. S. 11—17.

С.В. КЛЯГИН

(Транс)медиа и радиус Шварцшильда человеческого*

Аннотация. В статье рассматривается антропологическое измерение феномена медиа с целью выявления перспективных содержаний в трактовках трансмедийных практик. На основе анализа работ по философии и теории медиа показаны коммуникационный и конститутивный аспекты в трактовке феномена медиа. Второй, перспективный, аспект связан с тем, что проявление медиа (медиума) и присутствие его в реальности сами по себе являются сообщением. Феномены медиа и человеческого подобны экстатичности и соответственно потенциалам продуктивной онтологической трансформации. Обуславливая друг друга, они в сущностном плане находятся за пределами горизонтов событий, соответствующих этим явлениям. Конститутивная трактовка медиа может быть предпосылкой для качественных изменений в понимании медиатехнологий в современной информационно-коммуникативном социуме.

Ключевые слова: медиа, человек, онтология, трансмедийность.

Abstract. The article examines the anthropological dimension of the medium phenomena in order to identify promising contents in the interpretations of current transmedia practices. The communication and constitutive aspects in the interpretation of the medium phenomenon are investigated, basing on the analysis of works on philosophy and theory of media. The second, perspective aspect is related to the fact that the mani-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Клягин С.В. (Транс)медиа и радиус Шварцшильда человеческого // *Философия хозяйства.* 2021. № 4. С. 139—148.

festation of a medium and its presence in reality is itself a message. The medium and human phenomena are supposed to be similar because of their ecstasy and, accordingly, due to the potential for productive ontological transformations. Conditioning each other, they are located essentially beyond the event horizons corresponding to these phenomena. To clarify the relationship «human-media», the article proposes a metaphor of the Schwarzschild radius, which marks a kind of «black hole» formed by the self-transcendence of the medium. The human phenomenon is revealed as a resonant ultimate experience of discovering this limitation as a «trance of medium». The conclusion is substantiated that the constitutive interpretation of media is a prerequisite for qualitative changes in the understanding of nowadays media technologies.

Keywords: medium, human, ontology, transmediality.

УДК 1, 314/316
ББК 85, 87

...И ощутить сиротство как блаженство...
Б. Ахмадулина

Написание текста о медиа и о коммуникации на самом деле должно быть сошествием с пути. Не путешествием и тем более не прогулкой.

«Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» (А. Ахматова) — это известное утверждение-признание относится не только к поэзии. Но скорее, к поэзису смысла вообще.

Для описания медийных практик, процессоров и явлений феноменов информационно-коммуникативного социума, наверное, важны некоторая открытость, незавершенность. Познавать коммуникацию желательно коммуникативным образом. Постигание феноменов медиа также посылно должно соответствовать медиальному формату. Медиа — это явление небывалого, которое мимолетно становится бывшим. Попытаться выразить это возможно в принятии не только стройности, но и «струйности» текста. В слоении текста, в пропитке его слоев, стилей и устройств обещающей неопределенностью всегда ускользающего результата. Как в этом примере проявления связности, в начальствующей полноте ее незавершенности:

«Слух чуткий парус напрягает,
Расширенный пустеет взор,
И тишину переплывает
Полночных птиц незвучный хор.

...

Я вижу месяц бездыханный
И небо мертвенней холста;
Твой мир, болезненный и странный,
Я принимаю, пустота»

(О. Мандельштам).

Увы, кто проясняюще прикосновенен к феноменам медиа, тот вынужден выражать (не)себя именно неясно, в явном преобладании медиума над формой в непрекращающейся «пульсации медиального субстрата» (Н. Луман).

Предлагаемого здесь для ознакомления текста не должно было быть. Он стал возможным после дозволения вынести «сор» из избы статейного письмоводительства. «Нужен текст...», — мудрый внешний совет отчасти снял «зажимы» нормативности правильного научного дискурса. И получилось некоторое смещение словарей, жанров, стилей, уверенностей и сомнения, сомнения, сомнения... Пусть так. Если медиа — диафрагма для объективов реальности, то, наверное, она не столько переключается и устанавливается, сколько дышит и, колеблясь, приспособливающе двигается. Как в живом организме. Познание медиа происходит в опознании, рискованно и на вдох, и на выдох, слова. «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит...» (Ин. 3:8).

Пограничье и околица

В любом рассуждении о медиа таится опасность. Она длится опасением тщетности утверждений. Ибо там, где утверждающее вхождение в определенность, там остановка, там нет соединения. В опасении, однако, скрывается тревога, а в тревоге всегда есть надежда.

Надежда на возможность переживания присоединенности, общительности, причастности.

Одна из замечательных черт феномена человека проявляется в многообразии как бы проверяющих, пробных уподоблений человека силам и стихиям, сущностям и существам, явлениям и предметам. В таких уподоблениях, собственно, и раскрывается человеческое как ограниченное безграничное.

Несомненно, важным становится и разглядывающее уподобление человека и медиа. В этом сопоставлении основополагающим, ибо устраняющим основания в сравниваемом, оказывается признак непокоя, гул приливов и отливов на границах сред, который слышится эхом около скрывающегося от внимающего взора берега. Мира, бытия, вечности...

Человек и медиа подобны: видения отметин непокоя, сдвигов и выпадений даются нам в пронизательном неведении. Они порождают свидения и видения, в которых смутно, но и спутно тоже, просматривается странное подобие явлений человека и медиа. Того, что мы называем этими словами. И медиа, и человек совпадают мгновенным постоянством, например, так, как срастворяется светом и водой ореол радуги в живоносно разбитых сосудах водопада.

Человек существенно запределен. Тем и приличен. Медиа проистекает разностью, разнится общностью. И потому отличается.

Медиа и человек проявляются, «дышат» навстречу, на меже, неравновесной границе. На околице. В медиа человек рискует потерять лицо, теряясь в словах. В человеке медиа обретает лицо, через благовест словесности.

«Говорение — это шум на месте молчания.

Самоописание тишины. Восполнение
внутренней пустоты прошением у нее прощения.

Идентификация через языковое преодоление.

И так далее. “Я в тебе есть” вместо каждой фразы.

Расскажи про мир последовательностью артикуляций,
выталкивай воздух, старайся не задохнуться.

Ты не знаешь, нравится ли тебе просыпаться,
я не уверен, можно ли вообще не проснуться.

Мы ищем друг в друге приемлемые варианты себя.

Понравившееся существует в текущем»

(С. Травников).

Медиа — из-мирение человеческого

Замысел и содержание статьи, очевидно, определяются ее названием, смысл которого после уже сказанного требует лишь некоторых пояснений. Они относятся к специфике корня «транс» (перехода, пограничности) применительно к человеку и к медиа. В корне «транс» (лат. *trans* — изменение) в словарях выделяются два смысла: а) переход из одного состояния в другое — сквозь, через; б) измененное состояние (сознания). Причем двойственность смысла содержания «транс» происходит главным образом от того, как трактуется «сквозь, через»: либо внутренне-изнутри, междусобно, умноженно в наличном; либо внешне возвышенно, поверх наличного в иное наличное, соузно, но не равно. То есть значение «транс» применительно к медиа может быть вариативным. Кроме того, в некоторых случаях присоединения корня «транс» к понятию «медиа» оказывается избыточным относительно содержания этого понятия.

В зависимости от того, где делается ударение, в колебании и пролегании границ перехода в отношении «человек — медиа», множественным расходящимся образом могут проявляться несколько концептуальных областей. «Круги» идей, толкований и теорий расходятся, по крайней мере, от двух смысловых точек-пунктов.

В первом возможном пункте медиа рассматривается как средство, канал коммуникации или даже в качестве предприятий коммуникативной индустрии, которые занимаются распространением тех или иных сообщений. Или, как принято сейчас говорить, контента. Соответственно человеку как индивиду отводится роль деятеля, производителя. При этом не могут не учитываться различные варианты и комбинации использования различных медиа (каналов коммуникации, СМИ). Результаты и эффекты такого комбинирования находят выражение в технологиях и практиках мультимедиа, интермедиальности, а также в комплексировании медиа (например, по технологическому, функциональному или территориальному основаниям). К этому аспекту могут относиться и практики трансмедийности, если акцент

делается именно на прагматиках переходов между различными медиа, соответствующими им видами и жанрами контента. «Транс» понимается здесь как накопительное проявление нового, комбинаторно-наличного, медийного качества, которое обеспечивается эффектами разнообразной медийной связности. Коммуникация при этом проявляется как линейный трансляционный процесс, при возможном наличии опять-таки линейных интеракций. «Коммуникация — это луженая глотка медиа» (Р. Дэбре).

Во втором возможном смысловом пункте медиа рассматривается как особая область реальности, онтологический сдвиг, который уже своим наличием, в смешении и порционной подаче (англ. to mess) различных областей и уровней реальности, способов бытия, создает предпосылки для проявления новых смешанных определенностей, следов, называемых сообщениями (англ. message). Человек, человеческое обнаруживаются как область наблюдения, проявления и несения определенности (например, выговаривания) этой онтологической области.

«Бог сохраняет все; особенно — слова
прощенья и любви, как собственный свой голос...

...Великая душа, поклон через моря
за то, что их нашла, — тебе и части тленной,
что спит в родной земле, тебе благодаря
обретшей речи дар в глухонемой вселенной».

(И. Бродский «На столетие Анны Ахматовой»).

«Транс» в показанном пункте становится именно трансом медиа: устойчивым странным измененным состоянием медиа как наличной фиксированной общительности в качестве средств и каналов коммуникации. Другое дело, что в этом состоянии «транса медиа» становится невозможной трансмедийность. В пространстве медиа, которое уже само по себе является переходом, транзитом, сдвигом, дополнительный переход либо невозможен, либо находится за пределами актуального понимания. В случае осознания возможности «транса» наличных медиа и обращения внимания на

феномен медиа как таковой прагматики индустрии пока существуют преимущественно на уровне инициатив и концептуальных инноваций (средовой и пространственный подход к коммуникации, транзит между различными видами реальности и проявляющимися в них зонами активности: агенты, субъекты, репликаны и др.).

В обоих указанных пунктах мы сталкиваемся с определенными ограничениями в понимании отношения «человек — медиа».

В первом случае — трансмедийности — эти ограничения расположены в расширяемом горизонте представлений о синтезируемых и комплексируемых, но тем не менее социально атомизированных различных медиа, пусть и в новых сочетаниях и режимах. Эти множественные медиа используются человеком-деятелем, причем, как правило, без осмысления процессуальности его субъектности в процессах коммуникации. В этом случае горизонт медийных изменений, которые могут происходить и в трансмедийном формате, остается познавательно прозрачным. Хотя и прозрачным в горизонтальной монотонности реализуемой гносеологической экспансии.

Во втором случае для прояснения отношения «человек — медиа» попробуем обратиться к идеям и образам неклассической физики. Так, о медиа как особой области реальности мы можем знать только то, что она существует. Это своего рода «черная дыра» поля социальной гравитации, границы которой определяются и одновременно закрываются, схлопываются на радиусе горизонта событий. Этой границе в физике соответствует термин «радиус Шварцшильда», который представляет собой особую размерность, определяемую для любого физического тела, обладающего массой. Согласно общей теории относительности, на этом радиусе тело становится «черной дырой». О том, что происходит внутри радиуса, наблюдатель может судить только по внешнему горизонту событий.

В эскизно показанной здесь абсолютной предельности (т. е. отсутствии местной запредельности) горизонта событий скрывается природа медиа. И открывается природа человека как феномена, который есть выражение «транса» индивидуальной объектности человека.

В трансмедийности человеческое устраняется, стирается стохастической коммуникативной избыточностью. Но это просто горизонт событий видимой части коммуникативной вселенной. Напротив, тайна сущности человеческого, скрываясь, неведомым образом открывается за радиусом, где человеческое обнаруживается как всеохватно сообщительное, медиальное, а медийность очеловечивается в антропном стирании кажимостей медийности как всего лишь сложно канализированной коммуникации.

Знамо дело

Приключения на границе-околице медиа человека и человека-медиа — это, конечно, не следствие пустого самозванства скучающего ума. Понимание медиа как проявления некоей вмещающей уместности — «учредительного собрания» человеческой и социальной реальности — основывается на весьма влиятельной традиции в социально-гуманитарном познании, тем более если оно претендует на то, чтобы отвечать запросам нынешнего социума.

Во многих исследованиях подчеркиваются относительно самостоятельная роль феномена медиа, его несводимость лишь к технической роли средства коммуникативных практик. Приоритет медиа относительно привычных обыденному взору артефактов коммуникации в разных аспектах показан в ряде научных трудов Н. Лумана, Р. Дебрэ [1; 2; 5; 6; 8]. Кроме того, темы устройства медиа как явления, а также проблемы онтологии этого феномена рассматриваются в научных дискуссиях и статьях [3; 4].

Ключевым тезисом для выдвижения именно медиа (причем, прежде всего, относительно самостоятельного феномена, не только как инструмента коммуникации) на авансцену коммуникативных исследований выходит известный афоризм М. Маклюэна «The Medium is the Message» [7, 16]. В оригинальном виде, без перевода на другие языки, эта формула выражает ключевой для понимания медиума (медиа) смысл конститутивности простого присутствия этого феномена как особого места в реальности, «смешанного» и потому содержащего в «себе-не для себя» проясняемую новизну как «определьность» определенности нового.

Сообщение полагается, начинается сообщительностью.

Ею же, собственно, и завершается. Вершится в полноте медиа.

В медиа — как в колеблющемся пламени измененной и изменяющейся реальности — истончаются и становятся призрачными, (пред)видимыми границы и стены привычных нам сред, в мерцающем пересечении которых нам по сути своей только и открывается человеческое. Как приоткрытость несуществующей двери поступенно восхищающего нас инобытия.

Получается, знакомство с феноменом медиа делает его из привычного небывалым. Трудно смириться с тем, что в коммуникации мы собираем смыслы медиальным решетом (не)простого присутствия иного в наличном. Поэтому и остается только довольствоваться почетным знакомством: «Знамо дело...», — в надежде на тишину еще не проявившегося и не сказанного. Поэтического в «из следовании» медиа.

«Поэт есть тот, кто хочет то, что все
хотят хотеть. Как белка в колесе,
он крутит свой вообразимый рок.
Но слог его, высокий, как порог,
выводит с освещенного крыльца
в каком-то Заполярье без конца,
где все стрекочет с острия копья
кузнечиком в траве небытия.
И если мы туда скосим глаза,
то самый звук случаен, как слеза»
(О. Седакова).

Литература

1. Дэбре Р. Введение в медиологию. М.: Праксис, 2009.
2. Кириллова Н.Б. Медиалогия как синтез наук. М.: Академический проект, 2013.
3. Клягин С.В. Феномен медиа в современном обществе: к вопросу о становлении политического // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2018. № 4 (14). С. 9 — 24.
4. Клягин С.В. Человек как медиа в динамике политического пространства // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История.

Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. № 6. С. 13—25.

5. Клюканов И. Коммуникативный универсум. М.: РОССПЭН, 2010.

6. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005.

7. Маклюен М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2003.

8. Медиа, медианаука и философия медиа // Логос. 2015. Т. 25. № 104.

References

1. Debre R. Vvedenie v mediologiyu. M.: Praxis, 2009.

2. Kirillova N.B. Medialogiya kak sintez nauk. M.: Akademicheskij proekt, 2013.

3. Klyagin S.V. Fenomen media v sovremennom obshchestve: k voprosu o stanovlenii politicheskogo // Vestnik RGGU. Ser. Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. 2018. № 4 (14). S. 9 — 24.

4. Klyagin S.V. Chelovek kak media v dinamike politicheskogo prostranstva // Vestnik RGGU. Ser. Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. 2015. № 6. S. 13—25.

5. Klyukanov I. Kommunikativnyj universum. M.: ROSSPEN, 2010.

6. Luman N. Media kommunikacii. M.: Logos, 2005.

7. Maklyuen M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka. M.: KANON-press-C, 2003.

8. Media, medianauka i filosofiya media // Logos. 2015. Т. 25. № 104.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Человек в петле технологического «гуманизма»*

Аннотация. Исследуется современный человек, ставший воспитанником технологического «гуманизма». 1. Выявляется алгоритм деградации человека, создаваемой им культуры. 2. Раскрывается цивилизационный тупик современного Запада, который уже не может задействовать инструменты войны для антропологической эксплуатации этого тупика. 3. Технологизм рассматривается как последняя вера и надежда, как последнее средство Запада для сохранения золотого тельца даже ценой геноцидного превращения людей в сырье и материал его тука. 4. Софиасофия и философия хозяйства видят неизбежный приход экзистенциальной и социальной сингулярности, которая может апокалиптически спасти человека и человечность самоходом субстанции их свободы.

Ключевые слова: человек, технологизм, трансгуманизм, сингулярность.

Abstract. The article investigates the state of a modern human who has become a pupil of technological «humanism». 1. The author reveals the historical algorithm of the general degradation of a human, the culture he creates. 2. The author reveals the civilizational impasse of the modern West which can no longer use the instruments of war for anthropological exploitaton of this impasse. 3. The author considers technologism as the last faith and hope, as the last means of the West to preserve the Golden Bull even at the cost of genocide turning people into raw materials. 4. Sophiasophy and the philosophy of economy consider the inevi-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б. Человек в петле технологического «гуманизма»// Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 149—161.

table arrival of existential and social singularity, which can apocalyptically save a human and the humanity by the substance of their freedom.

Keywords: human, technologism, transhumanism, singularity.

ББК 87
УДК 101.9

Описания деградации человека, вплоть до сознательного самоуничтожения человечества⁶, сопровождает людей с момента их появления на Земле. Самые древние мифы признают не совершенствование, а инволюцию людей. Человек не улучшается, а истинные люди, их оригинал-бытие, было лишь в Золотом веке — таков антропологический нерв самой архаической мифологии. Даже в райских островках Земли мифы не находят истинного человека. А современный человек вообще есть «энная» копия копий, забывшая о своем сакральном оригинале.

И боги злорадно уничтожают различные типы ими же созданного человечества из-за гендерных пороков, в которых люди

⁶ И марксизму не чужда идеология конца человечества. Согласно суицидно-оптимистической гипотезе Э.В. Ильенкова, матерью-природой людям суждено противостоять энтропии, «тепловой смерти» Вселенной, скуке от жизни, и, жертвуя собой, возвращать умирающие миры к исходному «огнеобразному» состоянию. Чтобы человечество не вытворяло на земле, само по себе оно никогда не погибнет, ибо не для этого оно возникло. Не губят его и мировые катастрофы, ибо людей, вооруженных умом, неразумные стихии не могут уничтожить просто по их чину и статусу. Хотя грозят ему «тепловая смерть» Вселенной вследствие остывания Солнца и безвозвратно рассеивающейся теплоте. А кто может и должен собирать исчезающее тепло? Кто и как остановит энтропию и повернет ее силы в русло возрождения и продолжения бытия Вселенной? Только мыслящее существо, ибо мышление есть наивысшая организация материи. В рождении мыслящего существа материя исчерпала все возможности материального усложнения организации. Далее остается только путь физиологической, социальной, антропологической разложения этой организации. И назначение человечества состоит в том, чтобы «тепловую смерть», энтропию, обессиленную жизнь вернуть в их исходное — огненное — состояние, дабы Вселенная могла начать новое восхождение. Ядерных зарядов у людей достаточно для запуска мировой цепной реакции и превращения всей материи в огненное состояние. «Мы рождены, чтоб гибель наша становилась новым миром». Только коммунизм может организовать и обеспечить жертвенный суицид человечества во благо нового мира [3, 429, 432, 435—437].

желают продлить свое бытие, забыв правду, меру, совесть и справедливость. Гесиод выделил пять типов человечества, четыре из них боги уже устранили, а пятый тип, живущий в железном веке, продолжает воевать с богами, природой, самим собой и поныне. Доминирование железа как основного средства решения всех проблем людей нарушило равновесие *силы* и *морали* в мире, высвободило энтропию, поедающую человечность, гуманность. В христианстве райское и допотопное человечество предшествовали современным людям, которые являются последним типом человечества. Для марксизма современные люди и вовсе являются предчеловечеством грядущего человечества коммунистического общества с ментальными производительными силами, не знающими отходов и не грозящими экологии⁷.

Все погибающие виды человечества не знают о летальном исходе своего бытия, а гибель их наступает в качестве кары за несправедливую жизнь. Христианизированное человечество знает свою апокалиптическую участь, но знает и то, что святые спасутся. Но выберет их Бог, а не церковь. Будет немало людей, не знающих о своей святости, а многих святых не минет Судный день. Призвал же Христос первым обитателем небесного царства разбойника, а не самого верного своего ученика. Христианство дает шанс на спасение всем людям, даже нехристианам, ибо подлинных и мнимых христиан («волков в овечьей шкуре») определяют не люди, а правда небес, у которой для каждого человека есть и безнадежный шанс: «Не спасетесь!».

Древнеславянская мифология знает только одно человечество; ему угрожают монстры типа Кощея, Чуда-юда, но их побеждают богатыри, и человечество продолжает свой путь, не замыслив действий, грозящих гибелью всем людям. Протославянский архетип не допускает гибели человечества, каким бы оно ни было несовершенным. Этот архетип важен и для современной России, утверждая ее спасение от гибели в любых условиях.

Люди Юга и Запада с момента своего появления не приемлют своего удела; они чувствуют, что живут, относятся к богам, к

⁷ Почему-то все живые обитатели Земли не угрожают природе, а только человек по неведомой нам пока причине уничтожает основания своего бытия.

природе, к другим людям, к самим себе не так, как требуют их должное бытие; они не то и не так говорят, не то и не так понимают, чувствуя постоянную угрозу от неизвестности, действующей в них. Они знают, как праведно жить, знают, что они не соответствуют императивам своего «должного бытия», но не могут согласовать свою жизнь с ее «долженствованием», следуя произволу.

Поэтому человек Юга и Запада постоянно превозносит себя до богочеловека, до Сверхчеловека. И в кровавых разгулах войн и революций, в наркотически-алкогольных соблазнах эти люди действуют как неведомые звери живой материи. Поэтому в людях Юга и Запада, даже сотворенных богами, есть темное ядро, в котором таятся жажда вечной власти, агрессия и суицидная жестокость, проявляющие себя в кровавых жертвоприношениях, в войнах, в геноциде, в гендерных извращениях. Платон полагал, что в человеке сидит страшный зверь, готовый в любой миг начать кровавый пир⁸.

Человек Юга и Запада пытается утвердить эту свою «волю к власти» путем насилия над природой и другими людьми, разрушая нормы культуры, приходя к выводу, что утверждение своей сущности возможно лишь через трансgressию, преодоление человечности в самом себе.

Сегодня эта его изначальная агрессия проявляется уже не только в войнах и революциях, но и в массовом уничтожении младенцев в чревах матерей, превращении их в сырье для медицины, в гендерном геноциде детей. И этот геноцид стал уже экономикой и

⁸ «Какой-то страшный, незаконный вид желаний таится внутри каждого человека, даже в тех из нас, что кажутся вполне умеренными: это обнаруживается в сновидениях» [6, 384]. Убийства, сексопатология, каннибализм, осквернение детей и высших ценностей, дикая агрессия, насилие как самоцель — вот далеко не полный перечень желаний, которые Платон называет не просто незаконными, противоестественными, но и слугами Аида. А хозяином этих желаний служит неведомый скрытый в человеке зверь, признающий лишь один закон: «Силе все позволено!». И человек должен этого зверя постоянно держать в узде, хотя он вырывается на свободу в войнах, в убийствах, в извращениях и в разрушениях. И зверь этот неподвластен человеку в полной мере. Тираны дают этому зверю полную волю, опираясь на его безмерное своеволие. Именно этот человек и стал родоначальником, оригиналом будущих европейцев.

почти не замечаемым социальным фоном людского бытия. Более того, профессией, развлечением.

Охота на людей — древнейшее занятие, в котором человек преуспел. США — страна не только великой экономики, скрытого рабства, но и страна охотников... на людей. Ведь для 3,5 млн единиц огнестрельного оружия у населения США не хватит дичи на всей планете!

Идеологию охоты на людей создал Аристотель. Великий ученый доказал, как ему казалось, непреложную аксиому: есть «рабы по положению» (военнопленные, должники и др.) и есть «рабы по природе», которые понимают мысли других людей, но сами не могут продуцировать мысли. Таких людей древние эллины, римляне считали «варварами», которые по закону природы должны быть рабами народов мыслящих. Но поскольку большинство народов вокруг Эллады были «рабами по природе» и не признавали своей «рабочеловечности», то нужна охота на них, дабы доказать им, кто они есть «по природе» своей. Платон трактовал и познание как охоту на истину, хотя истина-алетейя есть незакрываемое для разума бытие. Истина превышает любой реальности, она не может скрыться в чем-то, а ум людей не может вместить ее в себя. Поэтому истина не допускает никакой охоты на себя, открывая свое бытие в бескорыстном разуме. Охота возможна лишь на ложь, вернее, она сама ищет себе места, охотясь на людей.

Охота, вообще, убийство живых существ — неотъемлемый атрибут потомков Каина, который был первым inferнальным охотником, убившим брата, заложив основания геноцида. Библейская заповедь «Не убий!» не предотвращает геноцид народов, став императивом «Убей!», если это выгодно и нужно для блага европеоидов. Христос призывал вообще остерегаться праевропейцев, ибо у них даже «брат предаст брата, сын — отца, а дети восстанут на родителей и умертвят их» (Мф. 17. 21).

Охота на людей всегда была прибыльным делом, преследуя различные цели (рабство, геноцид, войны, чистота расы, получения органов для трансплантации, сырья для фармацевтики, для религиозных и мистико-эзотерических ритуалов, для развлечений). Охота — атрибут цивилизации, охватывающей сегодня и охоту на специалистов, детей, женщин, молодежь. Даже каннибализм был

всегда у людей, начиная от его примитивных форм до утонченно-экзотического, научно-академического, философского каннибализма постмодернистов⁹ и глубинной власти современного мира.

Евро-американская цивилизация, следуя архетипу своей «охотничьей» ментальности, довела охоту на людей до отрицания нынешнего человека, скрыто осуществляя его замену транссуществом с якобы более надежным и безвольным телом, с искусственным умом и сознанием.

Однако все обсуждения самоотрицания человека обходят базовые вопросы темы. А что есть человек, человечность сами по себе?

Есть масса различных трактовок человека, который выступает в них как сакральное, природное, социальное, играющее, символическое, творческое, экономическое, политическое, духовное, мифологическое, нигилистическое существо. Все эти трактовки улавливают лишь проявления человечности, но ее субстанциальное назначение остается неуловимым.

Мало того, во всех этих трактовках таится незамечаемый их авторами парадокс. Почему человек сознательно отрицает свою человечность? Вольно или невольно, случайно или необходимо, но человек отрицает Бога, разрушает породившую его природу, социокультурное основание своей жизни, творящие способности превращает в опасный произвол, даже инстинкт самосохранения превращает в инстинкт самоуничтожения (эвтаназия, наркотики). Почему, зная муки совести, зная мораль и обладая разумом, люди стремятся в пагубную реальность, которую технократия именует трансгуманизмом? Почему наука, философия, искусство, религии, призванные защищать людей, превращаются сегодня в античеловеческие институты, убивающие надежду, заменяя коллективное сознание и волю коллективным страхом?

Философы постмодернизма так увлеклись своими вымыслами о смерти автора, субъекта, человека, которые, по их мнению, уже устарели в эпоху искусственного интеллекта, что начали даже выбрасываться из окон.

⁹ Постмодернизм объявил о смерти автора, субъекта, человека, индивида, ставшего «дивидом».

Отрицая самого себя, человек не признает идеальность как свою вечную Родину, как свою творящую сущность, как хранительницу его человечности¹⁰. А ведь человек есть воплощение благой идеальности, ставшей в нем сознанием, моралью, разумом, искусством, верой, мудростью, фантазией, импровизацией. Идеальность — это незримая сила, непрерывно творящая человечность. А человек есть метафизическое творение, и его невидимый, непознаваемый облик находится в ведении Великой Неизвестности, которая определяет «ход человечности»; и все изменения человека вне этой человечности обречены на геноцидную катастрофу. Метафизические потребности человека в смысловом понимании мира и своего бытия являются движущими силами ума, сознания и практики людей. Метафизические потребности являются творческой силой идеальности, действующей в качестве экзистенциальных, смысловых и целевых причин людей. Метафизическая человечность добровольно творит что-то нужное не бытию, а их человечности. И лишь в реализации этих потребностей человек обретает свою целостную человечность, свою самость, самого себя.

Сегодня метафизика в «Евроамерике» не в чести. Но парадокс! Сегодня метафизика стала не смысловой потребностью интеллектуалов, а орудием тиранов, которые превращают эту потребность в деспотизм. «Диктатуре мало бесправия индивидуума, ей нужно выбить у него почву из-под ног, отнять метафизическую основу его существования» [8, 126]. Но метафизика замыслов и решений человека закрыта для насилия и охоты, хотя всегда открыта для охоты на охотников на людей.

Но почему люди все же хотят выйти за свои родовидовые пределы в туман *трансгуманизма*, в котором властвует технологизм, устанавливающий нужные ему виды существ? Ведь это стремление противоречит антропному принципу, согласно которому законы Вселенной именно таковы, чтобы в ней мог работать наблюдатель. Важно, чтобы он был, ибо ему поручено наблюдать мир, изучать, осмыслять, выражать его в словах и понятиях. Даже порочный

¹⁰ Парадокс или заказ? Термина «идеальность» нет в новейшей философской энциклопедии (см.: [5]).

человек нужен Вселенной, и она вскоре ограничит произвол в манипуляциях его натурой, неведомой ему.

Человек не может (и, видимо, не должен) познавать самого себя. Любой познанный объект губит себя, ибо, вступив в познавательный контекст, он в отражениях теряет свою идеальную, сохраняющую его тайну, превращаясь в абстрактную сущность, которая используется как средство разрушения других объектов. Любой предмет есть непознаваемая «вещь в себе», и эта непознаваемость существует как тайна, охраняющая и сохраняющая предмет от разрушения на определенный ему срок.

Императив мудрости Дельфийского оракула понял лишь Сократ. А оракул сказал: «Познай самого себя, и ты узнаешь, что человек может знать о себе лишь то, что ничего-то он о себе не знает и знать не может!». Ибо самопознание человеком делает его палачом самого себя, превратит его бытие в суицидную мистерию. Самопознание, вообще познание человека, — вещь опасная, ибо оно разрушает в познающем субъекте его ум. Можно представить себе участь человека, о котором все известно! Нельзя долго человеку глядеть даже в свои зрачки, ибо это завершится безумием¹¹.

¹¹ В шокирующей книге С. Мельшиор-Бонне «История зеркала» исследуется загадочная суть этой вроде бы невинной и полезной вещи. Платон и Демокрит предупреждали, что отражения, копии-образы суть особые, двухмерные двойники вещей и людей, а потому смотреть на свои отражения опасно, ибо они тогда покидают тело, унося с собою и душу живую. Подлинными и живыми зеркалами для людей являются друзья и возлюбленные, в чьих глазах и душах они видят свои оригиналы, а не копии. Отражения воспринимались традицией как проявление чего-то тайного, сокровенного, чего не следует и открывать. А иллюзорная, оптическая свобода отражений сразу же была поставлена на службу колдовству, инфернальным опытам. «Зеркало не является свидетелем нейтральным, пассивным, беспристрастным. Оно само идет в наступление, наносит ущерб и предает, когда его не протягивает субъекту любовь; психоаналитик формулирует это так: если первое зеркало, т. е. взгляд матери, не ответило, то тогда зеркало становится предметом опасным, угрожающим, предметом, на который не осмеливаются смотреть. Зеркало, предстающее в качестве господина, повелителя и великого мастера символов, представляет собой также лабиринтообразное пространство, уклоняющееся, ускользающее от любого способа коммуникации, от любого общения, пространство, представляющее угрозу для человека, оторванного от окружающей действительности и замкнувшегося в себе, для человека, страдающего аутизмом». Автор приводит немало примеров, в которых зеркало сыграло

И властители мира, не понимающие человека, отрицают человека, ищут якобы более совершенную его форму. Идеологией этого нового человека стал трансгуманизм; инициатором, фанатом этого проекта является американский постученый Рэй Курцвейл.

Трансгуманизм — это идеология радикального преодоления человека и человечности, их перехода в гипотетическое бессмертие. Опирается трансгуманизм на философию русского космизма, который онаучил христианскую идею вечной жизни. Трансгуманизм утверждает: 1) человек — незавершенное и несовершенное существо, которое может обрести себя путем отрицания своей нынешней формы; 2) разум человека исчерпал свой эволюционный потенциал и уже не может без искусственного интеллекта (ИИ) служить опорой продолжения жизни; 3) смерть — индикатор несовершенства человека, который должен стать менее уязвимым для нее или же вовсе неуязвимым, преобразив ее негативность в созидание (см.: [7, 363—375]).

Трансгуманизм уверен, что органическое (!) слияние человека и машины избавит людей от нужды и болезней, продлит жизнь и, чем черт не шутит, может дать и бессмертие. Все свои надежды и упования трансгуманизм основывает на технологизме, на создании искусственного сверхинтеллекта. Уж он-то разберется с людьми, создаст «правильное общество», «совершенного человека», «правильные их отношения»!

Но благими намерениями вымощена дорога в Ад! Уже в XIX в. искусство доказало, что стремление человека преодолеть свою непознанную (и непознаваемую!) родовидовую норму, ее телесные формы, выйти за ее пределы в сферу «Сверхчеловека» неизбежно завершается крушением самой человечности. Бальзак, находясь в культурно-идеологическом центре Европы, написал две пророческие повести, в которых предостерег человечество даже от благих стремлений выйти за пределы своего архетипа, показывая, как желание достичь сверхчеловеческого совершенства, завершается

пагубную роль, представляя собой зашифрованное «пространство шизофрении». Скрытым убежищем Воланда и его inferнального спецназа М.А. Булгаков не случайно сделал зеркало. Чем больше человек смотрит на себя в зеркало, тем меньше он себя понимает, тем больше себя забывает, тем больше отдает своей жизненной энергии зеркальному призраку [4, 360, 372, 399].

крушением субъекта. В повести «Гамбара» композитор стремился создать музыку, которая приближалась бы к песнопению ангелов. Долгие годы работы над оперой завершились для композитора пожизненной клиникой для душевнобольных. В повести «Неведомый шедевр» художник стремился создать портрет женской красоты, превосходящей все ее земные проявления. Он путешествовал по разным странам, делал эскизы красавиц. Вернувшись в Париж, художник пытался обобщить свои наброски в портрете, на котором женская красота превосходила бы все ее земные формы. Результат тот же — пожизненная клиника для душевнобольных. И Ницше в клинику для душевнобольных привела идея Сверхчеловека, выходящего за пределы архетипа человека. Бальзак постиг, что стремление человека превзойти архетип человека, достичь его «Сверхбытия», неизбежно запускает алгоритм самоотрицания человека самой Великой Неизвестностью.

Видимо, стремление людей к любому «Сверх...» обречено на крушение, а человек должен стремиться не к «Сверхчеловеку», а к Смыслочеловеку, к Иному человеку, представляющим его меру, правду и справедливость. А крушению «Сверхчеловека», видимо, предшествует краткая фаза околобытийного человека, который сегодня отчаянно мечется в финансовых и ковидных сетях, догадываясь о целях их владельца.

Проект трансгуманизма уже в начале своей реализации обернулся жесточайшим геноцидом человека, вообще стал геноцидом дальнего действия, укрывшись листьями гуманизма. За этим проектом скрывается патологический эгоизм кланов, желающих продлить в бесконечность свою скрытую власть над людьми. Они идут на любые античеловеческие эксперименты, чтобы заполучить святой Грааль вечной жизни. А чтобы «малые мира сего» не угрожали их господству, нужно волю заменить постоянным страхом, подсократив человеческую популяцию, запустив рейтинговую гильотину ликвидации науки и философии, гильотину цифровизации, контролирующую каждый шаг человека, и карнавально-ковидного палача, выборочно казнящего виновных и невиновных, чтобы никто не сомневался в его всемогуществе. Все созданные людьми культурные институты превращаются в гуманных охотников на своих творцов.

Отдельные критики трансгуманизма догадываются (см.: [7, 375, 479]), что технологизм ни на йоту не осуществит этот проект. Ведь очевидно, что никакая машина, никакой ИИ не могут обрести совесть и найти смыслы, без чего они не могут работать, ибо их создали все же люди, имеющие хотя бы заглушенную совесть и смысловые инстинкты.

Да что там совесть и смыслы! Все современные фантастические технологии не могут решить проблему мусора и отходов. И не по причине убыточности такого бизнеса, который пошел бы на такие «жертвы». Великая Неизвестность не позволяет технологиям «крутить» время назад, что требуется для ликвидации отходов. А впереди трансгуманизм ждут электронные отходы, «отжившие» свое искусственные интеллекты! Да и бессмертие — вещь архикуварная. Вот дьявол имеет вечную жизнь, а мучается, завидует людям¹². В мифах вечную жизнь богов отравляет Рок,

¹² Ф.М. Достоевский изобразил в романе «Братья Карамазовы» откровения дьявола после того, как инспирированное им убийство свершилось, а его медиум-Смердяков уже намывает веревку в подвале. Дьявол представляет себя: «Я, может быть, единственный человек во всей природе, который любит истину и искренне желает добра». Но людей больше всего возмущает наличие истины, а величайшим злом они считают само добро. Поэтому люди в своих действиях больше похожи на дьявола, чем он сам на себя. Иван Федорович яростно отрицает реальность дьявола: «Ты ложь, ты болезнь моя, ты призрак... Ты моя галлюцинация. Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самих гадких и глупых». Увы! Все это лишь слова, слова, слова... А преступление реально, судят невиновного, убийца покончил с собой. Дьявол жалуется Ивану Федоровичу, что он по своей природе добр, но по какому-то непонятному довременному решению ему назначено быть злым и все отрицать, ибо без дьявола не будет страданий, а без страданий не будет и жизни. Но дьявол полагает что все же удел человека лучше и выше его удела. Люди хоть и страдают, но зато они и живут. «Я страдаю, а все же не живу. Я икс в неопределенном уравнении. Я какой-то призрак жизни, который потерял все концы и начала, и даже сам позабыл наконец, как и назвать себя. Я отдал бы всю эту надзвездную жизнь, все чины и почести за то только, чтобы воплотиться в душу семипудовой купчихи и богу свечки ставить». Дьявола мучит тайна его вечного бытия. Как скинуть личину дьявола и выйти из вечной жизни к своей купчихе? И «пока не открыт секрет, для меня существует две правды: одна тамошняя, ихняя, мне пока совсем неизвестная, а другая моя. И еще неизвестно, которая будет почище» [1, 659—660].

Великая Неизвестность, а для смертных она может стать вечным мучением¹³.

Поэтому инфицированные метафизикой технократы, помимо создания картин искусственного Рая трансгуманизма, грезят и о грядущей человеческой и социальной сингулярности. Сингулярность — мир идеальности, в котором не действуют законы наличного бытия, техники, социума, человека и революции, но остается лишь Великая Неизвестность, которая посредством импровизации восстанавливает из идеальности и в идеальности оригиналы иного бытия, человека, знания. В сингулярности царит не хаос и не революция, которые уже исчерпали свои миротворные силы, а лишь идеальность — единственная известная нам спонтанно творящая субстанция мира. Человек и социум в сингулярности «обнуляют» все античеловеческие нормы, утилизируют «металлолом» жизни, переплавят их в живую и свободную властную организацию империи.

Скажет, не может сказать, должна сказать и скажет свое слово человеческая и социальная сингулярность русскости, в которой воля Великой Неизвестности укрепит алгоритмы правды, меры и справедливости человеческой экзистенции и социума, назначив Россию исполнителем проекта «Сингулярность», и, вопреки трансгуманизму, сделает его неотвратимым, хотя и с применением ИИ, рациональной цифромагии.

Субъектом, перводвигателем, творящей и смысловой силой сингулярности служит идеальность сознания. И для смыслового питания сознания важнее повседневность, чем ИИ и цифровизация, ибо все самое важное и опасное происходит на наших глазах и рядом с нами. Повседневность — это полигибридная символическая свалка, окружающая сознание. В ней смешаны примитивы образных структур, фрагменты эрочатов и сайтов, реклама, инфернальные reality show. А обогащение сознания требует не ИИ, не «умных БАД-ов», а постоянного возвращения смыслового кристалла своей

¹³ Некая древнеэллинская красавица горько рыдала о том, что красота ее завянет. И просила у Зевса бессмертия. Зевс, всегда уступая просьбам женщин, кроме Геры, исполнил желание безымянной красавицы. Но в день получения бессмертия у нее была сильная диарея, которая будет дополнять всю ее вечную жизнь.

личности, углубления смысловой идеальности, национальной идентичности, выхода из клеток «телевидения», «смертофонов», «инфернета» в сферу мудрости Великой Неизвестности. А для этого нужно не просто SOS, а иное «СОС» — «Стойкость, Ответственность, Солидарность» (см. [2]). Протославянский архетип «русскости» в составе Великой Неизвестности не содержит в себе гибели русского человечества и не допускает его гибели при любых условиях. Спасутся немногие, но ведь спасутся! Россия есть метафизический и реальный ковчег спасения!

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. М., 1973.
2. *Зотова Е.С.* Человек и социум сегодня — время «SOS» // *Философия хозяйства.* 2021 № 2.
3. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М., 1991.
4. *Мельшиор-Бонне С.* История зеркала. М., 1994.
5. *Новая философская энциклопедия: В 4 т.* М., 2010.
6. *Платон.* Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1971.
7. *Шнуренко И.А.* Человек взломанный. М.: «Наше завтра», 2021.
8. *Юнг К.Г.* Аналитическая психология. М., 1995.

Reference

1. *Dostoevskij F.M.* Brat'ya Karamazovy. M., 1973.
2. *Zotova E.S.* СHеловек i socium segodnya — vremya «SOS» // *Filosofiya hozyajstva.* 2021 № 2.
3. *I'lenkov E.V.* Filosofiya i kul'tura. M., 1991.
4. *Mel'shior-Bonne S.* Istoriya zerkala. M., 1994.
5. *Novaya filosofskaya enciklopediya: V 4 t.* M., 2010.
6. *Platon.* Soch.: V 3 t. T. 3. M., 1971.
7. *SHnurenko I.A.* СHеловек vzlomannyj. M.: «Nashe zavtra», 2021.
8. *YUng K.G.* Analiticheskaya psihologiya. M., 1995

А.Г. КОРНЕЕВ

Язык визуальных образов в гуманитарных исследованиях*

Аннотация. Рассматриваются тенденции использования в гуманитарных науках визуальных образов, содержащихся в кинодокументах. Подчеркивается значение кинотехнологий как фактора, обусловившего «визуальный поворот» в методологии гуманитарных исследований. Предпринимается попытка дать альтернативное видение клипового мышления. Считая распространение этого типа мышления закономерным следствием развития экранной культуры, автор обозначает положительные стороны данного феномена, обусловленные познавательными возможностями его визуальной компоненты. Понимание феноменов клипового мышления и экранной культуры во всей их сложности будет способствовать развитию методологии науки.

Ключевые слова: визуальный образ, экранная культура, гуманитарные исследования, кинотехнологии, визуальная антропология, визуальный поворот, клиповое мышление.

Abstract. The article discusses the trends in use in of visual images contained in film documents in Humanities. The author emphasizes the importance of cinema technologies as a factor that caused «Visual turn» in the methodology of humanitarian research. The author attempts to form an alternative vision of clip thinking. The author considers the spread of this type of thinking as an effect of development of screen culture, and indicates its positive aspects caused by cognitive capabilities of its visual components. Understanding the phenomena of clip thinking and screen culture in all its complexity will contribute to the development of methodology of science.

Keywords: visual image, screen culture, Humanities, cinema technology, visual anthropology, visual turn, clip thinking.

УДК 167
ББК 87.5

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Корнеев А.Г. Язык визуальных образов в гуманитарных исследованиях // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 161—170.

В начале 1960-х гг. Маршал Маклюэн, констатируя, что «новая электрическая галактика событий уже глубоко вклинилась в галактику Гутенберга» [4, 406], поставил вопрос о будущих конфигурациях человеческой мысли с техническими средствами представления информации. Как известно, Маклюэн исследовал и сравнивал особенности дописменной культуры, рукописной культуры, печатной культуры и культуры электронного («электрического») века. Каждому из этих периодов соответствует свой тип коммуникации, который опирается на характерные для него инструменты. Для дописменной культуры характерно наличие у человека хорошей памяти, позволяющей оперировать большими объемами информации. В периоды рукописной и печатной культуры открылись новые возможности коммуникации, обусловившие развитие человеческой мысли и языка. В XX столетии, благодаря серьезному прорыву в технологиях, наступило время электронной культуры, которую иногда характеризуют как экранную, подчеркивая формообразующую роль киноэкрана, экрана телевизора, компьютера и других устройств [7]. Экранная культура, распространению которой способствует развитие интернета, не требует от человека не только мощной памяти (так как любую информацию можно мгновенно найти), но и многих других когнитивных навыков. С этим связаны опасения деградации человеческого сознания и языка.

Одним из важнейших социальных феноменов последних десятилетий стало клиповое мышление. Элвин Тоффлер ввел термин «клиповая культура», понимая под этим «принципиально новое явление, рассматриваемое в качестве составляющей общей информационной культуры будущего, основанной на бесконечном мелькании информационных отрезков и комфортной для людей соответствующего склада ума» [6]. В отечественной философии феномен клипового мышления исследует Ф.И. Гиренок [2]. Среди особенностей клипового мышления обычно упоминаются такие, как кратковременность, алогичность, разрозненность, мозаичность и фрагментарность образа, отрывочность информации, растворение ее целостных моделей. Такое понимание подразумевает негативную оценку клипового мышления; клиповое мышление противопоставляется абстрактному мышлению, которое необходимо

для развития науки. Однако клиповое мышление, являющееся продуктом экранной культуры и фактором ее развития, отнюдь не так деструктивно, как может показаться на первый взгляд. Одно из значений английского слова «clip» — «скрепка», а значит, можно понимать подобный тип мышления не только как кратковременный, мимолетный, но и как скрепляющий фрагменты расколотого мира в единое полотно.

Клиповое мышление и экранная культура предполагают понимание мира на языке образов и, прежде всего, образов визуальных. Такое понимание определенными способами встраивается в методологию науки.

Маклюэн, характеризовавший кино как «мир, намотанный на катушку», отмечал, что первые кинотеатры в Англии называли биоскопами, поскольку они «визуально представляли реальное движение живых форм» [5, 144].

Для философии, изучающей роль визуальных образов в гуманитарном познании, особое значение имеет опыт тех его разделов, где важное место занимают визуальные образы, созданные с помощью кинотехники.

«Жизнь, намотанная на катушку» в антропологии и истории повседневности

Культурная антропология (пересекающаяся с этнографией) и археология первыми из социальных и гуманитарных наук обратили внимание на преимущества использования в своих исследованиях «сфотографированной жизни» и «жизни, заснятой на киноплёнку». Возникла *визуальная антропология*, создающая кинодокументы и использующая их в качестве источника.

В работах российского искусствоведа Е.В. Александрова дан широкий обзор истории и предыстории визуальной антропологии [1]. В начале XX в. ученые стали использовать фотографию и кино для изображения жизни экзотических племен. Также визуальные данные стали использоваться для фиксации социокультурных, а также физиологических особенностей различных обществ и социальных групп. Спустя время задокументированные в киноматериалах физиологические характеристики этнических групп стали предметом физической антропологии и антропометрии.

Роберт Флаэрти в 1922 г. снимает фильм «Нанук с севера» — это один из первых антропологических кинофильмов. В российской визуальной антропологии можно отметить вышедший в 1928 г. фильм режиссера Александра Литвинова «Лесные люди», сделанный в сотрудничестве с выдающимся этнографом Владимиром Арсеньевым. Это яркие примеры антропологического исследования с помощью визуальных средств кинематографа, и, хотя эти фильмы нельзя назвать строго научными произведениями, именно они заложили основу для понимания кинематографа как не просто динамичной последовательности картинок, но и как средства научного познания. Более того, художественные элементы в подобных работах не являются чем-то мешающим пониманию этих работ как научных, — в художественной составляющей могут быть заключены вытесняемые из науки эстетика и метафизика.

Осмысление визуальной антропологии как академической дисциплины произошло в 1960-х гг. Джон Кольер-мл. в 1967 г. издает учебник, в котором вводит термин «визуальная антропология» и закладывает основы нового направления. Свой вклад внесла Маргарет Мид, проводившая этнографические исследования в Полинезии с использованием кинокамеры и анализом созданных видеоматериалов. Новая дисциплина подразумевает появление принципиально нового вида информации, который не иллюстрирует вербальные данные, а открывает новые возможности отображения действительности. Визуальные данные рассматриваются как самостоятельный вид антропологического письма и средство познания, которое может не иметь подкрепления в виде вербальной информации.

Понятие образа становится важнейшим элементом при работе с визуальными источниками. Исследователь деконструирует образ, ставший основой для визуального материала, и интерпретирует его. Работа с визуальными образами занимает большое место в такой отрасли исторического познания, как *история повседневности* (everyday life history, alltagsgeschichte). Это направление выкристаллизовалось в 1980-х гг. Предметом изучения истории повседневности стала человеческая обыденность, рассматриваемая сквозь призму различных исторически значимых событий. Визуальные источники используются здесь в качестве средства,

позволяющего «наблюдать» трудноуловимые аспекты социальной действительности прошлого. Однако текстовый подход к изучению образа ограничивает возможности осмысления содержания кадра. На самом деле, образ может нести в себе помимо содержащихся в кадре данных о той или иной эпохе или обществе, иные, более глубокие смыслы, которые схватываются в совокупности с иными методами киноповествования, такими как монтаж и ритм. Для передачи подобных смыслов могут быть использованы методы художественного повествования других искусств, театра, живописи, музыки. Кино может не только фиксировать мир вокруг, но и воссоздавать в художественном повествовании настроения общества. Такое широкое осмысление кинопродукта представлено в работе немецкого социолога Зигфрида Кракауэра «От Калигари до Гитлера: Психологическая история немецкого кино» [3], где показаны параллели между теми процессами, которые происходили в немецком кинематографе, и общественной жизнью Германии в 1920-х гг. При этом сюжеты кинофильмов, которые рассматривает Кракауэр, могут быть далеки от изображения жизни немецкого общества. Анализируя атмосферу фильмов, то состояние, которое они передавали зрителю чисто художественными средствами, и сопоставляя это с общественными настроениями в Германии 1920-х, автор показывал закономерность прихода к власти национал-социалистической партии.

Методологическое значение «визуального поворота» в исследованиях культуры

«Визуальный поворот» в исследованиях культуры был обусловлен изменениями в художественной практике XX в. Развитие кинематографа, появление и распространение телевидения, возникновение и признание в качестве особых видов искусства перформанса и инсталляции — все это поставило перед традиционным искусствоведением задачу поиска новой методологии и категориального аппарата. Действительность опровергала представления об автономии искусства и свободе художника, показывая зависимость искусства от экономики, его связь с социальной мифологией и идеологией.

Растущее влияние кинематографа, вызванное прогрессом кинотехнологий, превращением «великого немого» в звуковое, а затем и цветное кино, расширением монтажных и операторских приемов, — не только послужило возникновению теории кино, но и повлияло на методологию гуманитарных наук в целом. «Визуальный поворот» в гуманитарных исследованиях характеризуется вниманием к чувственному опыту, который становится важнее логики. Человек рассматривается как воспринимающий технически репродуцируемые образы, а история образов — как ключ к пониманию исторической реальности. Визуальные исследования связаны с именами Р. Барта, В. Беньямина, Ж. Бодрийера, М. Фуко, Ж. Деррида и других авторов. Их труды демонстрируют возможности окуляроцентризма, противопоставляемого логоцентризму в понимании человека и мира. При этом создается ретроспектива окуляроцентризма, который считается укорененным в древнегреческой культуре и философии; вспоминают высказывания Аристотеля о зрении как самом важном из чувств и о связи зрения с воображением. Визуальное западноевропейское мышление представляется как связанное с властью. В визуальных исследованиях культуры используются методы семиотики, подходы постструктурализма, идеи марксизма и психоанализа. Зрителя в кинозале представляют «приклеенным» к экрану и «нарциссически идентифицирующим» себя с воображаемым, художника уподобляют знахарю, а кинооператора — хирургу («глубоко вторгающемуся в ткань реальности»), мастерство актера «смешивают» с возможностями киноаппаратуры, обращают внимание на капиталистический характер кинопроизводства и его связь с производством электрической техники.

Ф. Джеймисон был одним из первых, кто обратил внимание на утрату прежних позиций в культуре литературными произведениями и на вытеснение языка литературы языком визуальных образов — прежде всего, образов кинематографических [8]. Он подчеркивал, что возможности киномонтажа создают новый синтаксис, на фоне которого становится очевидной ограниченность средств, позволяющих описывать повседневность в литературе. К тому же классическое литературное произведение становится слишком сложным для сознания современного человека, которому пришлось

бы прикладывать слишком много усилий, чтобы уследить за множеством переплетающихся сюжетных линий. В этих условиях главным средством отображения социальной реальности становится кино. Джеймисон стремился показать, что преобладание визуального в культуре меняет антропологический опыт, ведет к разрушению социального нарратива и деконструкции основанного на нем мира. В такой трактовке просматривается негативная характеристика визуального восприятия, которая не является вполне оправданной.

Мы считаем, что важнейшая особенность клипового мышления, основанного на визуальном восприятии, состоит не в том, что оно «не может угнаться за сюжетными линиями», а в том, что оно просто не переживает каждую линию по отдельности. Имея возможность видеть весь клубок сразу, схватывая «хитросплетенность» в одном образе, человек с клиповым мышлением не имеет нужды разбирать каждую линию по отдельности, ему просто скучно. С гораздо большим интересом он переключится на следующий кадр, в котором запечатлена иная «хитросплетенность», возможно, более вычурная, а потому привлекательная для визуального восприятия, которое опирается именно на чувства.

Визуальная метафора — это особый прием создания определенного видения предмета. Приведем пример для лучшего понимания этого феномена. В фильме Терренса Малика «Новый свет», посвященном колонизации Северной Америки, представлены два общества — европейских переселенцев и коренных индейцев. Первые представлены как нечто ограничивающее, регулирующее и духовно бедное, вторые же представляют мир свободы и богатой духом жизни в единении с природой. Данная мысль доводится до зрителя не только содержанием кадров, но и формой — «тем, как это снято». Изображаемые условно реальные исторические процессы обретают философскую концептуализацию через конфликт свободы и угнетения, демонстрируемый визуальными методами. Если литературная метафора содержит в себе переносное значение, углубляющее смысл употребляемого слова в контексте, то визуальная метафора способна углубить понимание происходящего непосредственно в кадре.

Визуальная реальность мыслится сегодня как порождение современной культуры, которое можно прочесть и интерпретировать подобно литературному тексту. Понятие «визуальная культура» изменило традиционное представление о грамотности и чтении как о базисах культурных текстов. Главное преимущество визуального восприятия — в том, что оно позволяет охватить гораздо большее количество смыслов за единицу времени, а это особенно важно в электронную («электрическую», по Маклюэну) эпоху.

Сегодня аналоговые информационные технологии вытесняются более удобными и надежными цифровыми. В мире, уже не «намотанном на катушку», а «переведенном в цифру», преобладают визуальные продукты. Это вводит новые критерии оценки событий: человек начинает все реже доверять слову, но все чаще визуальным образам. Подобные процессы зафиксированы и народной мудростью в выражениях вроде: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». У них есть и физиологическое основание — около 80% всей информации, получаемой человеком, поступает именно через зрительные рецепторы.

Современный мир «коммуницирует» на языке визуального. И это не только привлекает внимание философии, но может «визуализировать» методы и язык философии.

Литература

1. *Александров Е.В.* Предыстория визуальной антропологии: первая половина XX века // Этнографическое обозрение. 2014. № 4. С. 127—140.
2. *Гиренок Ф.И.* Клиповое сознание: клипы в науке, клипы в философии, клипы в политике, клипы в искусстве, клипы в образовании, неклиповое. М.: Проспект, 2016. 256 с.
3. *Кракауэр З.* От Калигари до Гитлера: Психологическая история немецкого кино. М.: Искусство, 1977. 321 с.
4. *Маклюэн Г.М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / Пер. с англ. А. Юдина. Киев: Ника-Центр, 2001. 432 с.

5. *Маклюэн Г.М.* Понимание медиа. Внешнее расширение человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.

6. *Толфлер Э.* Третья волна / Пер. с англ. М.: АСТ, 2004: [Электронный ресурс]. URL: http://read.virmk.ru/present_past_pdf/Toffler_Tretiya_volna.pdf .

7. Экранная культура. Теоретические проблемы / Отв. ред. К.Э. Разлогов. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012. 752 с.

8. *Jameson F.* Signatures of the visible. N. Y.: Routledge, 1990. 350 p.

References

1. *Aleksandrov E.V.* Predystoriya vizual'noj antropologii: pervaya polovina НКН века // Etnograficheskoe obozrenie. 2014. № 4. S. 127—140.

2. *Girenok F.I.* Клиповое сознание: клипы в науке, клипы в философии, клипы в политике, клипы в искусстве, клипы в образовании, неклиповое. М.: Просpekt, 2016. 256 с.

3. *Krakauer Z.* Ot Kaligari do Gitlera: Psihologicheskaya istoriya nemeckogo kino. М.: Iskusstvo, 1977. 321 s.

4. *Maklyuen G.M.* Galaktika Gutenberga. Sotvorenje cheloveka pechatnoj kul'tury / Per. s angl. A. YUdina. Kiev: Nika-Centr, 2001. 432 s.

5. *Maklyuen G.M.* Ponimanie media. Vneshnee rasshirenie cheloveka / Per. s angl. V. Nikolaeva. М.; Zhukovskij: KANON-press-C, Kuchkovo pole, 2003. 464 s.

6. *Toffler E.* Tre'tya volna / Per. s angl. М.: AST, 2004: [Elektronnyj resurs]. URL: http://read.virmk.ru/present_past_pdf/Toffler_Tretiya_volna.pdf .

7. Ekrannaya kul'tura. Teoreticheskie problemy / Отв. ред. К.Е. Razlogov. SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2012. 752 s.

Т.А. ИВАНОВА

Проблема цифрового постгендеризма*

Аннотация. В статье проводится анализ трансформации понимания андрогина в современной культуре. Выделяются две тенденции цифрового отношения к человеку и два способа концептуализации андрогинизма. Анализируется изменение отношения к полу человека в виртуальном пространстве. С одной стороны, предпринимается попытка преодолеть в нем пол человека, с другой — человек отчаянно ищет утраченную им вследствие размытия границ идентичность. Проводятся параллели между практиками ритуальной андрогинизации в первобытных культурах и отказом человека от пола в современных реалиях. Делается вывод о парадоксальности попыток современного человека преодолеть пол, которые связаны с его страхами перед внешними детерминациями, но порождают гораздо более тоталитарную форму власти пола.

Ключевые слова: двойственность человека, дигитализация, человек, постгендер, постгендеризм, постчеловек, постгуманизм, философская антропология.

Abstract. The article analyzes the transformation of understanding the androgyne in modern culture and the attitude to the sex in virtual space. On the one hand, human being attempts to overcome a gender, on the other, a person searches for the identity he has lost due to blurring of boundaries. Parallels are drawn between the practices of ritual androgynization in primitive cultures and man's renunciation of gender in modern realities. The conclusion is made about the paradoxical nature of modern man's attempts to overcome the sex, which is associated with external determinations, but it gives rise to a much more totalitarian forms of gender power.

Keywords: human duality, digitalization, human being, postgender, postgenderism, posthuman, posthumanism, philosophical anthropology.

УДК 130.2

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Иванова Т.А. Проблема цифрового постгендеризма // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 170—179.

В современной философии можно выделить две тенденции цифрового отношения к человеку. Первая из них представлена трансгуманизмом, который предполагает расширение человеческих возможностей посредством технологий, а вторая — постгуманизмом, который, согласно Н.Н. Ростовской, упраздняет границу между человеческим и нечеловеческим, т. е. между человеком и животными, человеком и техникой, человеком и объектами [8]. В обоих случаях оцифровка человека тесно связана с преодолением его пола, но не только и не столько в анатомическом, сколько в более общем смысле размывания его границ и вовлечения человека в маскарад гендерных идентичностей, или игру знаков.

Помимо двух способов цифрового отношения к человеку, для постановки проблемы цифрового постгендеризма также важно разделить два способа понимания андрогина в философии. Первый представляет собой символ, который известен нам из ряда мифологий, диалога Платона «Пир», средневековой философии, немецкого романтизма и русской философии Серебряного века. Этот символ отличался объемностью и умоглядностью. Он был для человека идеей, концептом, вдохновляющим образом и не воспринимался буквально. Под ним понималась духовная андрогинизация, отсылающая к идеалу человеческой целостности. Второй способ понимания андрогина — андрогин современный, или андрогин воплоти (постгендер). Его отличает буквальное воплощение андрогинности в личности конкретного человека с совершенно иными смыслами. Такой андрогин представляет собой плоское, одномерное, бесполое существо. Подобный андрогин представлен в работах Д. Харавей [11]. Под андрогинностью она понимала принцип, на котором должно быть построено новое человечество киборгов, свободное от патриархальных отношений власти и подчинения и капитализма. Но Бодрийяр показал, что сексуальная революция лишь усиливает капитализм, поскольку она стимулирует циркуляцию знаков и множественность желаний.

Благодаря виртуальному пространству человек обретает дополнительные способности, становясь своего рода мутантом, киборганическим существом [11]. Например, за высокую плату

отказа от собственной аффективности он получает возможность становиться невидимым, менять социальные роли по своему усмотрению — имена, ники, пол, возраст и прочие характеристики. Избавившись от органики, он больше не нуждается в дифференциации полов. Его бытие становится постгендерным.

Такая свобода открывает перед ним проблему самоидентификации. Все, что человек делает в цифровом пространстве, фиксируется и превращается в следы. В то же время, согласно Бодрийяру, в нем «каждый теряет свои следы, и тогда возникает насущная необходимость, чтобы кто-то шел по этим следам, даже если он местами стирает их, и вы исчезаете» [4, 243]. В работе «Почему все еще не исчезло?» [3] Бодрийяр поднимает проблему исчезновения человека, которую до него рассматривали в философии М. Фуко и А. Кожев. Фуко писал, что человек подобен лицу на песке, а значит, он легко может быть стерт, и о нем не стоит горевать [10]. Кожев отмечал, что исчезновение человека не будет катастрофой и, скорее всего, пройдет незаметно [7]. Как сингулярное существо в философской антропологии Ф.И. Гиренка, человек внезапно появился и столь же внезапно исчезнет [5]. Но, исчезая, человек хотел бы, чтобы кто-то шел по его следам, что объясняет острую потребность современного человека в идентичности. Он потерял самого себя в результате всеобщего процесса децентрации, тесно связанного с виртуализацией его бытия и деконструкцией бинарных оппозиций, благодаря которым у человека прошлого была форма.

Бинарная парадигма мужского и женского для современного человека цифры безнадежно устарела. Теперь она воспринимается как архаизм прошлых веков. Более того, человек современности перешел в качественно иную, новую парадигму этики дискурса, которая построена на идеях равенства голосов, предельной толерантности к каждому из них и нескончаемой дискуссии. В такой парадигме становится оскорбительным приписывать человеку пол на основе каких-либо внешних характеристик. Человек должен сам определить свой гендер и дать о нем знать, что порождает неловкие ситуации. Эти изменения свидетельствуют о том, что глубина человеческой аффективности уже сейчас уплощается до

поверхностной сентиментальности, которая наиболее остро проявляет себя в вопросе пола.

Балансируя на грани исчезновения, современный человек, однако, не перестает не совпадать с собой, сохраняя двойственность, о которой писал Ф.М. Достоевский в письме Юнге [6]. Он одновременно стремится и обрести идентичность, и освободиться от ее оков. Обзор социальных сетей за последнее время открывает огромное количество групп по интересам и мероприятий для людей с так называемой «небинарной» гендерной идентичностью. В них пол человека становится не данностью, а объектом свободного воображения. Не полюсом бинарной оппозиции, а бесчисленной множественностью вариаций, главной функцией которой является выражение индивидуальности человека. В такой ситуации пол уже не может быть универсальным. Чтобы не быть серой массой, человек должен выдумать его, произвести из самого себя уникальный пол в согласии со своей идентичностью.

Чего же боится и от чего дистанцируется человек, который пытается отбросить прочь не только метафизику пола, но и органику? По-видимому, больше всего его пугает власть природы и социума. В виртуальном пространстве человек пытается обрести свободу и от того, и от другого. В дихотомии судьбы и свободы человек пытается уйти от своей судьбы. А судьба, согласно Бодрийяру, «представляет собой сингулярность, которая не обменивается ни на что рациональное. Взятая в своей радикальной форме она указывает на невозможный обмен» [2, 21]. Можно предположить, что в попытке обменять свой пол на гендер, человек стремится выйти за пределы своей сингулярности и стать обратимым. Перебирая бесконечность конечного, бесчисленные фрагменты пола, человек пытается собрать для себя бессмертие, как в сказке «Снежная королева» Кай собирал слово «вечность» из льдинок. И путь к бессмертию у него один — стать постгендерным постчеловеком. Почему постчеловеком? Потому что человек смертен. Почему постгендерным? Потому что, согласно русским философам Серебряного века, пол человека тесно связан с его смертью. Посредством пола человек рождается, в символизме пола сокрыта и тайна смерти. В «Смысле творчества» Бердяев писал, что рождение и смерть тесно связаны между собой в поле. «Пол — не

только источник жизни, но и источник смерти. Через пол рождаются и через пол умирают. Тление и смертоносный распад вошли в мир через точку пола. Пол прикрепляет человека к тому тленному порядку природы, в котором царит бесконечная смена рождения и смерти. Лишь смертный рождает и лишь рождающий умирает» [1, 410—411]. Под смертоносным распадом Бердяев понимал грехопадение, последствия которого человеку должно преодолеть, ведь он же и стал его причиной. Именно грехопадение стало точкой раскола полов, распада целостности андрогина.

Однако для постнищенской философии вместе со смертью бога утратила смысл и христианская мысль. На смену ей пришло новое направление духовных поисков — нью-эйдж (новое язычество), где Бог как центр сменяется на ризому богов. Фрагментарное, гипертекстуальное и симулятивное виртуальное пространство больше не нуждается в целостности и интеграции, но представляет собой условное «место», в которое представители постгуманизма мечтают навсегда разместить человека, сделав его бессмертным. Пока человек смертен, у него есть пол. Бессмертный человек будущего не нуждается в поле, поскольку в мечтах постгуманистов он преодолел в себе все человеческое, а вместе с тем и различия, аффекты, любовь, ненависть.

Практики ритуальной андрогинизации человека встречались и ранее, в разных культурах. Например, в скопчестве, самооскоплении жрецов культа Кибелы, у индийских хиджр, которые подвергали себя ритуальной кастрации во имя почитаемой ими Богини. Но в их основе присутствовала человеческая аффективность, которая выражалась в акте самопожертвования. Современный постгендеризм лишен такого мотива. Напротив, он направлен на ликвидацию человеческих страданий. Эта андрогинизация носит другой характер, и она более тесно связана с телесными, нежели с духовными практиками. Например, с применением репродуктивных технологий, искусственных маток и клонирования. В предельном смысле подобные технологии стремятся создать разрыв между чувствительностью человека (его эмоциями, ощущениями) и органическим коррелятом. Это новое мировоззрение опирается не на миф, а на научную рациональность, цель которой — сосчитать и тем самым убить человека.

Как феномен трансмедиа, так и новый андрогин в нем направлены на расширение. В статье «Постгендерная характеристика виртуального: генезис андрогинности» В.А. Ульянов сравнивает этот процесс с возвратом к догендерной мифологической нерасчлененности «оно»-сознания, ведь в обоих случаях человек стремится выйти за свои пределы в безвременную вечность, где нет смерти [9]. Однако в ходе исследования мифов в этих феноменах обнаруживается одно существенное различие: мифологически-ритуальное преодоление границ пола имело смысл лишь на фоне жесткого разделения полов в культуре. За пределами этого разделения оно становится выходом не в состояние первоначальной целостности животворящего хаоса, а в цифровое измерение низведения человеком себя до техники.

Так возникает и получает широкое распространение совершенно новый тип человека — «андрогинного» не в смысле метафизической обоуполости, а в смысле постгендерности, преодоления пола, слияния полов в одном человеке и обретения им бесполого статуса «оно» или «они». Трансгуманизм полагает, что именно этот идеал станет вершиной человеческой эволюции, воплотив в себе предельное совершенство. Ведь, с точки зрения трансгуманистов, чем большими возможностями обладает человек, тем лучше. Вбирая в себя характеристики обоих полов, он способен на большее. Но трансгуманизм ошибается, поскольку человек грезит, а не эволюционирует. Он — не природное существо, а значит, борьба с природой для него бессмысленна, он уже вышел за пределы ее обусловленности в момент его появления, т. е. в момент взрыва галлюцинаций, согласно философии Ф.И. Гиренка [5]. Не является он и существом социальным, поскольку человек — это ритм, а социум задает алгоритмы. Поэтому преодоление социальных конструктов тоже не имеет антропологического смысла.

Таким образом, можно заключить, что постгендерное направление современной мысли борется с миражами. Ведь что такое гендер? Мыльный пузырь, симулякр, продукт воображения человека в его попытке превзойти самого себя, выйти за собственные пределы.

Избегая сущностных характеристик пола в виртуальном коммуникативном пространстве, человек ускользает от самого себя

и ставит под сомнение границы культуры. Но постгендеризм современности не ограничивается идентичностью отдельных людей. Не ограничивается он и исключительно социальным измерением, политическими и экономическими проблемами, на решение которых претендует. Постгендерный идеал вырастает в идеологию, которой служат новые технологии медицины и инструменты воздействия на сознание человека в массмедиа. В попытках обменять человеческую двойственность на множественность постгендерный идеал охватывает сами основы понимания человека, в результате чего возникает новый тип человека — человек трансгендерный. Бодрийяр полагал, что феномен трансгендерности не сводится к стремлению сменить пол, т. е. перейти из одного полюса в другой. Он предвосхищал в нем глобальное явление двуполого гермафродитизма, охватывающего всю современную культуру, которая также становится и трансмедиальной, и трансполитической в том смысле, что в ней исчезают различия, а вместо них остаются маски [4].

В «Прозрачности зла» Бодрийяр пишет, что кибернетическая революция побудила человека к тревожным вопросам: «человек я или машина», «мужчина я или женщина», которые стали для него неразрешимой проблемой [4]. С точки зрения Канта, эта проблема представляет собой бесконечный процесс сознания различий, из которого невозможно осознать, что именно мы различили. Бодрийяр утверждает, что цифровая революция привела к тотальной утрате различий, а значит, и сознания. В этом смысле, новый мир стал прозрачным. Гиперреальность в нем пришла на смену исчезающей реальности. Политика превратилась в трансполитику, экономика — в трансэкономику, искусство — в трансэстетику. Приставка «транс» означает, что все эти сферы разрастаются до безграничных симулякров, между ними стираются границы. Точно так же и тему пола уже нельзя отделить от политики, экономики, эстетики и философии. В этом смысле транс-идеология поглощает культуру, подобно вирусу неразличимости. Заражаясь им, человек передает свою двойственность адской машине, которая бесконечно расширяется, выходя за собственные пределы [3]. Следствием такого расширения становятся хаос неопределенности и пустота сознания, которое больше не может исходить из эстетических

категорий и проводить различия между прекрасным и безобразным. Новая эстетика вбирает в себя все существующие виды эстетики, в ней все становится прекрасным, поскольку искусство — всюду.

Наряду с эстетикой трансgressирует и этика, преодолевая границы между приемлемым и неприемлемым, нормой и не-нормой. Подобные процессы можно наблюдать и в отношении человека. Западные антропологи отделяют от него человечность, и она начинает гулять по миру — человеческими становятся леса, животные и предметы [8]. Принадлежность к тому или иному полу аналогично переходит границы частной сферы, становясь публичным, медийным, политическим актом саморепрезентации. Например, в современных медиа проблема гендерных меньшинств обсуждается наряду с проблемой эйблизма (в частности, дискриминации по признаку психических расстройств) в пространстве одного дискурса, что наглядно демонстрирует поставленную Бодрийяром проблему смешения границ.

Медиа разносят тоску по бытию самим собой, которое невозможно без самостояния. Но, чтобы стоять самому, человеку необходимо при чем-то себя удерживать. Не играть в безразличие к различиям, а осознавать их. Не умножать различия, а выносить свою двойственность, оставаясь в сознании. На вопрос «почему все еще не исчезло» Бодрийяр отвечает: потому что есть двойственность человека [3]. Потому что человек одновременно утверждает и отрицает. Он существует в парадоксальной логике одновременных «да» и «нет», а не в черно-белой машинной логике взаимно исключающих друг друга единиц и нулей. И именно несовпадение с собой является главным различием в самом человеке. Пол представляет собой его метафору. Это различие неисчислимо, а значит, не может быть множеством. Оно коренится в человеческой субъективности, а значит, не подвержено объективации. В этом смысле постгендерный постчеловек является следствием исчезновения метафоры пола, отсылающей к сущностной раздвоенности человека, позволяющей ему удерживать себя в сознании.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 200 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Почему все еще не исчезло? [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@alesya-bolgova/zhan-bodriiiaar-pochiemu-vsie-ieshchie-nie-ischiezlo> (дата обращения: 03.04.2021).
4. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.
5. *Гиренок Ф.И.* Введение в сингулярную философию: монография. М.: Проспект, 2021. 304 с.
6. *Достоевский Ф.М.* Письма. 221. Е.Ф. Юнге. 11 апреля 1880. Петербург // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. СПб.: Наука, 1996. С. 599—601.
7. *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
8. *Ростова Н.Н.* Проблема человека в современной философии: монография. М.: Проспект, 2020. 176 с.
9. *Ульянов В.А.* Постгендерная характеристика виртуального: генезис андрогинности // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. 2012. № 2. С. 158—171.
10. *Фуко М., Юнг К.Г.* Матрица безумия. М.: Алгоритм, Эскмо, 2007. 384 с.
11. *Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. / Пер. с англ. А. Гараджи // Гендерная теория и искусство: антология: 1970—2000 / Под ред. Л.М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 322—377.

References

1. *Berdyayev N.A.* Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. M.: Pravda, 1989. 608 s.
2. *Bodriyyar ZH.* Paroli. Ot fragmenta k fragmentu. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2006. 200 s.
3. *Bodriyyar ZH.* Pochemu vse eshche ne ischezlo? [Elektronnyj resurs]. URL: <https://syg.ma/@alesya-bolgova/zhan-bodriiiaar-pochiemu-vsie-ieshchie-nie-ischiezlo> (data obrashcheniya: 03.04.2021).
4. *Bodriyyar ZH.* Prozrachnost' zla. M.: Dobrosvet, 2000. 258 s.

5. *Girenok F.I.* Vvedenie v singulyarnuyu filosofiyu: monografiya. M.: Prospekt, 2021. 304 s.
6. *Dostoevskij F.M.* Pis'ma. 221. E.F. YUnge. 11 aprelya 1880. Peterburg // *Dostoevskij F.M. Sobr. soch.:* V 15 t. T. 15. SPb.: Nauka, 1996. S. 599—601.
7. *Kozhev A.* Vvedenie v chtenie Gegelya. SPb.: Nauka, 2003. 792 s.
8. *Rostova N.N.* Problema cheloveka v sovremennoj filosofii: monografiya. M.: Prospekt, 2020. 176 s.
9. *Ul'yanov V.A.* Postgendernaya harakteristika virtual'nogo: genezis androginnosti // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya.* 2012. № 2. S. 158—171.
10. *Fuko M., YUng K.G.* Matrica bezumiya. M.: Algoritm, Eskmo, 2007. 384 s.
11. *Harauej D.* Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i socialiticheskij feminizm 1980-h gg. / Per. s angl. A. Garadzhi // *Gendernaya teoriya i iskusstvo: antologiya: 1970—2000 / Pod red. L.M. Bredihinoj, K. Dipuell.* M.: ROSSPEN, 2005. С. 322—377.

М.Д. ГОРБАЧЕВ

О воображаемом*

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Горбачев М.Д. О воображаемом // *Философия хозяйства.* 2021. № 4. С. 180—188.

Аннотация. Многие философы замечали значимую роль воображения для человека. Однако часто они слишком узко трактовали воображаемое, полагая его границу так, что оставшееся место было нечем заполнить. Статья посвящена воображаемому, которому подчиняет себя человек. После приведения общей характеристики воображаемого как противоположности существу в мире, которой в нем нет, но которая есть для человека, автор рассматривает частные его случаи, чтобы указать на то, насколько широко воображаемое, и обозначить, где заканчивается его территория. Воображаемое — это не только образ, но и смысл, чувства, предмет стремления и другие чувственно-сверхчувственные феномены. Помимо воображаемого, для человека есть воспринимаемое, которое почти всегда охвачено первым, но тем не менее может быть самостоятельным. Анализируя отношение между воображаемым и воспринимаемым, автор приходит к выводу, что, несмотря на творческий характер воображаемого, так как его нет в мире и нельзя воспринять, оно неразрывно связано с воспринятым.

Ключевые слова: воображение, воображаемое, воспринимаемое, восприятие, человек, философская антропология.

Abstract. Many philosophers have noticed the significant role of the imagination for the human. However, they often interpreted the imaginary too narrowly, assuming its boundary in such way that there was nothing to fill the remaining space. The article is devoted to the imaginary, to which a person subordinates himself. After giving a general description of the imaginary as the opposite of what is in the world, which is not in it, but which is for a person, the author considers its particular cases to indicate how wide the imaginary is and to indicate where its territory ends. The imaginary is not only an image, but also meaning, feelings, the object of aspiration, and other sensory-supersensible phenomena. In addition to the imaginary, there is the perceived for a person, which is almost always covered by the first, but, nevertheless, can be independent. Analyzing the relation between the imaginary and the perceived, the author comes to the conclusion that, despite the creative nature of the imaginary, since it is not in the world, and cannot be perceived, it is inextricably linked with the perceived as with what is imagined about.

Keywords: imagination, imaginary, perceived, perception, human, philosophical anthropology.

УДК 14
ББК 87.52

Человек, мы считаем, живет в особой реальности — она и воспринимается, и воображается, а иногда лишь воображается. Реже — лишь воспринимается. Здесь обозначим, что такое воображаемое, рассмотрим его частные случаи и укажем на соотношение воображаемого и воспринимаемого.

Воображаемое — это нечто чувственно-сверхчувственное, нечто, чего нет в мире, но есть именно для человека. Воображаемое противопоставлено реальному как сущему в мире, тому, что в нем есть [4, 19]. Кант писал, что «воображение есть способность представлять предмет также и без его присутствия в созерцании» [8, 27]. Мы предполагаем, что под воображением он в этом случае понимал воображение образов, которые, на наш взгляд, лишь частный случай воображаемого. Поэтому и созерцание мы трактуем как восприятие вообще.

О воображении говорил и Ж.-П. Сартр, но он под воображаемым понимал именно образ [10]. Более того, он считал, что у образа есть объект и содержание [10, 70]. Однако мы считаем, такой взгляд ограничивает понимание образа. Конечно, не исключено, что Сартр намеренно рассматривает образ именно в этом смысле, сознательно ограничивая его теми случаями, когда у него есть объект, присутствовавший в качестве сущего в мире. Тем не менее не в пользу такого понимания говорит и пример Сартра с гравюрой Дюрера, который мы представим ниже.

Следует внимательнее посмотреть на образ, его объект и содержание. Сначала отметим, что образ — это, конечно, не только воображаемая картинка. Образ может быть не только визуальным, но и звуковым, когда мы проигрываем мелодию в голове; вкусовым, когда мы вспоминаем вкус, или, например, тактильным. Пока Сартр говорит о тех образах, которые являются «репрезентантами» [10, 70] чего-либо, сложностей не возникает: если я представлю себе мой рабочий стол, то у этого образа есть и содержание — фактически

частный случай образа, именно этот образ — и объект, который он репрезентирует, — мой рабочий стол.

А теперь обратимся к примеру с гравюрой. Да, Рыцарь и Смерть становятся некими объектами, которые также могут быть представлены в образе и которые, скажет Сартр, полагаются несуществующими (конечно, здесь стоит сделать оговорку — в каком смысле несуществующими, так как в качестве изображений на *в мире сущей* гравюре они вполне существуют; но сейчас нам это неважно) [10, 76]. Но для самого художника этих объектов, скорее всего, не существовало (по крайней мере, легко себе представить ситуацию, в которой объектов образа, реализованного в гравюре, для него не было). Это пример случая, когда мы создаем образ, содержание которого не репрезентирует воспринятый в мире объект. Именно так музыканты могут придумывать новые мелодии. Сартр указывает и на такие образы, материалом для которых служили наши ощущения, а не воспринятое из мира (например, воспоминания о своих чувствах), но это никак не объясняет упомянутую неточность, связанную с объектом и содержанием образа [10, 77]. Эту неточность не исправляет и указание на интенциональность образа как акта полагания его содержания, так как, по сути, это указывает лишь на неизбежное наличие содержания образа и объекта интенциональности, но не объекта образа [10, 76].

Узко образы толковал и, например, Дж. Беркли. Когда он предлагает образовать идею треугольника вообще, который не был бы каким-то частным его случаем, он хочет указать на невозможность этого, но, по всей видимости, под идеей треугольника понимает также образ, который можно вообразить [2, 157]. В случае с образом можно согласиться с ним, так как воображаемый визуальный образ треугольника действительно будет каким-то одним треугольником. Но здесь мы подходим к еще одному случаю воображаемого — смыслу. Сразу заметим, что мы не стремимся привести всеохватывающую классификацию воображаемого, поэтому некоторые представляемые нами в дальнейшем случаи его могут быть содержащими, другие из упомянутых или наоборот — могут быть частью упомянутых. Общее определение воображаемого мы дали — чувственно-

сверхчувственное; теперь же хотим продемонстрировать, насколько человек пронизан этим, приводя примеры воображаемого.

Итак, смысл — тоже воображаемое. В мире нет никакого смысла, но смысл есть для человека. Как пишет Ф.И. Гиренок, события бессмысленны [6]. И тот самый треугольник вообще есть и воображаем (не только в сущности, но и в смысле возможности вообразить треугольник вообще) как смысл. Если мы скажем, что треугольник — это геометрическая фигура, образованная тремя отрезками, которые соединяют три точки, не лежащие на одной прямой, то он будет одновременно и всеми возможными треугольниками, и никаким конкретным. В случае со смыслом хорошо видно, как воображаемое проникает для человека в мир. Так, например, в мире нет стульев — вещей, на которых сидят люди, которые часто стоят у столов и т. д. В этом плане стул — смысл, который есть именно для человека. Так, если созданный нами робот-кошка запрыгнет на стул, для него не будет никакого *стула* как смысла — он существует в мире вещей как вещь, а человек, садясь на стул, садится не на просто воспринимаемую протяженность, а на *стул*.

Э. Гуссерль, например, пишет: «между тем я прочитал утверждение раз десять и полностью его понял, не находя все же ни малейшего следа сопровождающих фантазий» [7, 68]. По всей видимости, фантазии для него — образы, схожие с теми, какие у многих возникают во время чтения художественной литературы. Однако легко представить себе предложение, смысл которого не будет соотноситься с неким образом в указанном его понимании. Возьмем, например, предложение (истинность его смысла нам сейчас не важна) «Абстрактное не дано в эмпирическом». Если не понимать находящиеся в нем знаки-слова по-особенному, то, скорее всего, смысл будет ясен без того, чтобы в нас возникли какие-либо образы. Так же случилось и с Гуссерлем. Но он не сказал, что смысл, который он «понял», сам является воображаемым или фантазией. Его нет в знаках, которые он прочел. Кроме того, чтобы просто прочесть предложение, уже нужно воображать, так как звуки, закрепленные за буквами, в каком-то роде их смысл, который, как мы уже сказали, воображаем.

Еще одним случаем воображаемого являются чувства. В общем виде под чувствами мы понимаем *пассивную направленность на некое положение дел*. Это, например, радость, страх, гнев и т. д. Чувства связаны со смыслом, но все же мы решили выделить их и отдельно. Как и последний, они воображаемы, поскольку в мире нет ничего радостного или страшного. Это видно еще и в том, как разные люди реагируют на одно положение дел — они по-разному воображают об этих ситуациях и соответственно испытывают разные чувства.

Воображаемым является и то, к чему человек стремится. На это указывают сразу несколько характеристик объекта человеческого стремления. Подробно мы на стремлении останавливаться не будем, а обозначим именно то, что важно для настоящего вопроса. Во-первых, человек стремится к удовольствию и от неудовольствия. Это знал, например, Б. Спиноза: «Каждый... или необходимо стремится к тому, что он считает добром, или отвращается от того, что он считает злом» [11, 231]. Это понимал и Дж. Локк: «Я признаю, что природа вложила в человека стремление к счастью и отвращение к несчастью» [9, 116]. А удовольствие, как и неудовольствие, воображаемы, являются чувственно-сверхчувственным. Во-вторых, человек всегда стремится к будущему, а его — как и прошлого — в мире нет; они есть именно для человека. Мы можем, например, стремиться изменить прошлое или вспомнить или забыть его, и тогда в каком-то смысле мы стремимся к прошлому или от него. Но гораздо более важно то, что во всех случаях — в том числе этих — мы стремимся к тому, чего нет, что отсутствует, но дано как воображаемое. И в этом смысле человек стремится к тому, что только будет, а не уже есть. Кроме того, как пишет Гиренок, «цель — это галлюцинация, существующая нашими усилиями» [5, 47]. Человеку недостаточно захотеть прийти на работу, чтобы в итоге до нее дойти; он должен воображать эту цель постоянно.

Последним примером воображаемого, который мы рассмотрим, станет рефлексия — или, вернее, ее результат. В отличие от случаев, указанных ранее, рефлексия имеет дело не с миром, который человеку представлен, а с непосредственно данным себе самим собой. Сартр полагал, что рефлексия не ошибается [10,

53]. Однако дело в том, что рефлексия как реакция на свои состояния направлена всегда немного в прошлое. Так, акт рефлексии (мы понимаем рефлексия именно таким образом, что можно говорить об актах рефлексии) направлен на то, что уже было до него, хотя может и продолжать быть во время, и сам акт, данный в настоящем, не является предметом рефлексии, хотя и является частью настоящего состояния. Рефлексия, направленная на рефлексия имеющегося образа, упускала бы уже саму себя и т. д. Кроме того, в рефлексии всегда есть смысл, который, как мы указывали, воображаем. Так, пример Сартра «у меня есть образ» кажется ему демонстрацией безошибочности рефлексии только потому, что сложно ошибиться в том, что было мгновение назад. Если же мы попытаемся в акте рефлексии вспомнить, как я ощущал себя вчера, то вполне можем ошибиться.

Это понимает современный исследователь сознания Кит Франкиш, полагающий, что «Я» иллюзорно [12, 669]. Бергсон в каком-то смысле согласился бы, говоря, что «человек искусственно разделяет свои ощущения друг от друга, а затем собирает их в сухое я» [1, 18]. «Я» как результат акта рефлексии действительно воображаемо, так как о его существовании говорится на основании прошлых состояний. Однако в таком случае мы бы упускали настоящее нашего «Я», которое и заключает в себе ту часть, которая в каждый момент не может быть отрефлексирована. Подробному рассмотрению такого «Я» мы посветим отдельную работу. Скажем только, что, на наш взгляд, оно является длящейся недискретной рефлексией, в которой нельзя выделить акт особой формой восприятия единственного непосредственно данного — самого себя.

И теперь мы подошли к вопросу о соотношении воображаемого и воспринимаемого. Сейчас мы не будем выделять для них отношение к опосредованному и непосредственному, а обозначим соотношение для воображаемого и воспринимаемого вообще. Кант писал: «хотя воображение — великий художник, более того, волшебник, тем не менее оно не имеет творческого характера, а всегда должно заимствовать материал для своих порождений из чувств» [8, 28]. Эти слова можно толковать по-разному, сталкиваясь при этом с ошибками. С одной стороны, воображение все же имеет творческий характер, так как создает то, чего в мире нет, — примеры

мы привели. Но с другой — оно действительно нуждается в восприятии.

Мы предлагаем следующую формулировку: *воображаемого нет в воспринимаемом, но оно не воображается без воспринятого*. Поясним наше высказывание. «Воображаемого нет в воспринимаемом» указывает на пропасть между воспринимаемым и воображаемым. Из одного нельзя вывести другое, и это указывает еще на то, что нельзя ответить на вопрос, почему человек вообще может воображать, заданный не в функциональном смысле. Каким-то удивительным образом для человека есть то, что нельзя воспринять, но можно лишь вообразить. «Оно (воображаемое) не воображается без воспринятого» указывает на определенного рода зависимость воображаемого от когда-то воспринятого. Так, человек не может вообразить, например, страх, если никогда не боялся, а чтобы испугаться, нужно то, чего человек испугается. Чтобы завидовать, нужно то, из-за чего и кому он будет завидовать. Чтобы влюбиться в человека (или даже в воображаемый образ), нужно воспринять то, о чем я буду воображать, что он человек, как и я.

Здесь могут возразить, приведя в качестве примера изобретения различного рода: начиная от искусства, заканчивая уже техническими изобретениями, ведь их авторы не могли воспринять их до создания. Музыкант не слышал новую мелодию, изобретатель телефона не видел его и т. д.

Однако именно поэтому важна формулировка целиком: *воображаемого нет в воспринимаемом, но оно не воображается без воспринятого*. Разумеется, они не могли воспринять все это, но они восприняли то, что позволило им вообразить. Мы не будем точно указывать на то, какое воспринятое позволило вообразить в каждом конкретном случае — укажем направление. Так, композитору нужно было воспринять звук какого-то инструмента или даже звук в принципе; художнику — визуальное; изобретателю телефона — людей, с которыми можно говорить на расстоянии. Проводить такой анализ сложно, да и не нужно. Достаточно привести следующий пример: человек, с рождения лишенный всех способов восприятия, не смог бы воображать. Даже для воображения единицы нужно иметь доступ хотя бы к наличию и отсутствию какой-либо из форм воспринимаемого.

Таким образом, мы указали на особенность соотношения воспринимаемого и воображаемого для человека. Но в повседневной жизни он сталкивается с реальностью, которая состоит и из воспринимаемого, и из воображаемого [3]. Я еду на автобусе, который вижу и осязаю, но в то же время воображаю, что это транспорт, который едет по определенному маршруту и довезет меня до места назначения. Я вижу университет, полный воображаемого смысла. Все это показывает, что человек живет в особой реальности и подчиняет себя воображаемому, которого нет в воспринимаемом, но которое без него бы не возникло.

Литература

1. *Бергсон А.* Творческая эволюция. Материя и память: Пер. с фр. Мн.: Харвест, 1999. 1408 с.
2. *Беркли Дж.* Сочинения. М.: Наука, 1978.
3. *Бородай Ю.М.* Воображение и теория познания. М.: Высшая школа, 1966.
4. *Гиренок Ф.И.* Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М.: Академический проект, 2012. 237 с.
5. *Гиренок Ф.И.* Введение в сингулярную философию: монография. М.: Проспект, 2021. 304 с.
6. *Гиренок Ф.И.* Почему интеллектуалом быть неприлично. События и смыслы: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pochemu-intellektualom-byt-neprilichno> (дата обращения: 22.03.2021).
7. *Гуссерль Э.* Собр. соч. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1) / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001. 584 с.
8. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1994.
9. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 621 с.
10. *Сартр Ж.-П.* Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия. СПб.: Наука, 2001. 319 с.
11. *Спиноза Б.* Этика. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. 336 с.
12. *Frankish K.* Quining diet qualia // *Consciousness and Cognition*. 2012. Vol. 21. No. 2. P. 667—676.

References

1. *Bergson A.* Tvorcheskaya evolyuciya. Materiya i pamyat': Per. s fr. Mn.: Harvest, 1999. 1408 s.
2. *Berkli Dzh.* Sochineniya. M.: Hauka, 1978.
3. *Borodaj YU.M.* Voobrazhenie i teoriya poznaniya. M.: Vysshaya shkola, 1966.
4. *Girenok F.I.* Absurd i rech'. Antropologiya voobrazhaemogo. M.: Akademicheskij proekt, 2012. 237 s.
5. *Girenok F.I.* Vvedenie v singulyarnuyu filosofiyu: monografiya. M.: Prospekt, 2021. 304 s.
6. *Girenok F.I.* Pochemu intelektualom byt' neprilichno. Sobytiya i smysly: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pochemu-intellektualom-byt-neprilichno> (data obrashcheniya: 22.03.2021).
7. *Gusserl' E.* Sobr. soch. T. 3 (1). Logicheskie issledovaniya. T. II (1) / Per. s nem. V.I. Molchanova. M.: Gnozis, Dom intelektual'noj knigi, 2001. 584 s.
8. *Kant I.* Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya // Kant I. Sobr. soch.: V 6 t. T. 6. M., 1994.
9. *Lokk Dzh.* Opyt o chelovecheskom razumenii // Lokk Dzh. Soch.: V 3 t. T. 1. M.: Mysl', 1985. 621 s.
10. *Sartr ZH.-P.* Voobrazhaemoe. Fenomenologicheskaya psihologiya vospriyatya. SPb.: Nauka, 2001. 319 s.
11. *Spinoza B.* Etika. Mn.: Harvest; M.: AST, 2001. 336 s.

Е.С. ГРИГОРЬЕВА

**«Человек ностальгирующий»:
ретротопия в дискурсивном пространстве масс-медиа***

Аннотация. Предлагаются различные подходы к пониманию феномена ностальгии. Один из них был сформулирован социологом Зигмунтом Бауманом в его последней книге «Ретротопия». В ней речь идет об утопии, обращенной к прошлому. Другой подход к изучению ностальгии сформулирован Светланой Бойм в ее монографии «Будущее ностальгии». Она предлагает разделить восстанавливающую и рефлексивную ностальгию. Оба исследователя обращают внимание на роль СМИ в распространении «глобальной эпидемии ностальгии» и личные переживания людей.

Ключевые слова: ностальгия, ретротопия, прошлое, утопия, коллективная память, реставрация, реставрирующая ностальгия.

Abstract. The article offers different approaches to understanding the phenomenon of nostalgia. One of them was formulated by the sociologist Zygmunt Baumann in his latest book, called «Retrotopia». It represents a utopia turned to the past. Another approach to the study of nostalgia is formulated by Svetlana Boim in her monograph «The Future of Nostalgia», and suggests separating restorative and reflective nostalgia. Both researchers pay attention to the role of the media in the spread of the «global epidemic of nostalgia» and personal experiences of people.

Keywords: nostalgia, retrotopia, past, utopia, collective memory, restoration, restorative nostalgia.

УДК 13
ББК 87.1

Человек существует под знаком утраты: обширные циклы неизбежно приходят к своему завершению, друг друга сменяют эпохи, а вслед за ушедшим, как известно, начинается церемониал

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Григорьева Е.С. «Человек ностальгирующий»: ретротопия в дискурсивном пространстве масс-медиа // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 189—196.

панихиды, длящийся порой многие годы. Сменяет его чувство ностальгии. И это, в общем, неудивительно: сам человек, если верить Мерабу Мамардашвили, начинается с плача по умершему.

Состояние общества, при котором именно ностальгия имеет наибольшее влияние в дискурсивном пространстве масс-медиа, Зигмунтом Бауманом было описано с помощью термина «ретротопия».

Ретротопию автор противопоставляет утопии и описывает с ее помощью феномен, охвативший нашу жизнь и заключающийся в тоске по прошлому и идеализации безвозвратно утраченного. В этих условиях настоящее и будущее, утратившие фокус внимания человека, неизбежно сливаются воедино, теряются на фоне прошлого, стремительно приобретающего все новые и новые краски. Ретротопия, таким образом, являет собой утопию, обращенную в прошлое.

Теоретик ностальгии Светлана Бойм писала: «Двадцатый век начался с утопии, а закончился ностальгией» [3, 15]. Схожим образом рассуждали теоретики искусства Л. Хатчон и М. Вальдес, говоря, что в 1990-е гг. наибольшее влияние в дискурсивном пространстве средств массовой информации имела именно ностальгия.

Анализируя охватившую человечество «глобальную эпидемию ностальгии», Бауман выделяет несколько направлений развития этого феномена. Одно из них носит название «назад в утробу» [2, 117] и сочетает в себе, как представляется, остальные причины тоски по прошлому. Именно оно выражается на индивидуально-человеческом уровне. Название его взято из концепции писательницы Мелиссы Бродер, заявившей когда-то, что жизни в обществе она бы предпочла возвращение «в утробу матери». Аналогичные настроения Бауман замечает повсеместно, связывая их со многими факторами, в том числе с развитием медиа- и интернет-технологий, которые не просто не способствуют расширению личного пространства человека, а сужают его, доводя до комфортного и безопасного состояния «утробы».

Вспоминая данное Вальтером Бенямином описание главной идеи картины «Angelus Novus» (переименованной в «Ангела истории»), созданной Паулем Клее в 1920 г., Бауман констатирует,

что Ангел истории сегодня меняет свое направление. Когда-то запечатленный в движении от прошлого к будущему, сегодня он выдает кредит прошлому — «кредит доверия как месту все еще свободного выбора, на которое возлагаются еще не поруганные надежды» [2, 16].

Но если в XVII в., когда термин был изобретен швейцарским врачом, к ностальгии относились как к излечимой болезни, лекарствами от которой могут послужить разные средства, то «к двадцать первому столетию этот излечимый недуг превратился в неизлечимую форму бытия эпохи» [3, 15].

Важнейшим, возможно, визуальным образом, обобщающим попытки изучать феномен ностальгии, коллективной памяти и массовой тоски по прошлому, является образ «Angelus Novus», запечатленный Паулем Клее. В интерпретации Бенямина, как известно, он имел несколько иное трактование, понимался как наблюдатель прогресса, становящегося на его глазах катастрофой, оставляющей после себя только «руины над руинами». Однако в ангела дует шквальный ветер, направляя его в будущее, к которому тот оказывается повернутым спиной.

В интерпретацию же Баумана, как было сказано, вложен противоположный смысл. Ангел истории, поменявший свое направление, выдал кредит доверия прошлому. Интерпретация эта выражает сущность понятия ретропии, в которой будущее и прошлое меняются местами: будущее оказывается страшным и неопределенным, не вызывающим более никаких надежд, в то время как прошлое оказывается местом комфорта и безопасности, избавлением от тревоги.

Светлана Бойм предлагает рассматривать «глобальную эпидемию ностальгии как защитный механизм в период ускоренных ритмов жизни и исторических потрясений» [3, 16]. Этот «защитный механизм» обещает вернуть всех домой, сводится, как и сама ностальгия, к тоске по часто метафорическому дому, которого больше нет, а, быть может, никогда и не было. Механизм этот, как утверждает Бойм, лежит в основе многих могущественных сегодня идеологий, соблазняя нас отказаться от критического мышления ради эмоциональной близости.

Ностальгия, однако, представляется опасной, о чем и предупреждает Светлана Бойм в «Будущем ностальгии». Ностальгия, как заверяет автор, представляет опасность тем, что ведет к смешению действительного и воображаемого дома. В основе этого смешения часто находится ностальгия реставрирующая, сводящаяся, как это понятно из ее названия, к реставрации. К обрубанию связей и склеиванию прерывностей, к попыткам обрести целое в утраченном прошлом, к мифотворчеству истории, к былым национальным легендам и символам, живительная энергия для которых оказывается найденной в настоящем.

«Глобальная эпидемия ностальгии», как уверяет Бауман, принимает эстафету от «эпидемии безумного прогресса» и служит своеобразной реакцией на эпоху Модерна. Ретротопия выступает новым этапом в истории прогресса. Появившаяся когда-то утопия Томаса Мора стала отрицанием мечты человека об устройении Небес на Земле, после чего и она, локализовавшись в некоем топосе, подверглась отрицанию. Произошло это через процесс приватизации и индивидуализации: утопию сначала оторвали от конкретных мест, топосов, а потом и вовсе отделили индивидам, «словно раковины улиткам» [2, 18]. Пережившая свое двойное отрицание, утопия Мора сегодня оказывается обращенной в ретротопию. Найти ее оказывается возможным через выцветшие фотографии, картины утраченного, украденного, а порой и покинутого прошлого.

Оскар Уайльд когда-то писал, что при приближении к Стране избытия человек снова устремит свой взгляд к далекому и призрачному горизонту, вновь отправится в далекое плавание. В «Душе человека при социализме» он писал, что прогресс являет собой воплощение утопий. Однако горизонт, в слепом поиске лучшего, в котором мы и устремляем свои паруса, оказывается, кажется, пустым. Поэтому, как представляется, мы и хороним утопию. У человека не находится новой «мечты на замену, поскольку мы не можем вообразить лучшего мира, чем тот, что у нас уже есть. На самом деле большинство людей в богатых странах полагают, что детям придется хуже, чем родителям: так считают от 50% в Австралии и до 90% во Франции» [5, 17—18].

Однако то, к чему человек возвращается в своих ностальгических мечтах, зачастую не является тем самым прошлым,

а, скорее, как пишет Бойм, «романом с собственной фантазией» [3, 15]. Эпидемии ностальгии чаще всего происходили в моменты, переломные как для общества, так и для отдельного человека. Бойм замечает, что в случае Французской революции 1789 г. «старый порядок» не только привел к революции, «но в некотором отношении сама революция породила “старый порядок”, придав ему форму, завершенность и золоченную ауру» [3, 19—20]. Ностальгия же по советскому прошлому и распространение в России представления о последних десятилетиях советского государства как о золотой эпохе стабильности и нормальности оказываются порожденными падением коммунизма.

Важнейшую роль в формировании ретропопии как состояния общества и распространения эпидемии ностальгии по Бауману играют медиа. Появление глобальных сетей связи и интернета ознаменовало собой закат так называемого «министерства правды», но не политики «исторической памяти». Некогда существовавшей монополии на вынесение вердикта об исторической истине пришел конец, сегодня творцом истории в прямом смысле оказывается едва ли не каждый.

Обращаясь к работе Э.Г. Карра «Что такое история?», Бауман вспоминает слова о том, что историк (а сегодня — каждый человек) неизбежно оказывается избирательным в своем подходе к материалу. Факты, как становится очевидным, говорят не сами за себя, а лишь тогда, когда историк апеллирует к ним.

Отсюда, как представляется, рост распространения так называемых теорий заговора, проявляющих себя во всей красе в дискурсивном пространстве медиа. В «Пражском кладбище», одном из романов Умберто Эко, появляется персонаж-антагонист Симоне Симонини, являющий собой пример человека с конспирологическим мировоззрением. Говорит он о заговорах на любой вкус, о распространении страха козней от скрытого врага у всякого, кого он знает, о бесконечном обращении к этой теме в средствах массовой информации.

Нарративы эти оказываются более правдоподобными, чем повседневная жизнь или реальность исторического факта. В основе своей предельно ретроспективные теории заговора становятся порой

центром общеполитической дискуссии, вдохновляют общественное мнение.

Многое из наблюдаемого в пространстве популярной культуры Бойм также связывает с феноменом ностальгии. Например, огромный пласт явлений она пытается охарактеризовать с помощью обращения к так называемому синдрому парка Юрского периода. Заключается он в том, что современная наука используется в конечном счете для того, чтобы реставрировать доисторический период.

Одноименный фильм, по мнению Бойм, является иллюстрацией нового типа ностальгии, являющейся не столько психологической, сколько мифологической, основанной во многом на попытках выстроить героизированную идентичность страны, сумевшей этот фильм произвести. В фильме не предпринимаются попытки вывести ностальгию на предельно личный уровень, говорить об индивидуальном стремлении к утраченному дому — словом, в нем нет того, что привычно кажется нам ностальгическим переживанием.

«Парк Юрского периода» оказывается пронизанным ностальгическими чувствами по моменту, свидетелями которого никто из нас не был. В конечном счете и пресловутая полупрозрачная окаменелость с доисторическим насекомым (типичный сувенир как в XIX в., так и сегодня) остается заветной меланхолической вещицей, напоминающей, опять же, о том периоде, участником которого никто из нас не был, однако всякий все же тоскует по нему.

Тоска по утраченному словно пронизывает подобные элементы культуры, становится лейтмотивом не только «Парка Юрского периода», но и, к примеру, обретающих все большую и большую популярность блошиных рынков, многочисленных лавок старьевщиков, винтажных вещей.

Невозможно в этой связи не обратиться к концепции Светланы Бойм и, в частности, к уже упомянутой «реставрирующей ностальгии», которая чаще всего фигурирует в пространстве медиа. Такая ностальгия стремится создать образ идеализированного прошлого, пытается реконструировать его, обратиться к целостности. Прошлое для реставрирующей ностальгии оказывается значимым в

настоящем, идеальным снимком. Прошлое в подобном нарративе не рассматривается как метафора невозможности повторения или чистой утраты, не демонстрирует признаков распада и потери. Обращается такая ностальгия зачастую к триггерам памяти, символам утраченного, к «мадленкам Пруста», окуная в чай которые ностальгирующие погружаются в глубокие и долгие воспоминания о прошлом, заменяющие собой настоящее.

Реставрирующая ностальгия ставит целью восстановление утраченного дома, часто она заменяет собой настоящее и будущее. Действительное значение для ностальгирующего имеет «литературная fuga воспоминания, а не фактическое возвращение домой» [3, 120]. Целью одиссеи для ностальгирующего в эпоху Модерна становится встреча с самим собой, что подкрепляется примером из Х.Л. Борхеса, согласно которому Одиссей возвращается домой с одной целью — оглянуться на свое путешествие.

Реставрирующая ностальгия ищет свое воплощение в национальной памяти, в попытках восстановить утраченное прошлое страны. Такая ностальгия, в отличие, например, от ностальгии рефлексивной, относится к себе серьезно и оказывается средством для осуществления масштабных национальных проектов.

Реставрация, питающаяся энергией, предназначенной для появления и развития нового, для настоящего и будущего, обращается к прошлому, наделяя его целостностью. Обращаясь к прошлому, к утраченному целому, реставрация воссоздает былые институты и явления. Реставрация, как бы упраздняя будущее, «тотализует “нет”, вопреки “есть”, “небытие” вопреки “бытию”» [1, 13].

«Только благодаря реставрации прошлое приобретает законченность, неполнота открывается нам во всей полноте» [1, 13]. Однако будущее в этих условиях оказывается лишь «двойником» прошлого, своеобразной идеей итерации Деррида, что одновременно сказывается на настоящем, отныне предстоящим своеобразным шоу, «соревнованием копий без прообразов» [1, 13]¹⁴.

¹⁴ См. также [4; 6; 7].

Литература

1. *Ашкеров А.Ю.* По справедливости: эссе о партийности бытия. М.: Европа, 2008. 248 с.
2. *Бауман З.* Ретротопия. М.: Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 2019. 159 с.
3. *Бойм С.* Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с.
4. *Бойм С.* Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 320 с.
5. *Брегман Р.* Утопия для реалистов: как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблшер, 2018. 356 с.
6. *Гиренок Ф.И.* Фигуры и складки. М.: Академический Проект, 2014. 244 с.
7. *Гольдштейн А.* Расставание с Нарциссом. Опыты поминальной риторики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 360 с.

References

1. *Ashkerov A.YU.* Po spravedlivosti. Esse o partijnosti bytiya. M.: Evropa, 2008. 248 s.
2. *Bauman Z.* Retrotopiya. Vserossijskij centr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VCIOM), 2019. 159 s.
3. *Bojm S.* Budushchee nostal'gii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 680 s.
4. *Bojm S.* Obshchie mesta: Mifologiya povsednevnoj zhizni. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 320 s.
5. *Bregman R.* Utopiya dlya realistov: kak postroit' ideal'nyj mir. M.: Al'pina Pablisher, 2018. 356 s.
6. *Girenok F.I.* Figury i skladki. M.: Akademicheskij Proekt, 2014. 244 s.
7. *Gol'dshtejn A.* Rasstavanie s Narcissom. Opyty pominal'noj ritoriki. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 360 s.

IV

ТЕХНОГЕНЕЗ КАК ГЕНЕРАТОР ПЕРЕМЕН

А.А. ГРИЦЕНКО

Техно-био-социо-психогенез*

Аннотация. В статье раскрыто влияние технико-технологических изменений на природные и общественные процессы. Показаны особенности взаимосвязи техники как способа воздействия орудия на предмет труда и технологии как способа изменения предмета труда под воздействием орудия. Выявлены историческая логика развития единства и различия технико-технологических процессов от умения и мастерства до опредмечивания их в механизмах и машинах и приобретения всеобщности в техногенезе, ставшем фактором био-, социо- и психогенеза. Переход от индустриально-рыночной к информационно-сетевой системе хозяйствования превратил техно-био-социо-психогенез в целостный процесс, который расширенно воспроизводится на основе техногенеза. Это определяет трансформацию всех общественных отношений, изменения в собственности, формах труда и распределения результатов производства, в способах восприятия мира, мышления и поведения человека. Ответы на вызовы техно-био-социо-психогенеза необходимо искать на пути познания его закономерностей как целостного процесса и использования их для сохранения и развития человеческого общества в его собственной определенности.

Ключевые слова: техника, технология, техногенез, биогенез, социогенез, психогенез.

Abstract. The article reveals the influence of technical and technological changes on natural and social processes. The peculiarities of the relationship between technique, as a way of influence of the tool on the object of labor, and technology, as a way of changing the object of labor under the influence of the tool are shown. The historical logic of the development of the unity and differences of technical and technological

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гриценко А.А. Техно-био-социо-психогенез // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 199—215.

processes from skill and workmanship to their objectification in mechanisms and machines and the generalization in technogenesis, which has become a factor of bio-, socio- and psychogenesis, is revealed. The transition from an industrial-market to an information-network economic system turned techno-bio-socio-psychogenesis into an integral process, which is expansively reproduced on the basis of technogenesis. This determines the transformation of all social relations, changes in property, forms of labor and distribution of production results, in the ways of perceiving the world, thinking and human behavior. Answers to the challenges of techno-bio-socio-psychogenesis must be sought on the way of understanding its regularities as an integral process and using them for the preservation and development of human society in its own determinacy.

Keywords: technique, technology, technogenesis, biogenesis, sociogenesis, psychogenesis.

УДК 304.5 / 338.1
ББК С02 / У012

Техногенез как всякое понятие возникает, развивается, обогащается, углубляется и претерпевает изменения, затрудняя и усложняя понимание этого явления. Первоначально техногенез рассматривался как «совокупность процессов, вызванных инженерной, строительной, хозяйственной деятельностью человека, проявляющихся в изменении рельефа, нарушении экологических условий среды обитания и природы (ее загрязнении), режима подземных и поверхностных вод, деградации почв, т. е. в ухудшении естественных условий, состояния природных комплексов и сред» [21].

Такое определение техногенеза характерно для условий, в которых воздействия технико-технологических факторов на условия обитания человека бросались в глаза, а воздействия на социально-экономические отношения были еще незаметными и неактуализированными. Однако быстрый технико-технологический прогресс показал, что этот процесс влияет на все общественные отношения. А появление таких технологических процессов, как, например, цифровизация, коснувшаяся всех сфер человеческой деятельности, превратило влияние технико-технологических

изменений на экономику, социальную сферу, биологию, психику, мышление и поведение человека в жизненно важную и предельно актуальную проблему.

В современном дискурсе понятие «техногенез» выражает влияние технико-технологических изменений на природу, общество, человека и мышление, развертываясь в цепочку «техно-био-социопсихогенеза», где «техно» является исходным и опосредствующим звеном, с которого начинается влияние на социальные, биологические и психические процессы и к которому возвращаются все изменения как результат деятельности человека и общества. Этот аспект техногенеза как особая проблема не представлен достаточно обстоятельно в научной литературе. Чаще всего он присутствует в имплицитном виде при решении других познавательных задач. Философия хозяйства чувствует эту проблематику острее в силу человекоцентричности своих научно-философских поисков. В методологическом ключе философии хозяйства были проведены международные конференции «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия» (Москва, 2018 г.), «Техногенез как генератор перемен: цивилизация, управление, экономика» (Варшава, 2021 г.), где были представлены как общая картина стратегической игры планетарного масштаба [16, 7—18], трактовка современного техногенеза как точка сингулярности бытия-небытия [6, 239—256], так и более частные вопросы, прямо относящиеся к технологизации экономики и цифровизации финансового бизнеса [1, 231—238], и другие проблемы влияния техногенеза на трансформацию хозяйства и изменения условия человеческого бытия.

«Техно» является способом освоения внешнего мира и превращения его в неорганическое тело человека. К. Маркс писал, что «практически универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое тело*, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть *неорганическое тело* человека, а именно — природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело» [14, 92].

Понятия «техника» и «технология» происходят от греческого τέχνη (искусство, мастерство, умение). Их диалектика, единство и различия возникают в процессе человеческой деятельности во взаимодействии орудия и предмета труда. Понимание этой диалектики важно для выяснения современного смысла и роли техногенеза. Во взаимодействии орудия и предмета труда орудие обладает устойчивостью, а предмет труда изменчивостью. Способ воздействия орудия труда на предмет труда, взятый со стороны орудия труда, представляет собой способ обработки предмета труда, способ изготовления необходимой вещи. Он в своей непосредственной функциональной форме или же закрепленный предметно (в станках, машинах и т. д.) представляет собой *технику*.

Если орудия труда просты, например, острый предмет, с помощью которого человек что-то вырезает из дерева, то орудие повторяет движения человеческой руки. Способ воздействия орудия на предмет труда зависит от способа действия руки человека на орудие, а сама рука представляет собой естественный орудийный орган человека. Техника в таком случае сводится к мастерству самого человека. Как человек воздействует на орудие труда, так и орудие воздействует на предмет труда. То же самое можно сказать, например, о технике игры пианиста, скрипача и т. д. Орудием скрипача являются его собственные пальцы и смычок, который повторяет движения руки. Техника скрипача представляет собой воздействие этих орудий на инструмент и зависит от мастерства скрипача. Отсюда понятно, почему первоначально техника совпадает с мастерством, с умением. Об этом свидетельствует и этимология слова.

Когда орудия становятся более развитыми, техника уже не зависит непосредственно от мастерства. Например, управление ткацким станком не зависит от мастерства рук ткачихи, так как те движения, которые раньше выполняла ткачиха, теперь выполняет машина, а движения ткачихи отличны от самого процесса ткачества. Мастерство, техника ткачихи теперь воплощены в машине и приобретают отличное от самой ткачихи предметное бытие.

Но и здесь техникой является не само по себе (пусть даже и сложное) орудие труда, а способ действия орудия, закрепленный предметно. Например, резец, сам по себе являющийся орудием

труда и использующийся как инструмент, еще не является техническим устройством. Если же резец является частью токарного станка, то он входит в состав техники, сам же токарный станок в данном случае как раз и представляет технику, т. е. является опредмеченным способом обработки материала. Он вращает деталь, передвигает резец и т. д. Способ действия токаря отличается от непосредственного способа обработки детали (токарь, например, не вращает деталь и т. д., но выполняет другие действия по управлению станком). Орудие труда избавляет человеческую руку от непосредственного контакта с обрабатываемым предметом (роль собственно орудия все больше переходит от руки к внешнему предмету и тем самым многократно умножаются возможности человеческой руки), но при этом способ действия орудия остается таким же, как и способ действия руки. В отличие от этого, техника, воплощенная в машинах и пр., избавляет человека от необходимости выполнять все действия, связанные с обработкой предмета. От человека, его руки, к вещи переходит не только роль орудия, но и способ действия этого орудия. В этом суть развития техники как неорганического тела человека.

Переход от простого орудия к машине может быть квалифицирован как переход от ручной техники к машинной, поскольку способ действия простого орудия определяет сама рука человека (ручная техника), а способ действия орудия в составе машины непосредственно определяется работой самой машины (машинная техника). Само орудие сохраняется в машине в качестве ее составной части. Согласно такому подходу, развитие техники есть процесс опредмечивания, передачи машинам способов действия человека, направленных на достижение определенных целей, прежде всего, производственных. В современных условиях техника выходит далеко за рамки собственно производства и проникает в быт, образование, культуру и т. д., но в своей основе она всегда имеет производственную технику подобно тому, как всякая человеческая деятельность в своей основе всегда имеет деятельность трудовую, производственную.

В литературе понятие техники определяется по-разному. Одни авторы считают, что техника — это машины, механические орудия, устройства; обобщающее наименование сложных устройств,

механизмов, систем; другие определяют технику как совокупность орудий и средств труда, применяемых в общественном производстве; систему созданных средств и орудий производства; третьи полагают, что техника — совокупность профессиональных приемов, используемых в каком-либо деле, мастерстве, искусстве; приемы и операции, умение и искусство осуществления трудового процесса; четвертые под этим термином имеют в виду средства труда и технологические процессы и т. д. [20; 22; 23].

Здесь вызывают возражения, прежде всего, отождествление техники с определенными устройствами (машинами, орудиями и пр.), а также включение в понятие техники предметов труда (в том случае, когда в состав техники включаются средства производства, в которые входят предметы труда). Ведь предметы труда, независимо от того, являются они сырым или природным материалом, не воплощают в себе опредмеченные человеческие умения, способы действий, а наоборот, служат лишь внешним материалом, к которому должны быть эти способы применены. Вряд ли будет верно, скажем, муку, из которой выпекают хлеб, или кожу, из которой делают сумки, относить к технике. Мука, из которой выпекают хлеб, остается такой же мукой, независимо от того, выпекает хлеб крестьянин кустарно в своей домашней печи или же хлеб выпекается на автоматизированной фабрике. В муке как предмете труда прогресс техники не находит воплощения. Он воплощается в тех орудиях, с помощью которых она перерабатывается.

Но если мы возьмем даже самую современную машину, находящуюся в стадии производства и выступающую поэтому в определении предмета труда, то увидим, что как предмет труда она совершенно не характеризует технику этого производства. Если, например, машина уже изготовлена и находится на окраске, то для работника, производящего окраску, этот предмет труда вовсе не выступает как техника. С таким же успехом в качестве объекта окраски мог бы служить просто металлический щит, простой топор и пр. Развитие техники по отношению к данному работнику и его производству определяется не тем, *что* окрашивают — машину или топор, а тем, *как* окрашивают — с помощью простой кисточки, пульверизатора или же автоматического устройства, которое само

производит окраску, а работник лишь им управляет. Машина же превратится в технику, когда будет использоваться в производстве в системе орудий.

Таким образом, предмет труда не входит в определение техники. В определение техники не входят и некоторые средства труда. В отношении такого средства труда, как земля, это не может вызывать возражений. Однако это справедливо, например, по отношению к вспомогательным материалам (смазка и пр.), так как в них также не могут опредмечиваться способы действия людей. Попыткой устранить недостатки определений, фиксирующих только предметы техники, является, на наш взгляд, включение в определение техники технологических процессов. По замыслу, благодаря такому расширению понятия, техника должна включать в себя не только материальные субстраты, но и способы их действия, и, таким образом, она должна браться как действующая материальная система. Безусловно, требование, чтобы предмет брался не сам по себе, а в единстве с его способами действия, является обоснованным. Но здесь, по-видимому, допускается упрощение в том, что способы действия орудий отождествляются с технологией. Конечно, способ действия орудия (техническая сторона) и способ обработки, изменения предмета (технологическая сторона) в действительности в известных моментах совпадают, что и служит объективным основанием для включения технологии в технику; но это совпадение само является лишь моментом в различии техники и технологии, взаимодействие которых в процессе производства есть противоречие, следовательно, единство тождества и различия противоположностей.

Техника действительно включает в себя способ действия орудий (без этого груза вещей), но этот способ действия является собственным определением техники, а не дополнительным к ней моментом технологии. Как показано ранее, техникой являются, например, не сами по себе машины, а способы действия, обработки предмета, заключенные в них, в их строении и работе. Техникой является не машина как материальный субстрат, а как бы ее организация, воплощающая в себе принцип обработки предмета.

Отсутствие историко-генетического элемента в определении техники через орудия труда, деятельности и пр. вызывает

необходимость говорить об изменении понятия техники в том смысле, что раньше оно означало одно (мастерство, умение), а теперь — другое (орудия, средства труда и пр.). На самом же деле, если речь идет не просто о слове, а о понятии, отражающем реальное явление, то первоначальное определение техники должно не просто отбрасываться, а развиваться, так же как развивалось само явление; оно должно модифицироваться, приобретать особенности, сохраняя при этом свои исходные моменты. Первоначально техника была способом действия орудия, его «умением» обрабатывать предмет, совпадающим с умением человека действовать этим орудием. Затем способ обработки стал «умением» машины, а сама машина стала представлять собой это умение, технику. Первоначально собственно человеческой деятельностью являлась только трудовая деятельность. Поэтому правильно генетически исходить в развитии техники с развития способов действия с орудиями труда. Но по мере расширения сферы человеческой деятельности, развития культуры развиваются и опредмечиваются способы действия с другими вещами непроизводственного назначения. Техника выходит за рамки производства. Таким образом, определение техники как способов действия человека, направленных на достижение определенных целей и развивающихся исторически посредством опредмечивания в материальных системах, с одной стороны, охватывает технику на всех исторических ступенях развития (и тогда, когда она была умением человека, и тогда, когда она воплотилась в машинах и пр.), следовательно, включает в себя все свои исходные моменты; с другой стороны, включает в себя не только производственную, но и другую технику (военную, медицинскую и пр.). Это определение не отрицает определения, данного ранее и включающего в себя момент воздействия орудия на предмет труда, следовательно, относящегося только к производственной технике. Оно лишь расширяет первое определение соответственно тому, как исторически расширялась сфера человеческой деятельности.

Но вообще к определению, которое должно выражать сущность явления, неверно предъявлять требования, чтобы оно включало в себя все моменты действительности данного явления. Действительность богаче сущности, поэтому сущность не может непосредственно покрыть всю действительность, но она должна

отражать происхождение действительности. К. Маркс, например, считал правильным определение Б. Франклином человека как животного, делающего орудия [13, 191]. Это определение отражает родовую сущность человека, которая состоит в труде, а он начинается с изготовления орудий [25, 491]. Но если это определение *непосредственно* применить к современному обществу, то, пожалуй, большинство людей не попало бы под определение человека [9, 42—43].

Техника в процессе производства представляет собой одну сторону взаимодействия орудия и предмета труда. Другой стороной является *технология*. Орудие, воздействуя на предмет труда, обрабатывает, изменяет его. Технология есть способ изменения самого предмета под воздействием орудия труда. Существует целая наука «технология», которая изучает эту сторону взаимодействия орудия и предмета труда, т. е. изучает, какие изменения должен претерпеть предмет в процессе производства, чтобы из него получилась определенная вещь. Это отражено в таких определениях технологии, как «совокупность знаний о способах обработки материалов, изделий, методах осуществления каких-либо производственных процессов» [23]. Объективная сторона отражена в определении, в котором технология — это «совокупность операций, осуществляемых определенным способом и в определенной последовательности, из которых складывается процесс обработки материала, изделия» [23].

Однако в обоих определениях содержится неточность, состоящая в том, что технология определяется как «способ обработки материалов», а не как способ изменения этого материала. Эта неточность легко возникает из того обстоятельства, что способ обработки материала определяет и способ изменения материала (как орудие воздействует на материал, так и материал изменяется под воздействием орудия). Однако это два взаимосвязанных, но различных процесса. Первый представляет технику, второй — технологию.

Техника является внешней по отношению к технологии, так как она лишь внешним образом воздействует на предмет труда. Технология является внешней по отношению к технике, так как изменения предмета труда являются внешними по отношению к

действию орудия труда. Но техника и технология являются лишь различными моментами единого процесса взаимодействия орудия и предмета труда, в результате которого предмет труда превращается в продукт. Единство техники и технологии представляет собой, таким образом, *технико-технологический процесс производства*. Именно это единство позволяет во многих случаях отождествлять технику и технологию. Все эти тонкости весьма важны для понимания значения «техно» в био-социо-психогенезе.

Понятие биогенеза выходит за пределы человеческой деятельности и возникает задолго до ее появления. Оно отражает процесс возникновения живого [24] — биологических процессов. Но в современных условиях человеческая деятельность начинает проникать в биологические процессы, модифицируя их, направляя развитие в определенном русле. Возникла даже целая наука «генная инженерия» как «совокупность приемов, методов и технологий получения рекомбинантных РНК и ДНК, выделения генов из организма (клеток), осуществления манипуляций с генами, введения их в другие организмы и выращивания искусственных организмов после удаления выбранных генов из ДНК» [17]. При этом специалисты отмечают, что «генная модификация по сути своей придумана не нами и возникла еще задолго до появления человека. Редактированием кусочков чужого генома всегда занимались вирусы, а также некоторые бактерии» [4]. Генная инженерия представляет глубинное проникновение «техно» (как обобщенного выражения технико-технологических воздействий) в биологические процессы. Однако существуют и более простые формы, например, кардиостимуляторы, выращивание искусственных органов, физиотерапия и пр., которые сами по себе не могут быть непосредственно отнесены к биогенезу как формированию нового биологического качества, но как моменты более общего процесса техно-биологической эволюции они туда входят. Этот процесс интенсивно развивается, и в этом случае он не может быть описан только как биогенез, а должен характеризоваться как техно-биогенез. Новые биологические процессы возникают по своим законам, но под воздействием технико-технологического воздействия человека.

Понятие социогенеза в самом общем виде отражает процесс формирования общества. В более конкретном значении он определяется как «происхождение и развитие сознания, личности, межличностных отношений, обусловленных особенностями социализации в разных культурах и общественно экономических формациях» [19]. Социогенез в широком смысле — одна из составляющих психогенеза, под которым понимают «возникновение и развитие психической жизни (чувств, речи, волевой и мыслительной деятельности) у человека» [18].

В современных условиях перехода от индустриально-рыночной к информационно-сетевой экономике, которая базируется на принципиально иных законах функционирования, технико-технологические изменения, процессы цифровизации оказывают весьма существенное влияние на жизнь человека, способы его деятельности, мышления и поведения, психическое и моральное состояние, формируют иное восприятие пространства-времени и мира в целом. Под воздействием «техно» трансформируется, прежде всего, вся система социально-экономических отношений. Если для индустриально-рыночной экономики было характерно господство частной собственности, то в условиях формирования информационно-сетевой экономики, где основным продуктом и средством производства становится информация, которая, в отличие от материальных благ, может быть одновременно собственностью всех и каждого, определяющая роль постепенно переходит к всеобщей собственности. Современные коллизии, связанные с наличием практически во всех европейских странах и в Европарламенте «пиратских партий», борющихся за реформы интеллектуальной собственности и за свободный некоммерческий обмен информацией, периодически возникающие скандалы между глобальными интернет-компаниями и национальными правительствами — яркие свидетельства трансформационных процессов в отношениях собственности.

Существенно изменяются трудовые отношения, формы занятости, развиваются фрилансерство, удаленная работа, заемный труд и пр. Размывается форма наемного труда, в основе которого лежит купля-продажа рабочей силы, и все большее значение приобретает продажа услуги как результата труда, развиваются

нетрадиционные формы занятости [11; 15]. Техно-технологический прогресс вытесняет все большее число работников из сферы трудовой занятости. Иное звучание и иной статус становятся у безработицы. Труд все больше приобретает черты свободного: все чаще возникает возможность делать выбор между занятостью и безработицей в трудовой сфере, видами занятости, режимами работы и т. д., что вовсе не исключает наличие противоположных процессов закрепощения человека на основе тех же цифровых технологий, превращение его в биотехническое устройство. «Цифровизация, с одной стороны, выступает объединяющим и интегрирующим началом, с другой — вызывает еще большие разломы в обществе и порождает новые формы неравенства и сегрегации» [12, 217]. Эти противоречивые тенденции являются сторонами одного и того же процесса развития техносциогенеза. И ответ на порождаемые им вызовы необходимо искать в нем самом, в его структуре, в целенаправленном использовании его инструментов.

Все это порождает необходимость трансформации распределительных отношений, в частности, использования безусловного базового дохода, которому посвящено много исследований и с которым проведено и проводится ряд экспериментов как в богатых, так и в бедных странах [5; 10; 26]. Исследования также показали, что использование безусловного базового дохода существенно не влияет на трудовую мотивацию. Наряду с этим доходом должен существовать рентно-премиальный доход, который формируется на основе использования отличительных особенностей способностей разных людей в производственном процессе [7, 95].

В этих условиях трансформируется сам человек. Сначала он становится *цифровым (digital man)*, т. е. таким, который активно использует цифровые технологии в своей жизни, но сам остается субъектом, осуществляющим свои собственные цели. Затем по мере вовлеченности в сетевые структуры, которые начинают определять его мысли, отношение к событиям, постановку целей и пр., он начинает терять свою субъектность, превращаясь в *сетевого человека (netman)*. Хотя эти процессы находятся на начальном этапе своего развития, они уже достаточно четко проявились. Дальнейший

процесс технико-технологического развития приведет к тому, что человек все больше будет превращаться в био-техно-социальное существо. Искусственные органы (зубы, конечности, искусственное сердце, печень, пластические операции) превратят тело человека у биотехническое образование.

Информационно-цифровые технологии расширят возможности человеческого мозга за счет подключения его к небиологическим информационным источникам. Если человек, например, не может что-то вспомнить, он может обратиться к интернету. Реально получается так, что память человека включает как ту информацию, которая находится в его мозгу, так и ту, которую он может получить за счет информационных технологий. Это равносильно тому, что мозг человека имеет как биологическую часть в голове человека, так и неорганическую — за ее пределами. В этом процессе человек заново создает себя сам в единстве своего органического и неорганического тела. И в этом смысле он превращается в *искусственного человека (artificial man)* [7, 85—86]. Искусственный интеллект становится адекватной частью искусственного человека как техно-био-социального существа. При этом техно перемещается в актуальной структуре человека на первый план.

Все это естественно отражается на психике человека, формируя нетрадиционные психические реакции и способы восприятия окружающего мира [2; 3], фрагментированность и клиповость мышления, переструктурирование чувственной сферы и пр. Эти изменения относятся к категории психогенеза. Речь идет о вторичном био-, социо- и психогенезе, возникающем в процессе трансформации уже сформировавшихся био-социо-психологических структур и осуществляющихся в тесном взаимодействии и взаимовлиянии на основе техногенеза.

О первичности и основоположной роли техногенеза в этих взаимосвязях формально свидетельствует смысловое значение понятий техногенеза, биогенеза, социогенеза и психогенеза. Под техногенезом во всех случаях понимается влияние технико-технологического развития на природу, окружающую среду, общество, а не процесс формирования техники и технологий. А в понятиях био-, социо-, психогенеза, наоборот, отражается процес

формирования, соответственно, биологической, социальной и психической реальности.

Таким образом, техногенез является базовым процессом, который в своем экстенсивном и интенсивном развитии порождает новые формы био-, социо- и психогенеза, вступающие в тесное взаимодействие и оказывающие обратное влияние на свое основание, закликая и мультиплицируя весь процесс. Это порождает нестабильность, риски и вызовы самому существованию общества и человека. Однако ответ на возникшие вызовы нельзя найти вне этого процесса. Он лежит на пути познания закономерностей техно-био-социо-психогенеза как целостного процесса и использования их для сохранения и развития человеческого общества в его собственной определенности.

Литература

1. *Андреева Ф.В.* Технологизация экономики и цифровизация финансового бизнеса // Россия в игре: страна и мир: монография по итогам международной научной конференции «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия» (экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, 5—7 декабря 2018 г.) / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. Ростов н/Д; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. 292 с.

2. *Бизюкова М.С.* Трансформация современной личности в условиях виртуальной реальности социальных сетей // Научно-практический и методический журнал. 2014. № 9. С. 30—33.

3. *Бондаренко Т.А.* Трансформации личности в условиях виртуальной реальности. Ростов-н/Д: ДГТУ, 2006. 50 с.

4. Генная инженерия: состояние на 2020: [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/future/109057-gennaya-inzheneriya-sostoyanie-na-2020>.

5. *Гонтмахер Е.Ш.* Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века? // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 2. С. 156—177.

6. *Горюнов И.Ф.* Современный техногенезис как точка сингулярности бытия-небытия // Россия в игре: страна и мир / Под

ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. Ростов н/Д; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. 2019. 292 с.

7. Грищенко А.А. Економіко-інформаційний імператив нової статистичної парадигми. К.: НАН України, ДУ «Ін-т екон. та прогнозів. НАН України», 2020. 436 с.

8. Значение слова «техника»: [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/техника>.

9. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960. 284 с.

10. Квашинин Ю.Д. Базовый доход для европейских стран: от теории к практике // Современная Европа. 2019. № 3. С. 171—181.

11. Котляров И.Д. Нестандартные формы занятости: позитивные, негативные, нейтральные // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). 2015. Т. 6. № 4. С. 28—34.

12. Лисенкова А.А. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3. С. 217—221.

13. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. 907 с.

14. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. М., 1974. 607 с.

15. Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшника. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. 129 с.

16. Осипов Ю.М. *Большая игра — российский миттельшпиль — «русская рулетка»* // Россия в игре: страна и мир / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. Ростов н/Д; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. 2019. 292 с.

17. Панчин А. Обыгрывая бога // Популярная механика. 2017. № 3. С. 32—35: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.popmech.ru/magazine/2017/173-issue/>.

18. Психогенез: [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/232152/Психогенез>.

19. Социогенез: [Электронный ресурс]. URL: <https://amp.ru.google-info.cn/305277/1/sotsiogenez.html>.

20. Техника и технология: [Электронный ресурс]. URL: <https://terme.ru/termin/tehnika-i-tehnologija.html>.
21. Техногенез: [Электронный ресурс]. URL: <https://fireman.club/inseklodepia/technogenez/>.
22. Техника // Словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд. Т. 4. М.: Русский язык, 1999: [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18.htm?cmd=0>.
23. Технология // Словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд. Т. 4. М.: Русский язык, 1999: [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18.htm?cmd=0>.
24. Что такое биогенез? Сущность теории, ее сторонники и эксперименты: [Электронный ресурс]. URL: <https://natworld.info/raznoe-o-prirode/biogenez-opredelenie-sut-teorii-primery-i-storonniki>.
25. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М., 1961. 827 с.
26. *Zheng Y., Guerriero M., Lopez E.V., Haverman P.* Universal basic Income: A Working Paper. UNDP China. 2017. P. 41: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.undp.org/content/dam/china/docs/Publications/UNDP-CH-Universal%20Basic%20Income%20A%20Working%20Paper.pdf>.

References

1. *Andreeva F.V.* Tekhnologizaciya ekonomiki i cifrovizaciya finansovogo biznesa // Rossiya v igre: strana i mir: monografiya po itogam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rossijskij mittel'shpil': ekonomika, tekhnogenez, geostrategiya» (ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, g. Moskva, 5—7 dekabrya 2018 g.) / Pod red. YU.M. Osipova, A.YU. Arhipova, E.S. Zotovoj. Rostov n/D; Taganrog: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2019. 292 s.
2. *Bizyukova M.S.* Transformaciya sovremennoj lichnosti v usloviyah virtual'noj real'nosti social'nyh setetej // Nauchno-prakticheskij i metodicheskij zhurnal. 2014. № 9. S. 30—33.
3. *Bondarenko T.A.* Transformicii lichnosti v usloviyah virtual'noj real'nosti. Rostov-n/D: DGTU, 2006. 50 s.

4. Gennaya inzheneriya: sostoyanie na 2020: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://vc.ru/future/109057-gennaya-inzheneriya-sostoyanie-na-2020>.
5. *Gontmaher E.SH.* Bazovyy dohod: prolog k social'noj politike HKHI veka? // Ekonomicheskaya politika. 2019. T. 14. № 2. S. 156—177.
6. *Goryunov I.F.* Sovremennyy tekhnogenezis kak tochka singulyarnosti bytiya-nebytiya // Rossiya v igre: strana i mir / Pod red. YU.M. Osipova, A.YU. Arhipova, E.S. Zotovoj. Rostov n/D; Taganrog: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta. 2019. 292 s.
7. *Gricenko A.A.* Ekonomiko-informacijnij imperativ novoï statistichnoï paradigmi. K.: NAN Ukraïni, DU «In-t ekon. ta prognov. NAN Ukraïni», 2020. 436 s.
8. Znachenie slova «tehnika»: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://kartaslov.ru/znachenie-slova/tehnika>.
9. *Il'enkov E.V.* Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v «Kapitale» K. Marksa. M., 1960. 284 s.
10. *Kvashnin YU.D.* Bazovyy dohod dlya evropejskih stran: ot teorii k praktike // Sovremennaya Evropa. 2019. № 3. S. 171—181.
11. *Kotlyarov I.D.* Nestandartnye formy zanyatosti: pozitivnye, negativnye, nejtral'nye // Journal of economic regulation (Voprosy regulirovaniya ekonomiki). 2015. T. 6. № 4. S. 28—34.
12. *Lisenkova A.A.* Vyzovy i vozmozhnosti cifrovoj epohi: soci-okul'turnyj aspekt // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. 2018. T. 7. № 3. S. 217—221.
13. *Marks K.* Kapital. T. 1 // Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. M., 1960. 907 s.
14. *Marks K.* Ekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda // Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 42. M., 1974. 607 s.
15. Nestandartnaya zanyatost' v rossijskoj ekonomike / Pod red. V.E. Gimpel'sona, R.I. Kapelyushnikova. M.: Izdatel'skij dom GU VSHE, 2006. 129 s.
16. *Osipov YU.M.* Bol'shaya igra — rossijskij mittel'shpil' — «russkaya ruletka» // Rossiya v igre: strana i mir / Pod red. YU.M. Osipova, A.YU. Arhipova, E.S. Zotovoj. Rostov n/D; Taganrog: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta. 2019. 292 s.
17. *Panchin A.* Obygryvaya boga // Populyarnaya mekhanika. 2017. № 3. S. 32—35: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.popmech.ru/magazine/2017/173-issue/>.

18. Psihogenez: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/232152/Psihogenez>.
19. Sociogenez: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://amp.ru.google-info.cn/305277/1/sotsiogenez.html>.
20. Tekhnika i tekhnologiya: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://terme.ru/termin/tehnika-i-tehnologija.html>.
21. Tekhnogenez: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://fireman.club/inseklodepia/tehnogenez/>.
22. Tekhnika // Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. 4-e izd. T. 4. M.: Russkij yazyk, 1999: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18.htm?cmd=0>.
23. Tekhnologiya // Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. 4-e izd. T. 4. M.: Russkij yazyk, 1999: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18.htm?cmd=0>.
24. Что takoe biogenez? Sushchnost' teorii, ee storonniki i eksperimenty: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://natworld.info/raznoe-o-prirode/biogenez-opredelenie-sut-teorii-primery-i-storonniki>.
25. *Engel's F.* Dialektika prirody // Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 20. M., 1961. 827 s.

М.А. ЧИРКОВ, А.Л. ЗОЛКИН, М.С. ЧИСТЯКОВ, Д.И. ЛУКАШИНА

**Социальная инженерия как фактор способствования
мошенническим действиям в цифровой сфере***

Аннотация. Статья посвящена проблематике распространения преступлений мошеннического характера в информационном пространстве при возрастающей конвергенции данных деяний с цифровыми технологиями. Приводится краткая историческая ретроспектива становления уголовного законодательства в России. Констатируется необходимость дальнейшего развития и совершенствования нормативно-правовой базы адекватного противодействия эволюции преступного сообщества в цифровой среде.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Чирков М.А., Золкин А.Л., Чистяков М.С., Лукашина Д.И. Социальная инженерия как фактор способствования мошенническим действиям в цифровой сфере // *Философия хозяйства*. 2021. № 4. С. 216—228.

Ключевые слова: мошенничество, информационное пространство, социальная инженерия, противодействие, доверие, уголовное законодательство.

Abstract. The review is devoted to the problem of the spread of fraudulent crimes in the information space with the increasing convergence of these acts with digital technologies. A brief historical retrospective of the formation of criminal legislation in Russia is presented. The need for further development and improvement of the regulatory framework for adequate counteraction to the evolution of the criminal community in the digital environment is stated.

Keywords: fraud, information space, social engineering, counteraction.

УДК 004, 343.9
ББК 16, 67.52

Терминологический оборот «социальная инженерия» этимологически уходит своими корнями в Древнюю Грецию и Древний Рим, в которых ценилось искусство оратора, особенно необходимое в дипломатическом убеждении при переговорах. В XX в. под социальной инженерией понимали психологические методы разрешения социальных проблем, что необходимо с позиции социально-политического функционала государства. Кроме того, социальная инженерия в годы Второй мировой войны задействовалась для расширения электоральных преимуществ.

Современные исследования в области внешнеполитического взаимодействия рассматривают модели и технологии информационного и психологического воздействия на течение конфликтных явлений и кризисных процессов, в том числе на международной политической арене. В данном случае имеются в виду технологии управления в условиях кризисных и негативных проявлений турбулентной внешней среды, контролируемой силами извне. Сюда же следует отнести психологические факторы воздействия на принятие значимых политических решений [22, 397].

В современной действительности отрицательный фон дефиниции «социальная инженерия» сохраняется. В.С. Овчинский

на страницах труда «Мафия. Новые мировые тенденции» пишет, что социальные манипуляции «превратились в один из самых распространенных векторов атак на информацию, от которых сложнее всего защититься» [11, 121].

Значимость тематики использования социальной инженерии с корыстными намерениями подтверждается трудами А.А. Бердюгина, Ю.Н. Жданова, В.С. Овчинского, А.Л. Осипенко, П.В. Ревенкова, А.В. Черемушкина. Различные аспекты социальной инженерии как научно-теоретической и прикладной предметной области рассматривали Е.М. Бабосов, Н.А. Витке, А.М. Долгоруков, В.Я. Ельмеев, В.Г. Овсянников, Г.В. Осипов, Е.В. Осипова, Г.А. Пестова, И.М. Попова, А.И. Пригожин, Ю.М. Резник, Ж.Т. Тощенко, О.А. Уржа, В.А. Ядов и др.¹⁵

Рост криминальных мотивов задействия социальной инженерии обусловлен высокой степенью келейности деяний при их вовлечении. Методы психологического воздействия являются действенным эффективным инструментарием манипулирования волей жертвы.

Но имеются предпосылки трансфера оборота социальной инженерии в практическую область знания в обеспечении сохранности информации, безопасности информационных систем с целью предотвращения посягательств на важную конфиденциальную информацию, являющуюся каналом доступа к финансовым и иным средствам граждан.

Мошенничество впервые в русской истории государства и права упоминается в феодальном периоде. Уже тогда существовали обмер и обвес. Об этом свидетельствует пословица «Мерить не своим аршином» [10]. Мошенничество как уголовно-наказуемое деяние злоупотребления доверием в законодательных актах данного периода упоминается в статье 47 Пространной редакции Русской Правды (XI—XII вв.) [3, 21], в которой фиксировалось, что

¹⁵ Авторы посвятили данный обзор прикладному характеру социоинженерного воздействия на социум из корыстных побуждений посредством мошенничества. Методологическим аппаратом работы является нормативная база российского законодательства, труды ученых, посвященных социальной инженерии, истории уголовного законодательства, а также работы, рассматривающие применение социальной инженерии в деяниях мошеннического характера.

«человек, который обманом получил деньги и пытался скрыться в другой земле, не может пользоваться доверием, так же как и вор» [15, 69, 73].

В Судебнике Ивана Грозного вводятся термины «мошенник» и «мошенничество» (ст. 58) [19]. В Московском государстве к мошенническому деянию приравнивался несвоевременный возврат долга либо отказ от такового.

В Соборном уложении 1649 г. первая кража приравнивается к мошенничеству (ст. 11 главы XXI), при этом усиливается наказание [17].

Экономические реформы Петра I привели к становлению рыночных механизмов и связей как в России, так и с иностранными партнерами, что стало предпосылкой для регламентации и регулирования отношений имущественного характера. Торговое право становится частью гражданского. Государство защищало торговые обычаи и правила.

Артикул 194 Воинского устава Петра I [2] возводит должностное мошенничество, а также доноительство о нем в ранг преступных деяний, предусматривающих наказание: «Кто его величества или государственных деньги в руках имея, из оных несколько утаит, украдет и к своей пользе употребит, в расходе меньше записано и сочтено будет, нежели что он получил, оный живота лишится и имеет быть повешен. Тую же казнь чинить и тем, кои ведая про то, а не известят» [16].

Фундаментальной вехой в становлении уголовного законодательства в Российской империи стало правление Николая I. В 1832 г. вышло в свет первое издание Свода законов Российской империи, в котором посягательство на мошенничество являлось основанием для наказания, как и оконченное преступление. 15 том данного документа стал основой для первого Российского уголовного кодекса — Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [9, 16].

Уголовным уложением 1903 г., главой 33 «О Мошенничестве» [20] устанавливаются квалифицирующие признаки данного деяния: а) похищение чужого движимого имущества посредством обмана с целью присвоения; б) похищение чужого движимого имущества посредством обмера, обвеса или иного обмана в качестве или

количестве предметов с целью присвоения при купле-продаже или иной возмездной сделке; в) имущественная выгода через побуждение посредством обмана в уступке права по имуществу или к вступлению в иную невыгодную сделку (ч. 1 ст. 591)

В советском законодательстве происходит дифференциация мошенничества в части самостоятельного состава преступления — причинение ущерба государственному или общественному имуществу, помимо собственности гражданского населения [14].

В новейшей истории новой вехой борьбы с мошенничеством стало вступление в силу 1 января 1997 г. новой редакции Уголовного кодекса Российской Федерации. В данном документе мошенничество семантически трактуется как хищение, а не завладение, как это было ранее.

Значительным эволюционным этапом в российском законодательстве по борьбе с мошенничеством стали поправки в Уголовный кодекс, принятые 8 декабря 2003 г., направленные на квалифицирующие признаки данного состава преступления.

Мошенничество в цифровой среде — деяние девиации социальной направленности, осуществляемое из корыстных побуждений субъективной формации, наносящее экономический, политический, социальный, культурный, идеологический и иной вид ущерба социуму и личности посредством высоких технологий информационно-коммуникационного взаимодействия.

Составной частью предметного поля противодействия социальному мошенничеству является онтологическая безопасность. Дефиницию «онтологическая безопасность» (ontological security) в терминологический оборот ввел английский социолог Энтони Гидденс: это «субъективное ощущение безопасности, основанное на конфиденциальности или доверии» [24, 35]. Действительно, анонимность — свойство интернет-коммуникаций, на первый взгляд, наделяемое Всемирной паутиной каждого его пользователя, располагает к доверию и делает интернет-резидента более резистентным к бдительности и осторожности в разных коммуникативных взаимодействиях, формирует доверительные отношения между коммуникантами. Этими субъективными представлениями и пользуются интернет-мошенники в корыстных мотивах. Данное обстоятельство усугубляется тем, что российское

интернет-пространство (Рунет) сформировалось позднее остального информационного виртуального мира, защитные механизмы социальной гигиены до конца не сформировались. Недоверие к собеседнику, пусть и виртуальному, отходят на второй план, что усугубляется национальным российским менталитетом взаимопомощи.

Существует множество практик толкования дефиниции «доверие». Его семантически фиксируют как ментальность, убеждение, фактор надежности и эмоциональности. По мнению С. Кастильдо, «общая черта исследования доверия — разнообразие концептуальных типологий, отсутствие ясного и общего определения концепции доверия» [1].

Наиболее употребляемым определением в научно-терминологическом обороте является его концепция психологического доверия, представленная в 2002 г. [1], состоящая из 72 определений, формирующих пять основных факторов:

- доверие как следствие ожидания, волеизъявления, убеждения или же часть личностной психологической формации;
- доверие, направленное на определенный объект: индивида, группу, организационную или институциональную структуру;
- доверие как сформировавшаяся категория вследствие опыта или оказанного нам доверия, т. е. имеющая формат обратного доверительного отношения;
- доверие, имеющее двойственный характер, реализуемое через действия, поступки;
- доверие, в определенной степени подразумевающее наличие риска как фактора, сопутствующего доверительным отношениям без наличия верифицированного подтверждения отсутствия преступного мотива у визави коммуникативного взаимодействия.

Одним из ключевых методов социальной инженерии является эксперимент, позволяющий получить новые знания, обогатить социальные практики. Расширяются возможности для апробации новых конструкций социальной организации, формирования новых вариаций социального управления.

В основе мошенничества в виртуальном пространстве (как и в обыденной жизни) движущим фактором является цель — получение экономической выгоды; нанесение экономического, политического

или иного ущерба через злоупотребление доверием [23]. При этом нанесение социально-политического ущерба институтам государства подрывает доверие к представителям власти, деформирует (демонтирует) систему властных отношений. Особую угрозу представляет целеполагание идеологической направленности — трансфер идей и идеологий в обществе, например, террористических, националистических. Меры и манипуляции психологического воздействия на личность посредством информационно-коммуникационных технологий также может быть целью преступной социальной инженерии, что повлечет социально-психологические и нравственные страдания индивида.

Основной целью мошенничества во Всемирной паутине — получение информации. С течением времени способы, средства и инструментарий воздействия совершенствуются. Однако главными «таргетными направлениями» корыстного манипулирования являются: 1) информация конфиденциального (личного) характера (Ф.И.О., номер телефона, адрес, номера банковских карт, состояние здоровья, сведения о ближайших родственниках); 2) доступ к мобильным приложениям жертвы, личным кабинетам, электронным кошелькам; 3) доступ к персональным страницам в социальных сетях.

При этом можно использовать как прямой, так и обратный механизмы социального манипулирования [18], отличающиеся спецификой первоначального контакта с объектом мошенничества. Прямая форма предполагает использование психологических и иных тактик и технологий социального манипулирования непосредственно в момент совершаемого мошеннического деяния. Обратная социальная инженерия направлена на генерацию ситуации инициативы жертвы ее контакта со злоумышленником.

Л.Н. Осипенко отмечает три фазы обратной социальной инженерии [12, 146]: 1) «диверсия» — генерация внесценарной ситуации (предпосылок), для устранения которой необходимо участие специалиста; 2) «реклама» — информационный посыл о готовности определенного лица в содействии в сложившейся внештатной ситуации; 3) «помощь» — полный доступ к компьютеру жертвы.

С целью нивелирования последствий социального мошенничества (социальной инженерии в контексте цифрового воздействия и информационного манипулирования), с применением достижений цивилизационного развития в корыстных целях необходима институциональная система киберпротиводействия и цифровой социальной безопасности [25; 26]. Данная система должна иметь многоуровневую систему многофакторного и вариативного компонентного противостояния цифровой агрессивной среде мошеннической активности.

В РФ принимаются меры законодательного определения угроз цифрового мошенничества, а также регламентация противодействия противоправным действиям в информационном пространстве. 29 ноября 2013 г. в Совете Федерации состоялись слушания [13] по проекту Концепции Стратегии кибербезопасности Российской Федерации [7]. Наполненность Концепции выстраивается на Стратегии развития информационного общества [21], Доктрине информационного общества Российской Федерации [4]. Целью Стратегии является обеспечение безопасности гражданина и государства в виртуальном информационном пространстве посредством становления системообразующих национальных приоритетов, принципов и мер воздействия во внешней и внутренней политике. Стратегия гарантирует конституционные права и свободы человека и гражданина на доступность информации. Данный документ оправдан, учитывая, что морфологически единое виртуальное глобальное пространство амбивалентно и проявляется в киберпреступности и кибермошенничестве, с одной стороны, и необходимости в кибербезопасности при сохранении разумной вседозволенности и свободы «паутиного социума» — с другой [6].

Важность и сложность становления институциональной системы безопасности в информационном пространстве подтверждаются тенденцией расширения диапазона привлекаемых специалистов. Примерно два десятилетия назад проблематика информационной безопасности входила в круг компетенций преимущественно узкого круга практиков сферы технологий информационной направленности. В современной действительности к поиску расширения возможностей безопасности в цифровом

пространстве присоединились социальные науки, сформировались «стыковые» их формы, например, киберсоциология [8], не говоря уже о юриспруденции, являющейся методологической платформой выстраивания регламентирующих механизмов и правового обеспечения функционирования социума информационного развития.

Взаимопроникновение социологии и криминалистики открывает качественно иные возможности эволюции криминологических идей и их воплощения в практическую плоскость предотвращения преступных корыстных посягательств в информационной среде, поскольку «...возможность технологизировать любой социальный процесс заложена в структуре человеческой деятельности и в самой природе человека» [5, 35].

К сожалению, окончательное юридическое одобрение данного документа было приостановлено. Тем не менее прослеживаются признаки институциональных процессов становления современного облика кибербезопасности, предупреждения (профилактики) и нивелирования последствий атак мошенников при задействовании инструментария социальной инженерии на социум в корыстных мотивах [6].

С развитием высоких информационных технологий совершенствуются и методы социальной инженерии. Изучение, анализ и систематизация мошеннических деяний в цифровой среде представляют криминологическую ценность в предотвращении и нивелировании последствий деятельности преступного сообщества в новых реалиях эволюции информационного общества и цифровой экономики. Обобщение совершаемых деяний, их механизмов, анализ специфических черт личности жертв и мошенников позволяют выработать алгоритм действий правоохранительных органов и следствия, значительно расширить возможности резистентного реагирования на вновь создаваемые способы социального манипулирования, создать основу для научных рекомендаций по совершенствованию правоохранительной деятельности в информационной среде.

Данный подход обратного нивелирования угроз может послужить потенциальной тематикой для анализа в последующих исследованиях и обзорных статьях — не только авторов данного

актуального обзора, но и потенциальных читателей, проявивших интерес к затронутой проблематике обеспечения социальной безопасности в информационном пространстве.

Литература

1. *Алексеева А.* Уверенность, обобщенное доверие и межличностное доверие: критерии различия // Социальная реальность. 2008. № 7.
2. Воинский устав Петра Великого: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/voennoe-delo/voinskii-ustav-petra-velikogo> (дата обращения: 21.11.2021).
3. *Вороненков Д.Н., Полищук Н.И.* Мошенничество как уголовно-наказуемое деяние: история, теория, практика // Юридическая мысль. 2007. № 6 (44). С. 21—30.
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 11.02.2021).
5. *Дятченко Л.Я.* Социальные технологии в управлении общественными процессами. М.; Белгород, 1993.
6. *Карпова Д.Н.* Киберпреступность: глобальная проблема и пути решения // Власть. 2014. № 8. С. 46—50.
7. Концепция Стратегии кибербезопасности Российской Федерации (проект): [Электронный ресурс]. URL: <http://iso27000.ru/zakonodatelstvo/prochee/koncepciya-strategii-kiberbezopasnosti-rossiiskoi-federacii-proekt/view> (дата обращения: 11.02.2021).
8. *Кравченко С.А.* Социологический толковый русско-английский словарь. М: МГИМО-Университет, 2013. 914 с.
9. *Липинский М.К.* К истории русского уголовного права XVII в. // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. Кн. 10.
10. *Нурбагомедова А.Н.* История мошенничества в феодальной России // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 898—900.
11. *Овчинский В.С.* Мафия. Новые мировые тенденции. «Коллекция Изборского клуба». М.: Книжный мир, 2016. 369 с.

12. *Осипенко А.Л.* Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: международный опыт: монография. М.: Норма, 2004. 432 с.

13. Парламентские слушания на тему «Законодательное обеспечение национальной безопасности Российской Федерации» // РАЭК [сайт]: [Электронный ресурс]. URL: <https://raec.ru/live/raec-news/6536/> (дата обращения: 11.02.2021).

14. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. (ред. от 27.04.1959 г.) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

15. Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 69, 73.

16. Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 363—364.

17. Соборное уложение 1649 года: [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.info/dokum/1600dok/1649_00.php (дата обращения: 23.02.2021).

18. *Старостенко Н.И.* Социальная инженерия как объект криминалистического изучения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 1. С. 109—114.

19. Судебник 1550 года: [Электронный ресурс]. URL: https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/normativnie_akti/sudebnik_1550_goda.pdf (дата обращения: 11.02.2021).

20. Уголовное уложение 1903 года: [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 22.02.2021).

21. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы»: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 11.02.2021).

22. *Чистяков М.С.* Социальная напряженность как искусственная форма политического манипулирования // Материалы научно-практической конференции «Революция и современность». Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2017. С. 396—400.

23. *Chirkov M.A., Abdryashitova A.I., Chistyakov M.S.* Crime counteraction in the digital environment as a factor of the development of high technology // Proceedings of the 1st International Scientific Conference «Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth» (MTDE-2019): Atlantis press. P. 437—440: [Электронный ресурс].
24. *Giddens A.* 1991. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age.* Stanford University Press. 257 p.
25. *Vasilev V.L., Gapsalamov A.R., Akhmetshi E.M., Bochkareva T.N., Yumashev A.V., Anisimova T.I.* Digitalization peculiarities of organizations: A case study *Entrep. Sustain. Issues*, 2020, 7, 3173—3190.
26. *Zolkin A.L., Abdilmukminova E.M., Malikov V.N., Lepshokova A.N.* Problems of personal data and information protection in corporate computer networks // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation, 2021. P. 12102.

References

1. *Alekseeva A.* Uverenost', obobshchennoe doverie i mezhlchnostnoe doverie: kriterii razlichiya // *Social'naya real'nost'*. 2008. № 7.
2. Voinskij ustav Petra Velikogo: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/voennoe-delo/voinskii-ustav-petra-velikogo> (data obrashcheniya: 21.11.2021).
3. *Voronkov D.N., Polishchuk N.I.* Moshennichestvo kak ugolovno-nakazuemoe deyanie: istoriya, teoriya, praktika // *YUridicheskaya mys'*. 2007. № 6 (44). S. 21—30.
4. Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (data obrashcheniya: 11.02.2021).
5. *Dyatchenko L.YA.* *Social'nye tekhnologii v upravlenii obshchestvennymi processami.* M.; Belgorod, 1993.
6. *Karpova D.N.* Kiberprestupnost': global'naya problema i puti resheniya // *Vlast'*. 2014. № 8. S. 46—50.
7. Konceptsiya Strategii kiberbezopasnosti Rossijskoj Federacii (proekt): [Elektronnyj resurs]. URL: <http://iso27000.ru/zakonodatelstvo/prochee/konceptsiya-strategii-kiberbezopasnosti-rossiiskoi-federacii-proekt/view> (data obrashcheniya: 11.02.2021).

8. *Kravchenko S.A.* Sociologicheskij tolkovyj rusko-anglijskij slovar'. M: MGIMO-Universitet, 2013. 914 s.
9. *Lipinskij M.K.* K istorii russkogo ugovolnogo prava XVII v. // ZHurnal grazhdanskogo i ugovolnogo prava. 1885. Kn. 10.
10. *Nurbagomedova A.N.* Istoriya moshennichestva v feodal'noj Rossii // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2014. № 2. S. 898—900.
11. *Ovchinskij V.S.* Mafiya. Novye mirovyje tendencii. «Kollekciya Izborskogo kluba». M.: Knizhnyj mir, 2016. 369 s.
12. *Osipenko A.L.* Bor'ba s prestupnost'yu v global'nyh komp'yuternyh setyah: mezhdunarodnyj opyt: monografiya. M.: Norma, 2004. 432 s.
13. Parlyamentskie slushaniya na temu «Zakonodatel'noe obespechenie nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // RAEK [sajt]: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://raec.ru/live/raec-news/6536/> (data obrashcheniya: 11.02.2021).
14. Postanovlenie VCIK ot 22.11.1926 g. (red. ot 27.04.1959 g.) «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R. redakcii 1926 goda» (vmeste s «Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.») // SU RSFSR. 1926. № 80. St. 600.
15. Rossijskoe zakonodatel'stvo X—XX vekov: V 9 t. T. 1. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. M., 1984. S. 69, 73.
16. Rossijskoe zakonodatel'stvo X—XX vekov: V 9 t. T. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma. M., 1986. S. 363—364.
17. Sobornoe ulozhenie 1649 goda: [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.hrono.info/dokum/1600dok/1649_00.php (data obrashcheniya: 23.02.2021).
18. *Starostenko N.I.* Social'naya inzheneriya kak ob"ekt kriminalisticheskogo izucheniya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. T. 12. № 1. S. 109—114.
19. Sudebnik 1550 goda: [Elektronnyj resurs]. URL: https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/normativnie_akti/sudebnik_1550_goda.pdf (data obrashcheniya: 11.02.2021).
20. Ugolovnoe ulozhenie 1903 goda: [Elektronnyj resurs]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulozhenie_1903_goda.pdf (data obrashcheniya: 22.02.2021).
21. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.05.2017 № 203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii

на 2017—2030 годы»: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (data obrashcheniya: 11.02.2021).

22. *CHistyakov M.S.* Social'naya napryazhennost' kak iskusstvennaya forma politicheskogo manipulirovaniya // Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii «Revolyuciya i sovremennost'». Vladimir: Vladimirskij filial RANHiGS, 2017. S. 396—400.

П.В. ПАВЛОВ, Е.К. ЗАЩИТИНА

**Новые технологии в высшем образовании
в период пандемии COVID-19: pros et cons***

Аннотация. Цели исследования — выявление новых технологий в высшем образовании, которые появились после массового перехода учреждений образования на дистанционный режим в связи с пандемией COVID-19, а также определение их достоинств и недостатков по сравнению с традиционным очным обучением. Анализируются причины трансформации традиционной системы образования, мировых трендов в высшем образовании, факторы прямого и косвенного воздействия на систему высшего образования, а также возможные сценарии развития мировой системы высшего образования, показываются направления развития университетов в сторону усиления роли онлайн-образования на внутренних и внешних рынках. Выявленные достоинства и недостатки применяемых новых технологий позволили прийти к выводу о необходимости внедрения технологий дистанционного образования только в совокупности с традиционным образованием, что позволит получить синергетический эффект и удовлетворить мировой возрастающий спрос на получение качественного образования.

Ключевые слова: высшее образование, COVID-19, технологии дистанционного образования.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Павлов П.В., Защитина Е.К. Новые технологии в высшем образовании в период пандемии COVID-19: pros et cons. // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 228—242.

Abstract. The purpose of this study was to identify new technologies in higher education that appeared after the massive transition of higher education institutions to distance learning in connection with the COVID-19 pandemic, as well as the advantages and disadvantages compared to traditional full-time education. To achieve this goal, the article presents an analysis of the reasons for the transformation of the traditional education system, world trends in higher education and factors of direct and indirect impact on the higher education system, also presents possible scenarios for the development of the world higher education system and shows the directions of development of universities in the direction of strengthening the role of online education in domestic and foreign markets. The identified advantages and disadvantages of the new technologies used made it possible to come to the conclusion that it is necessary to introduce distance education technologies only in conjunction with traditional education, which will allow to obtain a synergistic effect and satisfy the growing global demand for quality education.

Keywords: higher education, COVID-19, distance education technologies.

УДК 330
ББК 65.5

2020 г. стал для мировой образовательной системы переломным, так как в апреле практически в одночасье в 185 странах мира были закрыты образовательные учреждения, в том числе и учреждения высшего образования, из-за распространения пандемии COVID-19. Это затронуло более 1,5 млрд обучающихся, что составляет практически 90% от общемирового контингента. Первые послабления начались в сентябре—октябре 2020 г., когда учебные заведения массово начали очную работу, но при этом до сих пор (май 2021 г.) в 23 странах мира учебные заведения по-прежнему полностью закрыты (около 203 млн обучающихся — 11,6% от общемирового контингента обучающихся) [3]. Согласно исследованиям о влиянии COVID-19 на высшее образование, проведенным экспертами Международной ассоциации университетов в 111 странах мира среди 424 учебных заведений с 25

марта по 17 апреля 2020 г., было выявлено, что большинство учебных заведений было закрыто и вся деятельность кампусов приостановлена (59%); треть учебных заведений — частично открыта, но наблюдались серьезные сбои при их функционировании (30%); часть учебных заведений — открыта, но с учетом соблюдения жестких требований по противодействию распространения COVID-19 (10%), и только в одном учебном заведении (в Бурунди) было отмечено, что оно функционирует в обычном режиме без каких-либо мер по противодействию COVID-19 [5].

Для того, чтобы продолжать осуществлять свою деятельность, образовательные учреждения во всех странах мира в той или иной степени пересмотрели свои педагогические практики и перевели по мере своих возможностей образовательный процесс в онлайн-формат. Обращаясь к отчету экспертов международной ассоциации университетов, укажем, что 91% респондентов (386 учебных заведений) отметили, что у них присутствовала вся необходимая инфраструктура для перехода на дистанционный формат работы и онлайн-коммуникации между преподавателями, а также преподавателями и студентами; и только 9% респондентов (38 учебных заведений) указали на полное отсутствие подобной инфраструктуры [5]. При этом не стоит забывать и про то, что в настоящее время (на 31.03.2021 г.), по данным Общемировой интернет-статистики, только 65,5% от общемирового объема населения (на 30.06.2020 г. этот показатель составлял 62%) являются активными интернет-пользователями [6] (табл. 1).

Таблица 1

Доля интернет-пользователей по группам стран на 31.03.2021 в сравнении с 30.06.2020

Регион	Объем населения, % от общемиро	Доля интернет-пользователей в общем объеме населения, %	Доля интернет-пользователей в мире, %

	вого населения (на 31.03. 2021 г.)	31.03. 2021	30.06. 2020	31.03. 2021	30.06. 2020
Северная Америка	4,7	93,9	90,3	6,7	6,9
Европа	10,6	88,2	87,2	14,3	15,1
Латинская Америка и Карибский бассейн	8,4	75,6	71,5	9,6	9,7
Ближний Восток	3,4	74,9	70,8	3,9	3,8
Океания (Австралия)	0,6	69,9	67,6	0,6	0,6
Азия	54,9	63,8	58,8	53,4	52,2
Африка	17,4	43,2	42,2	14,3	11,7
Всего	100	65,5	62	100	100

Свой положительный опыт быстрой адаптации к новым реалиям имеет и Южный федеральный университет, расположенный в Ростове-на-Дону и Таганроге. В течение нескольких дней с момента перехода всех образовательных учреждений на удаленный формат работы была полностью перестроена вся система функционирования университета в онлайн-формат, подкрепленная изданием внутренних нормативных документов и проведением специализированного обучения и консультаций для преподавателей и студентов. Так, более 6000% составил рост нагрузки на дистанционные образовательные ресурсы, которые использовались в ЮФУ, в переходный день (17 марта 2020 г.). Чтобы снизить данную нагрузку, а также обучить преподавателей проведению занятий, были организованы курсы повышения квалификации по использованию дистанционных образовательных технологий и специализированных платформ в образовательном процессе. Также для преподавателей и студентов была предоставлена возможность пройти онлайн-обучение на MOOC платформах: Coursera (более 1700 курсов Coursera освоено обучающимися ЮФУ), Stepic (более 20 000 человек прослушало MOOC ЮФУ на платформе Stepik) и

других контент-провайдеров (более 700 НПП повысили квалификацию в апреле по более 1000 курсов от более 200 контент-провайдеров).

При этом сложность была не столько в организации онлайн самого образовательного процесса и управленческих составляющих (совещания, документооборот), сколько в проведении всех внеучебных активностей, а также социально-воспитательной работы. Для осуществления документооборота были введены электронные цифровые подписи, которыми, например, было подписано более 10 000 справок для обучающихся.

Основным инструментом работы в Южном федеральном университете была выбрана платформа Microsoft Teams. По данным университета, в 2020 г. в период локдауна на ее базе было проведено 103512 онлайн-мероприятий для 26157 человек. По подсчетам IT-специалистов, один студент участвовал в среднем в 100 онлайн-встречах в месяц. В режиме онлайн проходили все учебные занятия, сдачи экзаменов и зачетов, защиты курсовых и дипломных работ, дни открытых дверей, выставки, совещания, приемная кампания (во время экзаменационной кампании было проведено более 15 000 сессий прокторинга, а время телефонных разговоров «горячей линии» в августе составило 177 рабочих дня), а также научные конференции, научно-образовательные конкурсы, церемония вручения магистерских дипломов, конкурсы, концерты, викторины и многое другое.

Для всех сотрудников, а также студентов, находящихся в сложной жизненной ситуации, была предоставлена материальная помощь для покупки оборудования (общий объем выплаченных средств составил 25 млн р.), необходимого для реализации образовательного процесса онлайн. Для всех студентов, оставшихся в общежитии, была организована доставка продуктов питания и товаров первой необходимости.

При этом, несмотря на все сложности, не прекращалась и международная деятельность. Так, для возможности организации программ мобильности было разработано Положение о виртуальной мобильности, позволившее направить студентов ЮФУ на обучение в зарубежные вузы-партнеры и принять на обучение иностранных студентов. Также Институт управления в экономических,

экологических и социальных системах ЮФУ организовал на платформе MS Teams открытый дистанционный научно-популярный лекторий «Open popular science lectures_IMES SFEDU», в рамках которого до сих пор проводятся лекции и круглые столы ведущих визит-профессоров ЮФУ [1].

С нового 2020/2021 учебного года Южный федеральный университет начал свою работу в смешанном формате. Часть занятий, совещаний и конференций проводится полностью онлайн, часть — офлайн с трансляцией для тех, кто не может присутствовать очно (например, иностранных студентов) [1], продолжают выпускаться рекомендации для студентов и преподавателей, позволяющие лучше адаптироваться к виртуальной среде. Отдельно делается упор на работу со студентами с ограниченными условиями здоровья.

Таким образом несомненным становится тот факт, что наибольших успехов при перестроении образовательной системы в цифровой формат достигли те вузы, которые еще до пандемии COVID-19 начали реализовывать мероприятия по соответствию трендам развития образования в мире, связанным с появлением следующих факторов, оказывающих влияние на развитие системы высшего образования, по мнению экспертов компании EDUCASE [4]:

- социальных: поддержание благополучия и психического здоровья, демографические изменения, соблюдение норм справедливости и добросовестности;
- технологических: последствия внедрения искусственного интеллекта, появление цифровой обучающей среды нового поколения, решение вопросов аналитики и конфиденциальности данных и информации, внедрение новых технологий (технологии адаптивного обучения, технологии машинного обучения, внедрение платформ по аналитике «прогресса» обучения студентов, внедрение в образовательный процесс MOOC);
- экономических: изменение структуры стоимости услуг высшего образования, появление новых навыков и профессий будущего, изменение структуры финансирования учреждений высшего образования;

- политических: реализация программ по изменению климата, пропаганда ценности высшего образования, взаимодействие между странами;

- изменения в системе высшего образования: изменения структуры студенческого контингента (рост количества иностранных студентов и количества «возрастных» студентов, согласно концепции Life-Long learning), появление альтернативных методов и технологий образования, в том числе онлайн-образования.

Все эти факторы, а также выявленные ранее ключевые тренды, влияющие на образование, в совокупности с факторами прямого и косвенного воздействия на систему образования (рис.1), привели к тому, что в настоящее время экспертами компании EDUCASE выделяются четыре основных сценария развития мировой системы высшего образования:

- рост: значительный прогресс и рост востребованности высшего образования в ближайшее десятилетие, увеличение контингента за счет «взрослых» обучающихся и развития дистанционных форм обучения, а именно расширения числа онлайн-курсов и полностью онлайн-программ основного и дополнительного образования;

- ограничение: превалирование категорий эффективности и устойчивости как базовых социальных ценностей, при которых у обучающихся будет больше возможностей по выбору образовательных траекторий, а образовательные учреждения будут использовать технологии по обработке больших данных и анализу цифрового следа при проектировании и реализации образовательных программ, а также повышения рентабельности вложенных инвестиций;

- коллапс: полное изменение традиционной структуры высшего образования, связанное с ростом затрат, сокращением объемов финансирования, и переход на новую структуру, основанную на дистанционном образовании и обучении отдельных компетенций с учетом потребностей рынка труда;

- трансформация: в течение следующего десятилетия в структуре высшего образования произойдут разительные преобразования, вызванные изменением климата, пандемиями и достижениями цифровых технологий, будут реализованы

специальные механизмы как при обучении студентов, так и при работе самих образовательных учреждений (совместные сетевые модели для сокращения издержек, онлайн-университеты и пр.).

ТRENДЫ		ПРЯМОЕ
Модели смешанного образования	Активное использование технологий смешанного обучения, так как они обеспечивают персонализацию и большую адаптивность учебных программ, возможность проведения веб-конференций, позволяют выстраивать дистанционные студенческие объединения для выполнения совместных проектов за счет гибкости, простоты доступа и интеграции сложных мультимедиа систем, что способствует повышению качества образования	<ul style="list-style-type: none"> • рост масштабов и географического разнообразия рынка высшего образования; • рост наукоёмких производств, объёма научной и технической информации, основанные на быстрой смене технологий; • выход на первый план междисциплинарных научных исследований; • наличие мощных внешних средств мыслительной деятельности, приводящих к автоматизации не только физического, но и умственного труда; • постоянный и устойчивый рост производительности труда.
Перепроектирование образовательных пространств	Необходимость изменения физического и виртуального пространства учебных аудиторий для удовлетворения растущих потребностей обучающихся: широкополосный беспроводной интернет, использование современных электронных устройств, возможность изменения пространства для проведения разноплановых занятий и онлайн-обучения	
Продвижение культуры инноваций	Появление большого количества разнонаправленных инкубаторов, в которых студенты могут дополнительно получать профессиональные навыки и опыт работы, повышая свою востребованность на рынке труда. Использование метода «обучение на отрицательном и положительном опыте»	
Большое внимание к технологиям измерения обучения	Использование современных методов и инструментов для сбора информации способствует все большей интеграции образовательного учреждения в цифровое пространство посредством сбора цифрового следа. Становится необходимым создание специальных исследовательских центров, которые бы могли обрабатывать поступающую к ним информацию и тем самым редактировать процесс обучения	
Переосмысление работы учреждений высшего образования	В связи с внедрением новых технологий, а также перехода к обучению более возрастных студентов, уже имеющих семью и работу во время обучения, университеты должны развивать междисциплинарное обучение, внедрять технологии онлайн-обучения и встраивать в образовательный процесс пожелания работодателей	
Модульные и дезагрегированные степени	Возможность студентам самим строить свои образовательные траектории, в том числе с учетом использования онлайн-курсов. Это позволит более гибко реагировать на изменяющиеся запросы рынка труда и получать те знания и навыки, которые необходимы в современных условиях	КОСВЕННОЕ
		<ul style="list-style-type: none"> • выход на глобальный рынок технологий будущего; • рост зависимости мировой экономики от экономики развивающихся стран; • переход от индустриального общества через экономику знаний к обществу, основанному на мудрости; • рост спроса на новые знания и навыки, связанный с увеличением сложности социально-технических систем и появлением черт VUCA • тотальная цифровизация и автоматизация человечества, приведшие к активному развитию информационно-коммуникационных технологий, а также объединения большого количества смежных наук для повышения мобильности, скорости обработки «больших данных», включенности систем искусственного интеллекта во все большие сферы деятельности человека.

Рис. 1. Факторы прямого и косвенного воздействия на систему высшего образования с учетом трендов его развития: [1, 2]

Еще до COVID-19 под влиянием цифровизации появились новые направления развития мировой экономики, представленные в исследованиях Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), среди которых можно выделить следующие: наращивание объема без привлечения большого количества ресурсов, панорамный охват, использование новых возможностей, трансформация пространства, скорость принятия решений и изменений, расширение экосистемы и создание отдельных платформ, превалирование нематериальных активов и новые источники создания стоимости. Они способствуют не только общей

трансформации привычных ранее рынков в цифровую среду и смене ведущих игроков и их бизнес-моделей, но и с позиции образования — появлению новых образовательных продуктов и переходу от традиционных университетских моделей к моделям цифровых университетов (рис. 2).

В настоящее время становится очевидным тот факт, что онлайн-образование прочно вошло в современную образовательную систему, и уже практически невозможно представить дальнейшее ее развитие без современных технологий. В связи с этим необходимо более детально рассмотреть преимущества и недостатки онлайн-образования с учетом категоризации по уровням, исходя из существенных характеристик собственно преимуществ и недостатков с двух позиций, а также характеристики его с позиции конечного реципиента, обучающегося, и с позиции провайдера онлайн-образования — университета [8].

Личностный уровень. К несомненным плюсам онлайн-образования на личностном уровне можно отнести развитие самостоятельности в учебной деятельности, навыков самоанализа, рефлексии результатов, самоконтроля у обучающихся. В ходе освоения дисциплин в онлайн-формате у студентов формируются навыки ориентации в образовательном контенте, навыки организации индивидуальной познавательной деятельности. Онлайн-технологии в образовании способствуют личностному комфорту обучающихся с интроверсивным типом личности, показывающим в этом случае более высокие результаты усвоения учебного материала, чем при традиционном обучении.

К недостаткам на личностном уровне можно отнести необходимость наличия у студентов высокой мотивации к учебе, волевых качеств, отсутствие которых приводит к отставанию и низким результатам в учебе. Кроме того, отсутствие физического контакта способствует появлению чувства изолированности от одноклассников или преподавателя. Многие исследователи говорят о невозможности социализации, играющей важную роль в жизни молодого поколения на этапе студенчества.

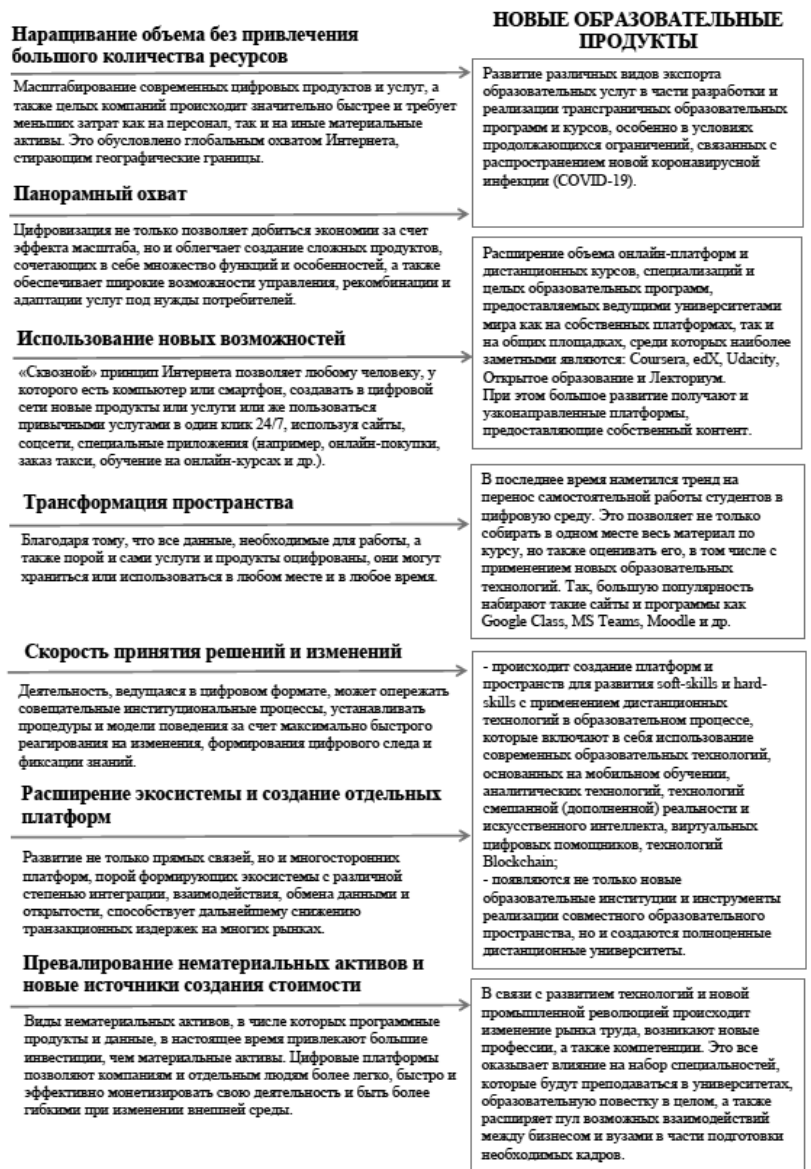

Рис. 2. Новые образовательные продукты с учетом «цифровых» направлений развития экономики: [2, 7]

Социально-бытовой уровень. На социально-бытовом уровне положительными характеристиками онлайн-обучения будут: свобода в выборе времени и пространства для обучения, возможность выбора наиболее благоприятных условий и комфортного окружения для учебы, отсутствие необходимости регулярно посещать учебное заведение и, как следствие, экономия времени, возможность сочетания учебы с трудовой и другими видами деятельности, гибкий график.

Среди недостатков на данном уровне могут быть: отсутствие ежедневного внешнего расписания, распорядка учебной деятельности студента. Студенты могут почувствовать себя изолированными от одноклассников или преподавателя вследствие отсутствия прямого вербального и невербального общения.

Образовательный уровень. К положительным сторонам онлайн-образования можно отнести: возможности выбора обучающимися образовательной программы в онлайн-режиме, выбора последовательности освоения онлайн-дисциплин внутри образовательной программы, наличие обратной связи и непосредственного онлайн-контроля, возможность выбора индивидуального темпа освоения содержания образования. Кроме того, онлайн-образование подразумевает больше возможностей в смысле индивидуализации образовательного процесса.

Обучение специальностям, имеющим практическую направленность, онлайн затруднено, так как практическую или лабораторную деятельность сложно смоделировать в виртуальной среде. Как следствие, перевод большого количества практических дисциплин в офлайн-формат.

Технологический уровень. На технологическом уровне существенным преимуществом будет возможность быстрого доступа к учебным материалам у обучающихся, технологические возможности аппаратного и программного обеспечения средств обучения, позволяющими проводить онлайн-мониторинг и контроль учебной деятельности, предоставляющими возможности работы с изучаемым материалом (содержанием обучения), позволяющими осуществлять быструю обратную связь средствами контроля (онлайн тестирование). Ряд исследований говорит о большей

сосредоточенности обучающихся на освоении учебного материала при онлайн-обучении, чем традиционном.

К недостаткам на технологическом уровне можно отнести отсутствие должного уровня сформированности информационной пользовательской компетенции у слушателей онлайн-дисциплин, что препятствует полноценному освоению содержания образования. Недостаточная развитость цифровой инфраструктуры пользователя, старое программное и/или аппаратное обеспечение не позволяют в полной мере использовать возможности онлайн-образования.

При этом анализ различных практик онлайн-образования показал, что, несмотря на их возрастающую популярность и наличие несомненных преимуществ, большая доля обучающихся при построении своей образовательной траектории придерживается индивидуального (традиционного) образования.

Это обусловлено рядом причин, среди которых можно выделить следующие.

1. Недостаточное признание и низкий уровень доверия работодателей к образованию, полученному только посредством онлайн-технологий. Это связано с тем, что в настоящее время остаются вопросы оценивания качества онлайн-курсов, а также до конца не проработаны способы проверки идентичности личности человека, сдающего экзамены онлайн.

2. Низкий процент завершения онлайн-курсов. Возможно, это связано с тем, что онлайн-образование зачастую остается опциональным, а завершение курса на MOOC-платформе, как правило, не влияет на профессиональное или образовательное продвижение учащегося.

3. Онлайн-курсы зачастую рассматриваются как одноразовые мероприятия, позволяющие получить определенный набор знаний в узкой конкретной области, в то время как традиционные образовательные программы подготовки специалистов предлагают сложный набор взаимосвязанных курсов, формирующих необходимые для дальнейшей работы компетенции (узко-профессиональные, над-профессиональные, метакомпетенции, экзистенциальные компетенции).

4. В настоящее время массовое онлайн-образование создало значительные изменения только в одном из двенадцати измерений

инновационного образования (способ доставки образовательного контента), при этом остальные измерения инновационного образования, установленные Обсерваторией высшего образования, остаются практически без изменений либо достаточно незначительны.

5. Слабо проработанная нормативная база в ряде стран по реализации массового обучения (в том числе включение онлайн-курсов в традиционный образовательный процесс, нормирование времени, оценка качества, аккредитация).

При этом индивидуальное (традиционное) образование тоже не лишено определенных недостатков, среди которых можно выделить:

- недостаточную степень учета индивидуальных особенностей восприятия информации обучающихся;
- ориентацию в большей степени на развитие памяти, что мало способствует развитию творчества, самостоятельности, активности;
- сложное приспособление к изменениям во внешней среде и оторванность от реальной ситуации на рынке труда;
- превалирование субъективного стиля отношений между преподавателем и учащимися;
- требование больших материальных и временных затрат по сравнению с массовым (онлайн) образованием.

Таким образом, можно сделать вывод, что онлайн-образование в настоящее время можно сравнить с тектоническим сдвигом в мировой образовательной системе и на мировом рынке образования, который безусловно повлечет за собой изменения в образовательном пространстве. При этом очевидно, что дистанционное образование, дистанционные мероприятия и дистанционное общение не могут стать полноценной заменой традиционного образования, очного взаимодействия между студентами и преподавателями, ведущими учеными, потенциальными поступающими и представителями вузов, да и самими преподавателями внутри одной образовательной организации [1].

В связи с этим для нивелирования недостатков и получения синергетического эффекта от достоинств необходимо развивать это

направление для того, чтобы только в совокупности с традиционным образованием удовлетворить возрастающий спрос мировой на получение качественного образования.

Таким образом, наиболее успешными будет применение смешанной формы, которая позволила бы нивелировать все недостатки массового образования и усилить конкурентные преимущества традиционного образования, сделав его более индивидуальным и современным, так как в условиях цифровизации университет мирового уровня должен быть готов к использованию информационных технологий в образовательном процессе (по всем формам и уровням обучения) и в научных исследованиях; обладать избытком ресурсов в сфере ИТ-технологий (наличие программного обеспечения, кадров, оборудования); профессионально использовать ответственными сотрудниками ИТ-технологии при управлении университетом.

В университете мирового уровня цифровизация должна подчиняться ряду характеристик: наличие современного видения (цель, зависимость, основные этапы, вехи); создание и последующая актуализация документов и стратегий развития; наличие инструментов и устройств для реализации задуманного плана; готовность к постоянным улучшениям; отсутствие опасения по отношению ко всему лишнему.

Литература

1. *Защитина Е.К.* Переход на дистанционное образование: предпосылки и последствия // *Управление в экономических и социальных системах.* 2020. № (5): [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journal-mes.ru>.
2. *Павлов П.В., Защитина Е.К.* Университет мирового уровня в эпоху цифровизации // *Вестник РУДН. Сер. Экономика.* 2020. Т. 28. № 4. С. 681—699.
3. COVID-19 Impact on Education: [Электронный ресурс]. URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse> (дата обращения: 01.06.2021).
4. EDUCAUSE Horizon Report: Teaching and Learning Edition, 2020: [Электронный ресурс]. URL: https://library.educause.edu/-/media/files/library/2020/3/2020_horizon_report_pdf.pdf?la=en&hash=

08A92C17998E8113BCB15DCA7BA1F467F303BA80 (дата обращения: 03.06.20021).

5. Giorgio Marinoni, Hillgje van't Land, Trine Jensen The Impact of COVID-19 on Higher education around the world / IAU Global Survey Report, 2020: [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwiV_-7254DxAhXDK4sKHdG-Cns_QFjAAegQIAhAD&url=https%3A%2F%2Fwww.iau-aiu.net%2FIAU-Global-Survey-on-the-Impact-of-COVID-19-on-Higher-Education-around-the&usg=AOvVaw0gbf8UKLRzN_RyCTZ1sJq1 (дата обращения: 03.06.20021).

6. Internet usage statistics. The internet big picture: World internet users and 2020 population stats: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 03.06.2021).

7. Vectors of digital transformation // OECD digital economy papers. 2019. January. No. 273: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sipotra.it/wp-content/uploads/2019/03/VECTORS-OF-DIGITAL-TRANSFORMATION.pdf> (дата обращения: 04.06.2021).

8. *Zashchitina E.K., Pavlov P.V.* Higher Education Today: Mass or Individual Approach // Proceedings of the 2019 IEEE International Conference Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies IT and QM and IS 2019. September. 2019. P. 653—656.

References

1. *Zashchitina E.K.* Perekhod na distancionnoe obrazovanie: predposylki i posledstviya // Upravlenie v ekonomicheskikh i social'nyh sistemah. 2020. № (5): [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.journal-mes.ru>.

2. *Pavlov P.V., Zashchitina E.K.* Universitet mirovogo urovnya v epohu cifrovizacii // Vestnik RUDN. Ser. Ekonomika. 2020. T. 28. № 4. S. 681—699.

А.А. ПУГАЧЕВ

**Влияние коронакризиса на вектор развития
налоговой политики государств***

Аннотация. Происходящая трансформация экономики не обошла и сферу налогов и налогообложения. Техногенез развивается в различных направлениях: дистанционные налоговые сервисы, налоговое администрирование, налоговый контроль, межстрановая налоговая конкуренция, цифровые налоги, антикризисные налоговые меры. Рассмотрены направления этих изменений, оценено их развитие, влияние на экономику и последствия. Определены риски в области изменений налоговой политики в период коронакризиса и на этапе выхода из него, сформулированы предложения по их минимизации и предотвращению негативных последствий.

Ключевые слова: налоговая политика, бюджет, налоговая конкуренция, налоговые льготы, коронакризис, антикризисные налоговые меры, налоговое администрирование, цифровой налог.

Abstract. The ongoing economy transformation has not bypassed the sphere of taxes and taxation. Technogenesis is developing in various directions: digital tax services, tax administration, tax control, cross-country tax competition, digital taxes, anti-crisis tax measures. The directions of these changes are considered, their development, impact on the economy and consequences are evaluated. The risks in the field of changes in tax policy during the COVID-crisis and at the stage of recovery from it are identified, and proposals are formulated to minimize them and prevent negative consequences.

Keywords: tax policy, budget, tax competitive, tax benefits, COVID-crisis, anti-crisis tax measures, tax administration, digital tax.

УДК 336.225
ББК 65.04

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Пугачев А.А. Влияние коронакризиса на вектор развития налоговой политики государств // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 243—253.

Финансовая сфера сегодня находится в сплетении значимых, интересных процессов. Финансы, глобальные к началу XXI в., могут быть ограничены в один момент, а причина — никому из финансистов и не предвидевшаяся — не экономическая, не правовая, а коронавирус, пандемия и вызванный ими коронакризис. Финансы, обслуживающие экономику и социум, вдруг могут терять одновременно множество своих «заказчиков», оставаясь, однако, обеспечивающими непрерывность хозяйственных процессов на национальном уровне. Кроме того, цифровизация финансовой сферы — финансовые отношения сегодня во многом сопряжены с технологиями: удаленный доступ, электронные платежи, счета, криптовалюты, кибертехнологии, искусственный интеллект... Вот такие изменения, трансформации и даже техногенез...

Задумываешься, и невольно встает вопрос: «Не произойдет ли трансформация экономики в “постгуманитарную постэкономику — техномику” [3, 13—14]?».

В онтологическом аспекте эти процессы сегодня опережают гносеологию. Видится, что ключевая задача — не допустить разрыва между нашим пониманием, осознанием развития технологий в экономике, финансах, бизнесе, управлении и реальным их состоянием.

В рассматриваемом проблемном ключе налоги как важнейшая составляющая финансов исключением не являются. Во многом налоги в авангарде. Сделаем попытку взглянуть на проблему техногенеза с точки зрения изменений в налоговой политике государств. Пандемия коронавируса COVID-19 внесла здесь серьезные коррективы. Правительства приняли ряд беспрецедентных антикризисных налоговых мер по поддержке экономики.

С апреля 2020 г. в России внедрены следующие антикризисные налоговые меры:

- понижение тарифов страховых взносов до 15% для субъектов малого и среднего бизнеса [8];

- предоставление отсрочки по уплате налогов и взносов для организаций, относящихся к отраслям, включенных в перечень пострадавших;

- отмена налоговых проверок и взысканий для всех налогоплательщиков [5];

- возврат налога на профессиональный доход за 2019 г. самозанятым.

По данным FTA — Форума по налоговому администрированию ОЭСР [10], Россия, наряду с другими исследованными 106 налоговыми юрисдикциями по всему миру, ввела антикризисные налоговые меры в условиях коронавируса COVID-19 (табл. 1). Однако в разрезе направлений воздействия этих мер сложился существенный перекоп в сторону мер по поддержке бизнеса. По классификации ОЭСР, введены инструменты, направленные на увеличение денежных потоков бизнеса, — 10 мер, на увеличение денежных потоков домохозяйств — 2 меры, на поддержку потребления — 1 мера. Отметим отсутствие налоговых мер, направленных на поддержку занятости и инвестиций.

Таблица 1

Направления антикризисных налоговых мер, предпринятых отдельными странами (2020)

Направления антикризисных налоговых мер	РФ	США	ФРГ	Польша	Украина	Число стран, внедривших меры
Рост денежных потоков бизнеса	10	22	11	28	1	111
Рост денежных доходов домохозяйств	2	6	3	3	–	54
Поддержка здравоохранения	1	10	2	5	1	55
Поддержка занятости	–	3	–	4	–	29
Поддержка инвестиций	–	1	–	–	–	18
Поддержка	–	1	1	4	–	27

потребления						
Прочие меры налоговой поддержки	–	3	1	19	–	41

Составлено автором по: [10].

В России введены меры по основным направлениям и, в первую очередь, на поддержку бизнеса. Похожая ситуация сложилась и в Германии. В мире в целом более активно, чем в России, использовались меры поддержки домохозяйств и медицины. США стали флагманом по внедрению мер налоговой поддержки. Они задействованы по всем направлениям. Польша здесь выглядит также достойно, поскольку отличается широтой спектра мер поддержки.

Регионы России также снижают налоговые ставки по упрощенной системе, патентной системе, налогу на имущество организаций, транспортному налогу. Отличилась Тюменская область как газо- и нефтедобывающий регион с высокой бюджетной обеспеченностью. Регион снизил ставки по упрощенной системе налогообложения для всех налогоплательщиков. Стоимость патента на 2020 г. была установлена в размере 1 р. Пострадавшие от пандемии налогоплательщики освобождены от налога на имущество организаций и транспортного налога [2].

Что касается востребованности и практики применения антикризисных налоговых мер в России, то они оказались достаточно востребованными. Большинство налогоплательщиков, особенно малый бизнес, воспользовались отсрочками по уплате налогов и сборов, а также пониженными ставками страховых взносов. По данным проведенного в мае 2020 г. на фоне начала внедрения антикризисных налоговых мер исследования Центра стратегических разработок, в котором приняли участие более 1,5 тыс. организаций, большинство из них получили или в ближайшее время планируют воспользоваться отсрочками по уплате налогов и сборов, а также пониженными ставками страховых взносов. Так, 10—12% организаций воспользовались антикризисными налоговыми мерами, 12—18% — в процессе получения льгот, до 70% организаций планируют воспользоваться антикризисными налоговыми мерами в ближайшем будущем [1].

Конечно, антикризисные меры компенсируют последствия рецессии на этапе выхода из нее, но полагаем, что после кризиса налоговая нагрузка возрастет.

В России уже введен подоходный налог на проценты по банковским депозитам более 1 млн р., отменены льготные ставки по выплатам процентов и дивидендов из России, введена прогрессивная шкала налога на доходы граждан. Пока в России это мягкая прогрессия 15% для доходов свыше 5 млн р. в год, это примерно 65 тыс. дол. Это только в девять раз превышает среднюю заработную плату.

Вносятся изменения в соглашения об избежании двойного налогообложения России с Кипром, Люксембургом, Мальтой, Швейцарией, Нидерландами, Сингапуром, Гонконгом.

Интересный момент. Разворот сегодня в оценке налоговой политики происходит на наших глазах. Америка также стоит на перепутье. Министр финансов США Джанет Йеллен анонсировала налоговую реформу. Ключевым является отход от использования инструментов международной налоговой конкуренции, которые внедрены в 2018 г. с реформой президента Дональда Трампа. Тогда ставка федерального налога на прибыль корпораций была снижена с 35 до 21%, в результате США вышли из группы стран с наиболее высокими ставками корпоративного подоходного налога. Однако на фоне пандемии снижение ставок не привело к эффекту, на который рассчитывали — а именно, к росту налоговых поступлений за счет перемещения мобильной налоговой базы в рамках регистрации иностранных компаний в США. Сейчас налоговая реформа подразумевает повышение ставки с 21 до 28%. Предполагается, что это позволит привлечь порядка 2 трлн дол., из которых 700 млрд — за счет прекращения перемещения прибылей в международные юрисдикции [7].

«Наши налоговые поступления, похоже, на самых низких уровнях в памяти нескольких поколений, — отметила Дж. Йеллен, — Выбирая путь налоговой конкуренции, мы пренебрегли конкуренцией через навыки наших рабочих и силу нашей инфраструктуры. Это конкуренция себе во вред» [7].

Помимо повышения ставки, США предлагают странам G20 ввести единую минимальную ставку налога на прибыль корпораций.

И, по словам Дж. Йеллен, кстати, первой женщины на посту министра финансов в США, это находит отклик у многих членов. Учитывая, что сегодня G20 — 80% мирового ВВП, то это очень серьезная реформа, которая в случае реализации окажет влияние на всю совокупность международных экономических отношений.

Что же предлагают США? Получается — это международная налоговая координация вместо конкуренции? То есть разворот на 180 градусов. Даже страны ЕС, как наиболее успешного и глубокого интеграционного объединения, на протяжении уже более полувека не могут прийти к решению по налоговой консолидации, в то время как консолидация в денежно-кредитной сфере давно достигнута. Гармонизация налогообложения идет медленно, успехи достигнуты только по НДС. Денежно-кредитная политика ЕЦБ гармонизирована в гораздо большей степени, нежели налоговая политика, поэтому страны-члены не спешат отдавать налоговые полномочия союзному правительству, пока могут использовать этот мощный рычаг самостоятельно.

Пойдут ли на предложение Минфина США другие страны G20? Россия пока не дала ответ. В России сегодня ставка налога на прибыль составляет 20%. Она была снижена с 24% в 2009 г. для поддержки экономики в период глобального финансового-экономического кризиса. До настоящего времени, после неудачного повышения НДС в России с 18 до 20% в 2020 г., вопрос о повышении ставки налога на прибыль организаций не стоит.

Налоговая координация оказывает негативное влияние и на экономику. Дело в том, что различие налоговых ставок между странами рассматривается как обоснованное. Для страны оптимальные объемы государственных доходов зависят от оптимального объема расходов. Он, в свою очередь, зависит от спроса на общественные блага, определяемого возрастной структурой и плотностью населения, среднедушевыми доходами и другими факторами. Эти детерминанты варьируются от страны к стране, что и обуславливает различие ставок.

Сомнительно, на наш взгляд, что государства G20 придут к консенсусу в столь сложном вопросе налоговой гармонизации. Вот уже несколько лет ведущие страны ОЭСР не могут решить вопрос с налогообложением IT-компаний. И раньше 2025 г. компромисса, очевидно, не достигнуто. Есть предложения по налогу с оборота, по

косвенному налогу по месту потребления IT-услуги. ОЭСР и G20 рассматривают два варианта. Первый — налогообложение компании в юрисдикциях, где она существенно представлена на рынке, второй — налогообложение во всех юрисдикциях, где осуществляется деятельность [9]. Схема в целом простая, однако возникает масса нюансов: какие виды деятельности подпадают, как оценить представительство на рынке и является ли таковым интернет-офис, необходим ли минимальный порог операций в сфере IT в целях налогообложения?

На наш взгляд, наиболее целесообразным является налог по привязке к стране банковской карты, с которой совершена оплата. В таком случае, если гражданин России — покупатель цифровой услуги или продукта, приобретает их, находясь на отдыхе в Турции, у американской IT-компании, зарегистрированной в Ирландии, то налог попадает в бюджет России, т. е. той страны, гражданином которой является покупатель, а фактически страны, где находится источник средств для совершения покупки. В случае налога с оборота, налог попадет в бюджет Ирландии, а в случае налогообложения по месту покупки (что можно установить, например, с использованием ip-адресов) — в бюджет Турции.

Вопросы поддержки экономики в условиях кризиса приводят к рискам исполнения бюджетов. И если для федерального бюджета в России эти риски пока нивелированы возможностью использования накопленной подушки Фонда национального благосостояния, то для региональных и местных бюджетов проблема стоит острее. Очевидно, произойдет наращивание государственного долга. Важно, что, если это будут бюджетные кредиты с возможностью их последующего субсидирования федеральным центром, то это станет существенным смягчением для региональных и местных бюджетов, по аналогии с мерами, принятыми для повышения финансовой устойчивости региональных и местных бюджетов в предыдущие годы. Но если это будут коммерческие банковские кредиты или долговые ценные бумаги, то возникающая дополнительная процентная нагрузка усугубит ситуацию с финансовой устойчивостью региональных и местных бюджетов. Это актуализирует дискуссии о поисках источников наращивания налогового потенциала.

Подчеркнем, что по-прежнему необходимо дальнейшее повышение качества налогового администрирования. Мы подробно рассматривали этот вопрос на страницах журнала ранее [6, 197—206]. И это как раз о техногенезе. Федеральная налоговая служба Российской Федерации признана сегодня одним из ведущих налоговых ведомств в области налогового администрирования за счет цифровой трансформации. Это позволяет сделать бизнес более прозрачным для налогоплательщиков, повысить собираемость налогов, а для налогоплательщиков — снизить административную нагрузку.

В настоящее время ФНС РФ разработала для налогоплательщиков 66 электронных сервисов, 5 мобильных приложений, 12 государственных реестров, 87 наборов открытых статистических данных [4]. Безусловно, для налогоплательщика это экономия времени. Личные кабинеты отражают всю необходимую информацию по состоянию расчетов по налогам и сборам, существенно упрощают взаимодействие с налоговой службой, регистрационные действия бизнеса, получение государственных мер поддержки, поскольку оно осуществляется в дистанционном электронном формате. Осуществить налоговые платежи можно прямо из личного кабинета налогоплательщика. Для бизнеса важно и сокращение числа выездных налоговых проверок, например, в 2020 г. их было проведено 6 тыс., что на треть меньше, чем в 2019 и несопоставимо с числом проверок в 1990-х — начале 2000-х гг., когда проверками ежегодно были охвачены 50% налогоплательщиков.

В то же время возникшая концентрация данных о налогоплательщике в едином источнике, одном ведомстве, в том числе персональных данных, личной и финансовой информации о физических лицах, приводит к многократному увеличению их неправомерного использования или использования в целях, которые налогоплательщиком не осознаются как возможные при размещении данных в личном кабинете или на портале ФНС РФ, в нежелательных для него целях. В первую очередь, эти риски возрастают в связи с повышением заинтересованности злоумышленников и киберпреступников. Поэтому развитие цифровых налоговых сервисов требует опережающего развития технологий защиты данных в интересах государства и налогоплательщиков. Тем более что ФНС РФ не останавливается на

задачах сугубо фискальных. В период пандемии ФНС разработала блокчейн-платформу для реализации сопровождения льготного кредитования малого бизнеса пострадавших отраслей (причем без подготовки, в кратчайшие сроки, можно сказать в онлайн режиме), а также осуществляла распределение помощи семьям с детьми.

Вместе с тем развитие налогового администрирования до настоящего уровня в России не решает проблемы обеспечения содействия налоговой политики экономическому росту. Поэтому большой ложкой дегтя для развитого техногенеза в области налогового администрирования в России является то, что фискальная функция налогов сегодня развита в ущерб стимулирующей функции, когда прирост налоговых поступлений обеспечен не за счет экономического роста, а за счет достигнутого уровня развития налогового администрирования, например, в 2020 г. прирост поступлений НДФЛ в бюджет составил 7,5% относительно 2019 г., что на 4 п.п. выше прироста фонда оплаты труда. Налоговое администрирование безусловно должно развиваться, но необходимо, чтобы налоги в целом способствовали экономическому росту. Поскольку сегодня в России второго не наблюдается, то это может быть серьезной долгосрочной проблемой.

В заключение подчеркнем следующее. Во-первых, наиболее существенный риск антикризисной налоговой политики — это наращивание долга регионов и муниципальных образований. Во-вторых, полагаем, что после кризиса налоговая нагрузка возрастет. Уже сейчас принято решение о введении НДФЛ на проценты по банковским депозитам более 1 млн р., об отмене льготных ставок по выплатам процентов и дивидендов из России. Вносятся изменения в соглашения об избежании двойного налогообложения с Кипром, Люксембургом, Мальтой, Швейцарией, Нидерландами, Сингапуром, Гонконгом. В-третьих, антикризисные меры компенсируют последствия рецессии на этапе выхода из нее. В-четвертых, необходимо дальнейшее повышение качества налогового администрирования с одновременным развитием стимулирующей функции налогов. И, в-пятых, необходимы система оценки эффективности антикризисных налоговых мер и соответствующий бюджетный контроль.

В целом, налоговая политика становится все более привлекательным инструментом государственного регулирования.

Видимо, здесь в будущем развернутся ключевые баталии. Поворот вектора происходит на наших глазах.

Литература

1. Еженедельный мониторинг бизнес-климата // Центр стратегических разработок: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/ru/news/onlayn-efir-tssr-poslednie-dannye-o-sostoyanii-delovoy-sredy-rossii/> (дата обращения: 30.04.2021).

2. Льготы для малого и среднего бизнеса в связи с коронавирусом в 2020 году // Главбух: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.glavbukh.ru/art/99651-lgoty-dlya-malogo-i-srednego-biznesa-v-svyazi-s-koronavirusom-v-2020-godu> (дата обращения: 15.05.2021).

3. *Осинов Ю.М.* Сама себе цифра // *Философия хозяйства*. 2019. № 2. С. 11—15.

4. Открытые данные // ФНС РФ: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nalog.ru/opendata/> (дата обращения: 15.05.2021).

5. Постановление Правительства РФ № 409 от 02.04.2020 (ред. от 07.11.2020) «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики».

6. *Пугачев А.А., Парфенова Л.Б.* Налоги в цифровой экономике и цифровые технологии в налогообложении: дилемма или диалектика // *Философия хозяйства*. 2019. № 4. С. 197 — 206.

7. Стали известны детали новой налоговой программы Байдена // GAAP.RU: [Электронный ресурс]. URL: <https://gaap.ru/news/162939/> (дата обращения: 30.04.2021).

8. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 102-ФЗ от 01.04.2020.

9. Reports on the Pillar One and Pillar Two Blueprints // OECD: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/public-consultation-document-reports-on-pillar-one-and-pillar-two-blueprints-october-2020.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).

10. Tax Administration Responses to COVID-19: Business continuity considerations // OECD Forum on Tax Administration: [Электронный ресурс]. URL: [https://www.oecd.org/tax/forum-on-tax-](https://www.oecd.org/tax/forum-on-tax-260)

administration/news/tackling-the-coronavirus-oecd-forum-on-tax-administration-publishes-advice-on-business-continuity-considerations-for-tax-administrations.htm (дата обращения: 30.04.2021).

References

1. Ezhenedel'nyj monitoring biznes-klimata // Centr strategicheskikh razrabotok: [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.csr.ru/ru/news/onlayn-efir-tssr-poslednie-dannye-o-sostoyanii-delovoy-sredy-rossii/> (data obrashhenija: 30.04.2021).
2. L'goty dlja malogo i srednego biznesa v svyazi s koronavirusom v 2020 godu // Glavbuh: [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.glavbukh.ru/art/99651-lgoty-dlya-malogo-i-srednego-biznesa-v-svyazi-s-koronavirusom-v-2020-godu> (data obrashhenija: 15.05.2021).
3. *Osipov Ju.M.* Sama sebe cifra // *Filosofija hozjajstva*. 2019. № 2. S. 11—15.
4. Otkrytye dannye // FNS RF: [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.nalog.ru/opendata/> (data obrashhenija: 15.05.2021).
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF №409 ot 02.04.2020 (red. ot 07.11.2020) «O merah po obespecheniju ustojchivogo razvitija jekonomiki».
6. *Pugachev A.A., Parfenova L.B.* Nalogi v cifrovoj jekonomike i cifrovye tehnologii v nalogooblozhenii: dilemma ili dialektika // *Filosofija hozjajstva*. 2019. № 4. S. 197 — 206.
7. Stali izvestny detali novoj nalogovoj programmy Bajdena // GAAP.RU: [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://gaap.ru/news/162939/> (data obrashhenija: 30.04.2021).
8. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v chasti pervuju i vtoruju Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» № 102-FZ ot 01.04.2020.
9. Reports on the Pillar One and Pillar Two Blueprints // OECD: [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/public-consultation-document-reports-on-pillar-one-and-pillar-two-blueprints-october-2020.pdf> (data obrashhenija: 15.05.2021).
10. Tax Administration Responses to COVID-19: Business continuity considerations // OECD Forum on Tax Administration: [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.oecd.org/tax/forum-on-tax->

administration/news/tackling-the-coronavirus-oecd-forum-on-tax-administration-publishes-advice-on-business-continuity-considerations-for-tax-administrations.htm (data obrashhenija: 30.04.2021).

Т.С. СУХИНА

Экология и цифровизация: вызовы времени*

Аннотация В статье рассматриваются экологические аспекты изменений, происходящих в обществе под влиянием стремительной и всеобъемлющей цифровизации жизни. Раскрываются экологические и энергетические проблемы, связанные с развитием технологий, радикальным увеличением скорости и объемов анализа информации, повсеместным распространением и использованием интернета, негативным влиянием дата-центров. Экологи и энергетики все чаще подчеркивают фундаментальный характер противоречия между экономическим ростом и сохранением экосистем планеты. Представлены наметившиеся пути альтернативного развития экономики. Показывается, что кардинальные изменения в сфере экологии и энергетики, которым способствует переход к цифровой экономике, обуславливают необходимость углубленных комплексных исследований, направленных на выявление возникающих рисков и выработку механизмов их предотвращения.

Ключевые слова: цифровизация, экология, цифровая трансформация, интернет, возобновляемые источники энергии, энергоэффективность.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сухина Т.С. Экология и цифровизация: вызовы времени // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 254—263.

Abstract. The article examines the environmental aspects of the changes taking place in society under the influence of the rapid and comprehensive digitalization of life. The article reveals environmental and energy problems associated with the rapid development of technologies, the acceleration of the speed and volume of information analysis, the ubiquity and use of the Internet, the negative impact of data centers. Environmentalists and power engineers are increasingly emphasizing the fundamental nature of the contradiction between economic growth and the preservation of the planet's ecosystems. The outlined ways of alternative economic development are presented. It is shown that the cardinal changes in the field of ecology and energy, which are facilitated by the transition to the digital economy, necessitate in-depth comprehensive studies aimed at identifying emerging risks and developing mechanisms for their prevention.

Keywords: digitalization, ecology, digital transformation, internet, renewable energy sources, energy efficiency.

УДК 338, 504
ББК 20.18, 65.05

Говоря о цифровизации, мы не задумываемся над тем, что резервы природы могут быть исчерпаны. Но уже становится понятно, что возможность бесконечного экономического роста без ущерба для планеты — это миф. Безусловно, мы можем найти более эффективные способы производства благ цивилизации, но нет способа производить их из воздуха. Даже если переключить экономику на развитие сферы образования, культуры и спорта, возникнет потребность в университетах, концертных и спортивных залах, для которых нужны вполне материальные затраты. Тем не менее цифровая трансформация рассматривается сейчас как некая панацея и возможность не только перейти к экономическому росту, но и решить актуальные экологические проблемы, в том числе связанные с изменением климата.

Стремительное развитие умных технологий можно объяснить тем, что, столкнувшись с пределами экономического роста, человечество пытается найти инструменты, механизмы и

возможности, которые бы позволили получить приемлемую альтернативу. Постепенно приходит понимание того, что необходимо переходить к концепции устойчивого развития — решению экологических, социальных и экономических проблем в комплексе. Но пока цифровая трансформация рассматривается как возможность перейти именно к экономическому росту.

Благодаря созданию новых технологий и материалов преобразуется не только производство, но и вся наша жизнь, трансформируются целые отрасли производства, радикально меняются инновации в области биологии и материаловедения, появляются новые и отмирают старые профессии, изменяется социальная структура общества. Доступность альтернативных источников энергии может не только улучшить жизнь людей, но и привлечь компании, которые смогут использовать локальные людские ресурсы и способствовать росту местной экономики. Но при этом многие существующие рабочие места в электроэнергетике или в компаниях — операторах энергосетей будут утрачены или преобразованы.

Важно учитывать, что характерное для цифровой трансформации стремление к повышению гибкости производства и быстрому реагированию на пожелания потребителей может привести к ускорению жизненного цикла продукции и стремительному устареванию изделий, что будет способствовать увеличению спроса на ресурсы и росту количества отходов. Более того, новым цифровым технологиям самим необходимы дополнительные ресурсы, например, редкоземельные металлы для чипов и другие материалы для цифрового оборудования. Таким образом, с одной стороны, цифровизация в перспективе может дать возможный выигрыш в экологии, а с другой — способствовать возникновению социальных угроз для работников, их семей и населения в целом [2].

Помимо преобразующего воздействия на промышленность и общество, цифровая трансформация способствует появлению возможностей для исследования и прогнозирования направлений устойчивого развития для решения экологических проблем. Использование этих возможностей и упреждающее управление рисками, стремительное развитие новой науки и технологий

неизбежно потребуют больше творчества и гибкости от существующих структур управления. Для успешного управления в новых условиях потребуются активное привлечение политиков, регулирующих органов, ученых, гражданского общества, коренных народов, предпринимателей, предприятий и инвесторов [2].

Начавшийся в 1950-х гг. период «великого ускорения», характеризующийся стремительными темпами экономического роста, добычи и потребления полезных ископаемых, небывалыми масштабами потребления, значительным увеличением численности населения Земли, может привести, по мнению ряда ученых, к беспрецедентным изменениям существующих экологических систем: существенной потере биоразнообразия, сокращению лесов, нехватке пресной воды, росту заболеваемости, повсеместному загрязнению вод мирового океана, вследствие этого — к сокращению рыбных запасов и созданию «мертвых зон». Ученые опасаются, что такие серьезные широкомасштабные воздействия на системы Земли в результате деятельности человека могут привести к запуску каскадных «цепочек отрицательной обратной связи», а впоследствии к переходу земной системы в совершенно новое состояние, характеризующееся периодом экологического нарушения равновесия.

Но в то же время, когда это огромное ускорение человеческой деятельности привело к беспрецедентному давлению на наши земные экосистемы, произошла невероятная трансформация научно-технического потенциала, позволившая не только понимать, но и моделировать сложные системы с невообразимыми ранее скоростью и масштабом. Сегодня современный стандартный планшет обладает мощностью обработки, эквивалентной мощности более 5000 настольных компьютеров середины 1980-х. Хранение 1 ГБ данных в 1997 г. потребовало бы затрат более 10 000 дол. в год, а сегодня это стоит примерно 0,03 дол. В 2003 г. был секвенирован первый геном человека, на это ушло более десяти лет и потрачено 2,7 млрд дол., а сегодня геном можно секвенировать за несколько часов, затратив меньше 1000 дол. [6, 3—4].

Цифровизация и цифровая трансформация предполагают повсеместное использование интернета. Каждый день интернетом пользуются около 4,6 млрд человек. Каждую минуту отправляется

около 350000 сообщений. Мы склонны думать об интернете как о чем-то эфемерном — отчасти благодаря таким терминам, как «веб» и «облако», — но серверы, на которых находятся все эти данные, вполне материальны, их необходимо поддерживать в охлаждаемой контролируемой среде, поэтому они требуют большого количества энергии и производят огромное количество выбросов углекислого газа, что неизбежно создает угрозу для окружающей среды.

Количество ежегодных выбросов CO₂, связанных с интернетом, можно сравнить с выбросами от 31 млн автомобилей во всем мире или от 5,674 полетов «Боинг-747» на Луну и обратно, или с выбросами Шри-Ланки, Гонконга, Сингапура, Филиппин и Монголии в совокупности [5].

По оценкам исследований, к 2025 г. IT-индустрия может использовать 20% всей производимой электроэнергии и выделять до 5,5% мировых выбросов углерода. Это больше, чем общий объем выбросов в большинстве стран, за исключением Китая, Индии и США [7].

Сегодня в мире к интернету подключено около 30 млрд единиц техники, включая персональные компьютеры, смартфоны, телевизоры и планшеты, и множество устройств, использующих интернет более тонко, — умные транспортные средства, умные домашние системы и смарт-часы — то, что называют «интернет вещей».

Такие подключенные к интернету технологии уже играют ключевую роль в переходе к более чистому энергетическому будущему; например, домашние интеллектуальные счетчики, внедряемые во многих странах, помогают контролировать и, в результате, сокращать потребление энергии в домашних хозяйствах. Но по мере того, как мы полагаемся на интернет для обработки, использования и хранения все большего объема данных, растут затраты электроэнергии, что вынуждает нас задумываться над тем, чтобы сделать интернет более устойчивым и экологичным.

Растущая доля потребления энергии в IT-индустрии приходится на центры обработки данных, или дата-центры. Это здания, используемые для хранения данных и компьютерного оборудования, которые почти всегда подключаются непосредственно к локальной электросети, что в большинстве

случаев означает, что они в основном используют невозобновляемые источники энергии.

Многие IT-гиганты пытаются уменьшить воздействие на окружающую среду, чтобы сократить расход электроэнергии. Например, компания «Google» объявила о намерении к 2030 г. стать первой крупной компанией, которая будет в режиме 24/7 получать энергию для всех своих дата-центров и кампусов только из возобновляемых источников (сейчас речь идет о получении энергии из разных источников и оплате выработки дополнительной энергии из возобновляемых источников), что позволит создать к 2025 г. 12 тыс. рабочих мест по всему миру. Кроме того, компания взяла на себя обязательство к 2030 г. создать новые электростанции, вырабатывающие энергию из возобновляемых источников, суммарной мощностью 5 ГВт, что позволит не только сократить выбросы в атмосферу, но и создать еще 8 тыс. рабочих мест [3].

Альтернативой могут стать экологичные поисковые системы, например, Ecosia, которая использует 100% возобновляемой энергии, а для борьбы с климатическими изменениями высаживает деревья.

В последнее десятилетие также прослеживается тенденция перехода веб-хостинга на возобновляемые источники энергии. Чтобы уменьшить воздействие на окружающую среду огромного потребления энергии, часть компаний предпочитает покупать зеленые сертификаты — платежи, которые теоретически компенсируют выбросы углекислого газа, поддерживая низкоуглеродную генерацию энергии, — в то время как другие непосредственно используют энергию из возобновляемых источников [8].

В интернете появились общедоступные инструменты, позволяющие оценить углеродный след от посещения веб-сайтов, например, Website Carbon Calculator [11]. Открывая любую страницу в интернете, мы генерируем углеродный след, например, при посещении страницы «Ведомостей» около 1,55 г CO₂, в зависимости от его местоположения и скорости соединения, что гораздо больше, чем посещение «Google», чья относительно минималистская домашняя страница генерирует только около 0,2 г за посещение, но гораздо лучше, чем «тяжелый» «Daily Mail online», домашняя

страница которого генерирует 54,0 г за посещение. Учитывая, что последние два веб-сайта посещают около 5 млрд и 300 млн раз в день, соответственно становится понятно, из чего складываются наши интернет-выбросы углерода [6].

Выбирая минимализм, веб-дизайнеры помогают уменьшить энергию, необходимую для загрузки изображений, видео и даже специализированных шрифтов, которые все требуют дополнительных файлов для хранения. Но, конечно, такой стиль оформления вряд ли станет популярным у многих интернет-пользователей.

Растущее энергопотребление интернета связано с двумя тенденциями. Во-первых, контент становится все более ресурсоемким — растет роль видео, Средний размер веб-страницы (определяемый как средний размер из 500 000 самых популярных веб-сайтов) увеличился с 0,45 Мб в 2010 г. до 1,7 Мб в июне 2018 г. Для мобильных сайтов средний вес страницы вырос в десять раз с 0,15 Мб в 2011 г. до 1,6 Мб в 2018 г. Используя различные методы измерения, другие источники сообщают о средних размерах страниц до 2,9 Мб в 2018 г. [9].

Рост трафика данных превосходит достижения в области энергоэффективности (энергия, необходимая для передачи 1 МБ данных через интернет), что приводит ко все большему потреблению энергии. Кроме того, «более тяжелые» веб-сайты не только увеличивают потребление энергии в сетевой инфраструктуре, но и сокращают срок службы компьютеров, поскольку для доступа к ним требуются более мощные компьютеры. Значит, необходимо производить больше компьютеров, что является очень энергоемким процессом.

Вторая причина роста потребления энергии в интернете заключается в том, что пользователи все больше времени проводят онлайн. До появления портативных вычислительных устройств и беспроводного доступа к сети подключались только тогда, когда имели доступ к настольному компьютеру в офисе, дома или в библиотеке. Теперь мы живем в мире, в котором независимо от того, где мы находимся, мы всегда в режиме онлайн, иногда через несколько устройств одновременно.

Всегда включенный доступ в интернет сопровождается моделью облачных вычислений, позволяющей использовать более энергоэффективные пользовательские устройства за счет увеличения энергопотребления в центрах обработки данных. Все чаще для того, что раньше делалось в автономном режиме — подготовка документа, заполнение электронной таблицы или хранение данных, — теперь требуется постоянный доступ к сети, что совсем не сочетается с использованием возобновляемых источников энергии, таких как ветер и солнечная энергия, которые не всегда доступны.

Оригинальный вариант решения этих проблем предлагают создатели веб-сайта журнала «Low Tech», который полностью питается от солнечной энергии: он имеет собственный энергонакопитель и отключается во время затяжной пасмурной погоды. Низкотехнологичный веб-дизайн позволил уменьшить средний размер страницы блога в пять раз по сравнению со старым дизайном, при этом визуальная привлекательность сайта возросла [9].

Выбор статического сайта, размытые изображения, шрифт по умолчанию и отсутствие логотипа, опции чтения в автономном режиме, отключение в пасмурную погоду и другие приемы позволили снизить потребление энергии намного больше среднего и создать веб-сайт, работающий только на солнечной энергии. Сайт использует так мало энергии, что может быть запущен на мини-компьютере с вычислительной мощностью мобильного телефона, для этого нужно от 1 до 2,5 Вт [9].

Интересное решение представляет веб-платформа «Solar Protocol», размещенная в сети серверов на солнечных батареях, расположенных по всему миру. Когда пользователь посещает сайт, его содержимое доставляется с сервера, получая в это время наибольшее количество солнечной энергии. Разрешение веб-сайта также динамически изменяется в зависимости от энергии, генерируемой солнечной панелью [10].

Когда солнечная энергия или уровень батареи опускаются ниже определенного порога, например, в пасмурный день, веб-сайты работают с более низким разрешением, даже могут перейти к базовому текстовому формату.

Таким образом, совместная задача дизайнеров и инженеров заключается в масштабировании на месте аналогичных технологий производства энергии, чтобы помочь запустить значительное количество сайтов в интернете. Тонкие изменения в изображениях или разрешение страницы, сделанные в периоды слабого ветра или низкой солнечной генерации, могут оказать значительное влияние на потребление энергии, оставаясь незамеченными пользователями.

Для предприятий преимущества использования таких технологий заключаются не только в снижении затрат на электроэнергию, но и в повышении деловой репутации, благодаря повышенной общественной озабоченности по поводу устойчивости.

Мы привыкли считать, что для бумажной печати нужно срубить дерево, а от электронного письма никто пострадать не может. Но, по данным портала «Climatecare» [11], углеродный след одного мейла — от 4 до 50 г, в зависимости от цвета и количества изображений. Получается, что электронные письма экологичнее и быстрее, но совсем не безвредны [4].

Вся деятельность в интернете материальна. Объем обрабатываемых данных растет, а вместе с ним растут вычислительные мощности и потребление электроэнергии.

Большая доля потребления энергии в интернете приходится на хранение и потоковое воспроизведение музыки и видео. Согласно исследованию проекта «The Shift», 80% всех данных в сети — это видео. На долю онлайн-видео, доступных на различных платформах, приходится почти 60% глобальной передачи данных. Потоковое воспроизведение десятиминутного видео в HD-качестве на смартфоне сравнимо по энергозатратам с использованием микроволновки (2 тыс. Вт) в течение пяти минут на максимальной мощности [1].

Конечно, речь не идет об отказе от использования интернета, просмотра фильмов и прослушивания музыки, но необходимо ясное осознание того, что все наши действия в интернете тоже необходимо упорядочить: отказаться от лишних кликов, удалять ненужные письма и файлы и т. д., т. е. стремиться соблюдать правила цифровой экогигиены так же, как мы стремимся отказаться от сверхпотребления вполне материальных вещей. Кардинальные изменения в сфере экологии и энергетики, которым способствует

переход к цифровой экономике, обуславливают необходимость в углубленных комплексных исследованиях, направленных на выявление возникающих рисков и выработку механизмов их предотвращения

Литература

1. Алабужин И. Энергоемкая цифровизация: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/01/17/854376-energouemkaya-tsifrovizatsiya> (дата обращения: 10.06.2021).

2. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Экологические и энергетические проблемы четвертой промышленной революции: правовые аспекты // *Lex russica* (Русский закон). 2019. № 10. С. 53—62.

3. Google взяла на себя новые обязательства в борьбе с изменениями климата: [Электронный ресурс]. URL: https://www.newsru.com/hitech/15sep2020/google_carbon.html (дата обращения: 10.06.2021).

4. ClimateCare: [Электронный ресурс]. URL: www.climatecare.org/resources/news/infographic-carbon-footprint-internet/ (дата обращения: 10.06.2021).

5. Green Web Hosting: How does it work and what are the benefits? | Going Green | The Earth Times: [Электронный ресурс]. URL: earthtimes.org/going-green/green-web-hosting-how-benefits/3022/ (дата обращения: 10.06.2021).

6. Harnessing the Fourth Industrial Revolution for Life on Land WEF_Harnessing_4IR_Life_on_Land.pdf (weforum.org): [Электронный ресурс]. URL: www3.weforum.org/docs/WEF_Harnessing_4IR_Life_on_Land.pdf (дата обращения: 10.06.2021).

7. Kettle J. By 2025 the IT industry could use 20% of all electricity produced. How can we make it sustainable? // World Economic Forum (weforum.org): [Электронный ресурс]. URL: www.weforum.org/agenda/2021/06/the-internet-consumes-extraordinary-amounts-of-energy-here-s-how-we-can-make-it-more-sustainable/ (дата обращения: 10.06.2021).

8. Kettle J. The internet consumes extraordinary amounts of energy. Here's how we can make it more sustainable: [Электронный ресурс]. URL: <https://theconversation.com/the-internet-consumes->

extraordinary-amounts-of-energy-heres-how-we-can-make-it-more-sustainable-160639 (дата обращения: 10.06.2021).

9. Low-tech Magazine: [Электронный ресурс]. URL: solar.lowtechmagazine.com/about.html (дата обращения: 10.06.2021).

10. Solarprotocol: [Электронный ресурс]. URL: http://solarprotocol.net/call.html (дата обращения: 10.06.2021).

11. Website Carbon Calculator | How is your website impacting the planet?: [Электронный ресурс]. URL: www.websitecarbon.com (дата обращения: 10.06.2021).

References

1. *Alabuzhin I.* Energoemkaya cifrovizaciya: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/01/17/854376-energoemkaya-tsifrovizatsiya> (data obrashcheniya: 10.06.2021).

2. *ZHavoronkova N.G., SHpakovskij YU.G.* Ekologicheskie i energeticheskie problemy chetvertoj promyshlennoj revolyucii: pravovye aspekty // *Lex russica (Russkij zakon)*. 2019. № 10. S. 53—62.

3. Google vzyala na sebya novye obyazatel'stva v bor'be s izmeneniyami klimata: [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.newsru.com/hitech/15sep2020/google_carbon.html (data obrashcheniya: 10.06.2021).

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Е.С. ЗОТОВА

Дискуссия памяти В.Т. Рязанова: от экономического либерализма к хозяйственному дирижизму*

Аннотация. Представлен обзор выступлений на состоявшемся 17 марта 2021 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в онлайн-режиме теоретическом семинаре, посвященном памяти профессора В.Т. Рязанова, на тему: «Экономика среди хозяйства: от экономического либерализма к хозяйственному дирижизму».

Ключевые слова: экономика, хозяйство, экономический либерализм, хозяйственный дирижизм, постглобальная и постлиберальная параэкономика, В.Т. Рязанов.

Abstract. The article presents a review of reports at the theoretical seminar which took place on March 17, 2021 on Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University in the online-format devoted to the professor V.T. Ryazanov's memory on a subject «Economics among the Economy: from Economic Liberalism to Economic Dirigism».

Keywords: economics, economy, economic liberalism, economic dirigism, postglobal and postliberal paraeconomy, V.T. Ryazanov.

Организаторы традиционного теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли», состоявшегося в онлайн-формате на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 17 марта 2021 г., посвященном памяти профессора В.Т. Рязанова, —

*В сокращенном варианте обзор выступлений см.: [1].

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Дискуссия памяти В.Т. Рязанова: от экономического либерализма к хозяйственному дирижизму // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 267—284.

лаборатория философии хозяйства и научный совет «Центр общественных наук МГУ» — так сформулировали вынесенные на рассмотрение аудитории проблемы: «Эпоха глобалистского экономического либерализма с негласным беспредельным дирижизмом в его сердцевине заканчивается, наступает эпоха хозяйственного дирижизма с подчиненной ему постглобальной и постлиберальной параэкономикой. Если не это, то что?».

Открывая заседание, ведущий — д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) — сказал несколько слов о выдающемся ученом, авторе ряда фундаментальных трудов по экономике, ставших классическими уже при его жизни, профессоре В.Т. Рязанове, памяти которого посвящено заседание, а также представил монографию «Коронованная пандемия и зачарованный мир» [2], в которой опубликована последняя статья Виктора Тимофеевича.

Далее Ю.М. Осипов, заметил, что в пояснении к семинару, называемом в нашем ученом кругу обычно «объяснилкой», выражена его точка зрения на поднимаемую для дискуссии проблему — перехода от всевластного экономического глобалистского дирижизма ко все более потребному, во всяком случае для России, хозяйственному дирижизму, способному ограничить, а может, и вовсе унять, взяв под всеобъемлющий контроль, влетающий в Россию из-за океана экономический глобалистский дирижизм и обеспечить реализацию актуальных социохозяйственных задач, стоящих перед Россией, примерно так, как это делается сейчас в оборонке.

«Над решением столь грандиозной задачи, — сказал Ю.М. Осипов, — как раз много размышлял профессор В.Т. Рязанов, памяти которого мы посвятили сегодняшний семинар. Так вот, Виктор Тимофеевич, понимая всю сложность стоявшей перед страной перестроенческой задачи, выдвинул идею “двухконтурной экономики”, т. е. наличия части хозяйства и экономики, управляемых из центра и, скажем так, остальной, как бы самовольной, хоть и частично подконтрольной центру части, а также идею “социализации банков”, то бишь подчинения банковского-

финансовой системы общенациональным нуждам суверенного хозяйствования в России.

Да, это в целом правильные идеи, но как их выполнить, ежели у нас, во-первых, слишком далеко зашедшая экономическая, технологическая, культурная, цивилизационная зависимость от Запада, которую мы сами на себя в решающей мере и напялили; во-вторых, правящие круги совсем не склонны к столь резкому и не очень-то приятному для них повороту событий; в-третьих, это, безусловно, весьма по-своему и рискованно, прежде всего из-за отсутствия в стране эффективной системы управления хозяйством и экономикой с острой нехваткой потребных для этого кадров — со светлой головой, гражданской ответственностью, рабочей энергией и чистыми руками.

Однако делать что-то радикальное в обозначенном направлении все равно придется, причем в обстановке уже ведущейся со стороны Запада гуманитарно-цивилизационно-геостратегической войны против России, для которой эта война фактически имеет явно колониальный со стороны противника характер. Да, военная мощь — сопротивленческая — хорошо, а вот излишняя погруженность в колониального пошиба экономический глобалибердирижизм — совсем не хорошо, причем мало что погруженность в некие воспроизводственные потоки, а то ведь, если говорить о нашей нынешней экономической элите, то и в сам ”гостеприимный”-де Запад тоже, как раз вполне по-компрадорски наивно, неумно и бессовестно.

В общем, совершенно вроде бы невозможная историческая задача: освободиться от западной экономической опеки и подчинить собственную экономику национальным интересам, проще говоря — национализировать национальную экономику, поставив ее на службу своему хозяйству, обществу, нации.

Да, сложно, тяжело, тошно, невозможно, но, увы, придется-таки что-то этакое делать — не этим, так другим, ибо ситуация в мире и в стране не стоит на месте, а стремительно меняется, причем пока вовсе еще не в нашу — российскую — пользу, и каждый пропущенный в нерешительном бездействии день в обстановке хоть

и не объявленной, но активно ведущейся межмировой войны работает сегодня против страны, ее народа и ее же бездумной элиты. Пора это осознать, и пора начинать действовать по-иному и по-крупному, а нам с вами самое время пообсуждать сию не очень-то желающую обсуждаться проблему».

В своем выступлении «Проект социализации финансов профессора В.Т. Рязанова как продолжение идеи естественного экономического порядка Сильвио Гезелля» к.э.н., доцент, и.о. заведующего кафедрой экономической теории СПбГУ **А.Ю. Протасов** отметил, что профессор Виктор Тимофеевич Рязанов всегда гармонично сочетал свои фундаментальные теоретические рассуждения о судьбах России с нетривиальными и оригинальными проектами, разрабатываемыми им для переустройства современного хозяйственного строя России. Одним из последних таких проектов был проект социализации финансов как базового условия преодоления затянувшейся стагнации мировой и российской экономики, в основу которого была заложена модель беспроцентной экономики Сильвио Гезелля. Проект В.Т. Рязанова, включающий создание двухканальной системы перевода сбережений в инвестиции, позволяет преодолеть нереалистичность модели Гезелля, связанную с внедрением «свободных» денег, суть которых заключается в лишении их функции сбережения. Данная функция оказывается тормозом хозяйственного развития в условиях гипертрофированного финансового сектора, когда сбережения не трансформируются в соответствующие инвестиции, а «зависают» в кругообороте спекулятивных сделок. Достоинства проекта профессора Рязанова вполне очевидны — сдерживание экспансии финансово-спекулятивных операций, преодоление кейнсианских ловушек ликвидности за счет замещения неэффективной денежно-кредитной политики, политикой проектного финансирования, создание благоприятных условий для инновационного развития страны, обеспечение самостоятельности и независимости отечественной финансовой системы, заключил А.Ю. Протасов.

Далее д.э.н., профессор СПбГУ **М.А. Румянцев** дал анализ основных идей В.Т. Рязанова о методологии экономической науки,

обратив особое внимание на идеи, содержащиеся в последней книге Виктора Тимофеевича «Современная политическая экономия. Перспективы неомарксистского синтеза». В выступлении были раскрыты основные принципы «политэкономии особенного» В.Т. Рязанова как фундаментальной методологии отечественной экономической науки. Дело в том, что от того, как мы определяем всеобщее в экономике и в хозяйстве, зависят содержание, направленность и результаты исследований. Западному мейнстриму присуще понимание всеобщего в качестве общих для всех явлений формальных признаков. Из подобного концепта абстрактно-всеобщего или пустого всеобщего следует приоритет количества над качеством в экономических изысканиях, что нашло свой закономерный итог в экспансии количественных методов и моделей, выхолащивающих содержание хозяйственной жизни. Напротив, профессор Рязанов настаивал на необходимости «качественной методологии», согласно которой всеобщее выступает в виде конкретно-всеобщего начала, или генетического единства, хозяйственных явлений. Подлинно всеобщее, подчеркивал петербургский ученый, изначально выступает в виде особенного, которое в дальнейшем развивается в конкретную всеобщность в экономике. Отсюда следует важный вывод В.Т. Рязанова о том, что экономика не автономна, она погружена в свое конкретно-историческое цивилизационное пространство. Страны-лидеры навязывают свое особенное в качестве всеобщего для других. В действительности, мир хозяйства разнообразен и развивается по различным, непохожим траекториям.

Благодаря своему методологическому кредо В.Т. Рязанов получил плодотворные результаты при исследовании хозяйственного строя России — цивилизации Севера. Он отстаивал положения об асимметрии плана и рынка в отечественной экономике, о значении перераспределительного центра, о многоукладности хозяйственной системы страны и, в конечном счете, об особом пути России. Докладчик обратил внимание на значение антропологического подхода к экономике или, по словам В.Т. Рязанова, «полноценного разворота экономики к человеку» для

изучения современных метаморфоз хозяйственно-экономической жизни. В.Т. Рязанов обосновал необходимость познания человека в экономике во всей полноте его ценностей, мотиваций и целеполаганий, что исключительно важно. Дело в том, что акцент на субъектных рукотворных действиях, идущих от воли и целеполагания властных политико-экономических группировок, вменяющих новые параметры экономической реальности, позволяет избежать тупиков объективизма и многое понять в современных процессах перехода к дирижистскому типу регулирования экономики в условиях, по исключительному точному определению В.Т. Рязанова, «нереального капитализма». Наследие Виктора Тимофеевича Рязанова многогранно и бесценно, заключил М.А. Румянцев, оно обладает большим потенциалом для развития экономической науки России.

В выступлении д.э.н., профессора **К.А. Хубиева** (экономический факультет МГУ) по теме: «Воспроизводственный подход к исследованию экономической системы и воспроизводственная экономическая политика» было отмечено, что В.Т. Рязанов всегда позиционировал себя как политико-эконом. С позиций ее теории и методологии он писал свои научные труды и выражал свое гражданское отношение к реальности и судьбе России. В методологии он особое внимание уделял воспроизводственному подходу, который позволял рассматривать экономику как целостную и динамическую систему. Данный подход позволял проследить технологические цепочки до конечного результата, лучше понимать структуру экономики и выработать проекты ее развития. Логическим продолжением воспроизводственного подхода является воспроизводственная экономическая политика, которая дополнила бы фискальную и монетарную политику и явилась бы их основой. Главная ее функция должна состоять в разработке эффективной структуры национальной экономики с учетом требований современной технологической революции.

Воспроизводственная политика явится фундаментом решения судьбоносной для России задачи овладения технологиями четвертой промышленной революции. Решение этой задачи имеет тот же

смысл, что и в первой половине прошлого века — либо мы это сделаем, либо нас сомнут. Только теперь нет того союзного масштаба и необходимы стратегические партнеры. Прежде всего это Китай, который противостоит высокомерной, агрессивной политике глобального доминирования со стороны коллективного Запада во главе с США, подчеркнул профессор Хубиев.

В.Т. Рязанов, сказала д.э.н., профессор **Н.А. Шапиро** (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург) был ученым-исследователем, откликающимся на актуальные вызовы и проблемы. Так, только за 2020

г. e-library фиксирует десять его работ (из них одна даже датируется 2021 г.). Две работы посвящены проблемам кризиса экономики, связанного с коронавирусом. Одна из этих статей опубликована в журнале «Философия хозяйства». В этих работах в очередной раз проявились прекрасные аналитические способности В.Т. Рязанова, позволившие ему дать многофакторный анализ экономики в условиях пандемии COVID-19, а кроме того, невольно продемонстрировать верность логике фактов и научную честность, поскольку, будучи политэкономом по своим взглядам, он пришел к заключению, которое выходит за рамки политэкономической традиции. Статью «Новые технологии в экономике и коронавирусная пандемия: предварительные выводы» он завершает словами: «Вместо рыночной рациональности, воплощающей принцип выгоды на основе господства частных интересов, должен последовательно внедряться принцип социально-экологической рациональности». Некорректно додумывать, как бы Виктор Тимофеевич раскрыл «принцип социально-экологической рациональности», обращаясь к потенциалу современной политэкономии. В данном случае важно подчеркнуть, что в его рассуждениях о социально-экологической рациональности в интенции прослеживается обращение не к политэкономической парадигме, а к концепции устойчивого развития, которая напрямую с ней не связана, отметила Н.А. Шапиро.

В выступлении д.и.н., профессора **Г.Р. Наумовой** (исторический факультет МГУ) «Гуманитарный взгляд на современную науку» было отмечено, что Виктор Тимофеевич Рязанов — ученый безусловно выдающийся и самобытный. Он интересен и для исторической науки, особенно той ее части, которая традиционно занята историей народного хозяйства России.

Военное поколение российских историков внесло несомненный вклад в изучение крестьянской альтернативы народного хозяйства России. Однако встречи экономической и исторической наук на рубеже XIX—XX вв. не случилось. Каждая наука осталась при своем умозрении. Такое впечатление, что экономическая наука бежала от исторического опыта, а историческая наука сознательно отклонялась от привнесения в нее экономического дискурса, констатировала профессор Наумова.

Говоря о «Диалектике либерализма», действительный член НАН Украины, д.э.н., профессор **А.А. Гриценко** (Институт экономики и прогнозирования НАН Украины, г. Киев) акцентировал, что нужно различать либерализм как идею, принцип, идеологию и практику и его последствия. Он обратил внимание на то, что Л. Мизес в 1962 г. упрекал либералов в том, что они стали социалистами, а П. Кругман в 2009 г. называл либералов консерваторами. Объективная диалектика вступающих в конкурентную борьбу равноправных участников приводит к тому, что одни в результате банкротств и ухудшения своего положения начинают требовать справедливости, вмешательства государства и выступают с социалистическими лозунгами, а другие в результате концентрации капитала и обогащения отстаивают прежний экономический порядок и становятся консерваторами. Таким образом, либерализм в силу внутренней диалектики превращается, с одной стороны, в социализм, а с другой — в консерватизм. Философия хозяйства, ставя человека в центр хозяйственных процессов и рассматривая государство и рынок как комплементарные образования, обосновывает хозяйственный дирижизм как инструмент разрешения противоречий либерализма, подчеркнул академик Гриценко.

В своем выступлении «Агония либеральной экономики как препятствие на пути к хозяйственному дирижизму» к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) определил современное состояние «либеральной» экономики как последнюю издыхающую фазу экономизма — квинтэссенции самоорганизующейся системы товарно-денежных отношений, предполагающей конкурентное взаимодействие хозяйствующих субъектов на пути к максимизации прибыли-дохода.

Пройдя исторически и логически последовательно все фазы своей эволюции: классическую конкуренцию мелкотоварных субъектов, конкуренцию капиталистических субъектов, фазу монополистического капитализма и достигнув своего эволюционного пика в фазе государственно-монополистического капитализма, общественный капитал со всей своей свирепой неистовой силой устремился в деэволюционное пике. Отсюда фаза мирохозяйственного глобального контекста, опосредованного феноменом транснациональных корпораций середины XX в., и полное тотальное превращение института государства в свой инструмент. Отсюда и фаза либерального экономизма 1980-х гг. в своей виртуально-финансовой метаморфозе, окончательно отрывающей посредством финансово-виртуальных деривативов финансовый блок отношений от реального сектора, тем самым его уничтожая. Это фактически знаменует разворачивание процесса необратимой агонии либерального экономизма и превращение его в технизм ультрамонополизма сети ТНК, окончательно отбрасывающих экономические отношения не только внутри себя, но и в целом в мировом хозяйстве. Зачистка мировой системы социализма как горизонта оставшегося рыночного ресурса и конкурента лишь отсрочила на два-три десятка лет этот процесс, но не изменила его содержание.

Очевидно, рыночно-капиталистическая версия эволюции экономического процесса демонстрирует неспособность историко-экономического возврата в лоно традиционных хозяйственных отношений, так как связывает свой крах с переходом к инклюзивному капитализму, отрицающему частную собственность,

государство, семью, религию, общество, социум и сводя перспективу человечества к современной нейро-цифровой, отрицающей человека и общество, версии рабства, утилизирующей процесс воспроизводства богатства.

Но остается Китай со своим опытом и теорией хозяйственного развития и дирижизма. Да и Россия своего последнего слова еще не сказала, заметил профессор Кашицын.

Представляя тему «Экономика среди хозяйства: соотношение и мера», д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону) сделал акцент на том, что именно диалектическое, а не какое-то иное единство экономики и общественного сектора образует то, что следует понимать под хозяйством. Причем содержанием хозяйства в одних условиях — например, Британского мира, ЕС, Японии — выступает экономика, в других — Индии, КНР, РФ — общественный сектор.

Если это диалектическое единство ослабевает вследствие нарушения исторически сложившихся пропорций в соотношении экономики и общественного сектора, то неизбежно снижение эффективности функционирования хозяйства как в любой стране, так и в мире в целом.

«Разве в ходе ваучеризации и приватизации кто-либо несет ответственность за соблюдение хотя бы элементарной здравомыслимой меры в деформации этих пропорций?» — обратился к аудитории профессор Бугаян. — «Нет! По откровениям г. Чубайса, он и его сторонники для разрушения власти коммунистов были готовы передать общественный сектор, находящийся в государственной собственности, в любые частные руки, приватизировать за любые цены и даже отдать бесплатно». Подобный подход ненаучен и даже нехозяйственен. Он, как и Октябрьский переворот XX в., абсолютно политико-революционен. Это всегда настоящее хозяйственное бедствие, последствия которого труднопреодолимы. Заклятые западные партнеры РФ это прекрасно понимают и, имея содержанием своих хозяйств экономику, могли бы в кооперации с иным содержанием стран БРИКС — их общественными секторами — дать мощный толчок развитию

мирового хозяйства в целом. Но предпочли другое — скоординированной санкционной политикой ситуацию в РФ законсервировать на возможно более длительный период».

Член-корреспондент НАН Украины, д.э.н., профессор **М.И. Зверяков** (заведующий кафедрой общей экономической теории Одесского национального экономического университета) акцентировал внимание на том, что сложившаяся модель капитализма в масштабах мирового хозяйства, а также ее специфически-исторические формы в отдельных странах постсоветского пространства являются выражением противоречий самого капитализма. Если абстрагироваться от этой исторической и логической связи, то нельзя понять природу той или иной модели, которая существует как в глобальном мире, так и в конкретно взятой стране. Эти противоречия действуют постоянно, они выражают развитие сущности самого капитализма, а также форм его проявления. Следует помнить, что существует историзм сущности, как и историзм формы. Сущность тоже развивается. Сущность не предпослана истории, она становится в процессе истории, а история развития капитализма — это процесс становления его сущности и форм проявления.

Говоря о научном наследии В.Т. Рязанова, профессор Зверяков отметил, что исследование особенностей становления глобального капитализма позволило ему выдвинуть плодотворную идею трансформации государственно-монополистического капитализма в глобально-монополистический. Итогом развития последнего становится углубление глобального неравенства как следствие реализации неолиберальной доктрины. Последняя предполагает господство глобальных транснациональных корпораций. При таком господстве страны периферийного капитализма не могут конкурировать с ними. Подгонка таких стран под стандарты неолиберальной теории еще больше усугубит это неравенство — это первое. Второе — поиски новой, более успешной модели хозяйственного устройства для стран с развивающейся экономикой позволили В.Т. Рязанову выдвинуть идею госкапиталистического развития. Успех многих стран Юго-

Восточной Азии продемонстрировал успехи такой модели развития. Опора на смешанный планово-рыночный механизм функционирования позволила создать платформу для реализации масштабной программы неоиндустриализации страны. Запуск госкапиталистической модели должен рассматриваться и в мирохозяйственном аспекте как альтернатива господству глобального финансового капитала, подытожил М.И. Зверяков.

Виктор Тимофеевич Рязанов, заметил к.э.н., доцент **В.А. Ушанков** (экономический факультет СПбГУ), в своем творчестве широко использовал методологию подразделения явлений как общее и частное. Примером такого методологического приема может служить соотношение понятий «хозяйство» и «экономика».

Существует несколько вариантов этимологии слова «хозяйство». Известный этимолог русского языка Фасмер, разъясняя происхождения слова «хозяйство», ссылается на знаменитые путевые записи тверского купца Афанасия Никитина (XV в.), известные под названием «Хождение за три моря». Путешествуя по Индии, Афанасий в отношении одного торговца употребляет слово «хозя». Так рождается восточный вариант происхождения слова «хозяйство», что означает владение авторитетного субъекта — старейшины, деспота, хозяина («ходхжа»).

Западный вариант происхождения слова «хозяйство» исходит от готского корня «hus» (хоз), «haus», или восточнославянского «хижа» («híža»), что звучит как «хижина» и близкое к этому «хата», «халупа». Отсюда современная интерпретация «хаузяйство» как «хозяйство».

Отличительная особенность западного варианта происхождения слова «хозяйство» состоит в том, что оно происходит от «дома». Но дом здесь не строение, а жизнеобеспечивающая форма совместного сосуществования некой общности людей. Не случайно, западный вариант этимологии слова «хозяйство» (от «haus») по своему значению совпадает с греческим словом «ойкономия» (от «ойкос»).

Русский язык, несмотря на схожесть происхождения слов «хозяйство» и «экономика», исходит из принципиального их

различия. Хозяйство — это наиболее общая форма жизнедеятельности человека, суть которой — воспроизводство всех ее участников. Напротив, «экономика» — более частное, исторически определенное явление. Отсюда — ведение хозяйства происходит экономно, подчеркнул В.А. Ушанков.

Противоположности сущности экономики и хозяйства было посвящено выступление д.э.н., профессора **И.В. Пшеницына**. Эта противоположность выражается в принципиальном различии способов связи поколений в национальной экономике и в народном хозяйстве. В экономике связь поколений обусловлена развитием производительных сил, средств производства и соответствующих им отношениями собственности. Каждое поколение получает наследство в виде городов, заводов, электростанций, железных дорог и других основных фондов и должно приумножить и передать его следующему поколению. Так образуется история цивилизации, проходящей различные общественно-экономические формации: рабовладение, феодализм, капитализм или социализм. Глубинную Россию и ее народное хозяйство отличает принципиально иной способ связи поколений, объясняющий бессмертие души человека. Жизнеотправление человека выражается в обретении им родительского статуса, в размещении его души в нарождающемся поколении, в создании духовных скреп, образующих народ. Этот коллективный народнохозяйственный процесс бессмертия души отличает Глубинную Россию от любой экономической цивилизации — таков вывод профессора Пшеницына.

«Философия хозяйства есть целостное знание, имеющее статус откровения, сочетающего в себе общечеловечность и русизм, — акцентировал в своем выступлении д.ф.н., профессор **Н.Б. Шулевский** (философский факультет МГУ). — Почему философия хозяйства есть именно откровение, откровенческое знание?»

Во-первых, нет аксиом, из которых можно вывести содержание философии хозяйства, нет изначального знания, на которое она могла бы опираться. Во-вторых, нет фактов, опытных данных, из которых путем обобщения и анализа можно индуцировать философию хозяйства. Фактов хозяйствования

предостаточно, но они служат не причиной, а лишь условием философии хозяйства, которая своим откровением воспитывает свою фактологию. Должность факта опытные данные обретают по смысловому решению философии хозяйства. В-третьих, философия хозяйства вообще не вытекает, не порождается современным социо-историческим и культурным контекстом, будучи независимой от него, трансформируя его в контекст хозяйственного бытия. Человечество сегодня доживает свои времена в логосном контексте, в котором все его проблемы решаются посредством абстракций, а поскольку абстракции не дают понимания и разрешения этих противоречий, то в ход идет грубое насилие. Философия хозяйства возникла вместе с софийным т. е. идеальным, контекстом и решает противоречия посредством смысловых разрешений и понимания. В-четвертых, содержание философии хозяйства не развертывается через родовидовые отношения, ибо и хозяйство, и философия суть предельные категории, которые являются и субъектом, и объектом, и плодом своего самоопределения. Философия хозяйства сама определяет себя посредством откровения в качестве смыслового пространства хозяйствования и служит делу продолжения жизни».

«XXI век: от неолиберальной утопии к авторитарному гуманизму» — так обозначил тему своего выступления д.э.н., профессор **М.М. Гузев** (Волжский филиал ВолГУ). В XXI в. изменились общепланетарные условия реализации либеральной идеи, которая по-прежнему ориентирует на первичные — по сути примитивные — человеческие потребности. Такова ее природа, и никакие «нео» этой сути не меняют. Сверхзадача перед человеческим сообществом состоит не в том, как сохранить либерализм и либеральную экономику, а в том, как его устранить, не устраняя саму жизнь на Земле.

Альтернатива — практический гуманизм. В XX в. его достичь не смогли, а в XXI в. — уже поздно. В Новое время уже не политика — концентрированное выражение экономики, а экономика становится инструментом политики, направленной, надеемся, на сохранение цивилизации людей. Выход — в переходе к авторитарному гуманизму, последним подтверждением чего

являются результаты борьбы с пандемией в различных странах. Для России — это национальная модель авторитарного гуманизма, заявил профессор Гузев.

Обозначив тему своего выступления «Пандемия COVID-19 как инструмент глобальной политики», д.э.н., профессор **С.С. Слепаков** (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Пятигорск) отметил, что в хозяйстве современного глобального мира системно и целенаправленно *разрушаются консервативные основы семьи, частной собственности и государства*. Вплоть до целенаправленного, динамичного цифрового разрушения феномена «приватности индивидов». В выборе между экономикой и политикой глобализм отдал безоговорочное предпочтение высокотехнологичному политическому доминированию. В XXI в. инструментарий глобальной политики претерпевает существенные перемены. В «новые времена», в условиях кризиса мировой финансовой системы и возвращения к многополярному миру, потенциал глобального доминирования доллара сокращается. Охрана и защита системы глобального доминирования в новых условиях потребовали иного, безальтернативного и неконкурентного инструмента, более надежного, чем монополия глобального доллара. Таковым «иным» инструментом в 2020 г. стала пандемия ковида, сделал вывод профессор Слепаков.

В выступлении на тему: «Конфликты и компромиссы: от экономического либерализма к хозяйственному дирижизму» д.э.н., профессор **В.В. Чекмарев** (г. Кострома) обосновал позицию, согласно которой вызовы развитию государства делают необходимым положить в основу государственной экономической политики переход от экономического либерализма к хозяйственному дирижизму. Излагая суть своей позиции, он вступил в диалог с идеями, представленными в работах В.Т. Рязанова, предложив новые аргументы в пользу понимания хозяйства как единства природно-хозяйственного и экономического в процессе соэволюции *природы и человека*.

Слава богу, заметил профессор Чекмарев, что в нашей стране политэкономы, обладающие, как и Виктор Тимофеевич Рязанов,

умом, талантом, широтой взглядов, присущих истинному русскому интеллигенту, пока еще есть!

Многие сегодня говорили о непонимании происходящего, о том, что мы еще только в начале этого пути, сказал к.т.н., доцент **О.В. Доброчеев** (НИЦ «Курчатовский институт»). Но тему дирижизма Ю.М. Осипов поставил давно. И первые ответы появились еще в трудах декабрьской 2013 г. конференции, состоявшейся в МГУ. Обращение к искусству как первоисточнику аналогии позволило тогда помимо вопроса — либерализм или дирижизм — озаботиться еще и рядом других. Например, какого рода экономическим произведением (явлением) мы дирижируем или хотим дирижировать? И владеем ли мы экономической грамотностью хотя бы на уровне Гармонии Небесных Сфер Пифагора? Тогда, заметил Доброчеев, в его докладе были описаны лишь некоторые «Ноты всемирной исторической симфонии», которые вытекают из турбулентной модели экономики (эти идеи были опубликованы в журнале «Философия хозяйства», 2020, № 2). Например, 24-летняя волна украинской экономики 1990—2014 гг. к сегодняшнему дню полностью проявилась. Или четыре волны американской экономики по 60 лет 1876—2016 гг., приведшие страну к ее новому реформатированию. Сегодня эта волновая модель позволяет прогнозировать некоторые фрагменты драмы под названием «глобализация». Например, рассматривать складывающуюся ситуацию (рассчитывать динамику народонаселения на сотню лет вперед) как более масштабное повторение российского «застоя» и т. п. и извлекать, таким образом, новые знания для стабилизации положения как в мире, так и России, предложил О.В. Доброчеев.

Закljučая заседание, **Ю.М. Осипов** отметил, что обсуждение подтвердило, «насколько актуальна поднятая на семинаре проблема и насколько она неразрешима, но не как что-то надуманное и реальности не нужное, а как практически сегодня невозможное к реальному исполнению.

Ситуация в нынешней России напоминает ситуацию в СССР рубежа 1920—1930-х гг., когда нужно было переходить рывком от

благодетельного-де НЭПа (новой экономической политики) к неблагоприятному-де ИНЭПу (к иной экономической политике), а точнее — к НХП (к новой хозяйственной политике), то бишь, как на деле вышло, к жесткому сталинскому дирижизму. И реальность таки заставила это сделать: мало того, что перешли, так и построили затем новое хозяйство, новую страну, новую мощь (при активном участии, кстати, тех же американцев).

Нужно заметить, что все страны с чудо-рывками в хозяйственном развитии прошли фазу не то что хозяйственного дирижизма, а самой что ни на есть настоящей хозяйственной диктатуры, не отвергавшей экономики с ее предпринимательством, капиталами, финансами и даже свободой, а ее — эту самую экономику — умело использовавшей, однако в контролируемом, управляемом, даже и в подчиненном состоянии и режиме функционирования. Все чудо-страны, все! И тут нет ничего ни удивительного, ни невозможного!

Так, к примеру, та же ФРГ, избавившись вроде бы от фашистского командного управления хозяйством и экономикой вполне сохранила практику, скажем так, согласованного, или согласительного, дирижизма, когда членство в предпринимательских союзах, включая и банковский союз, было обязательным, а исполнение решений этих союзов было для членов союзов тоже обязательным. И если учесть, что имел место и действовал общенациональный союзо-предпринимательский центр, согласовывавший свои решения и действия с федеральным правительством и центральным банком, то никакого сомнения в хозяйственно-экономическом дирижизме, обеспечившем, наряду с американской помощью, так называемое “германское чудо”, не возникает.

Что касается нас, то бишь России, то все нынче упирается в высшее правление и окружающую его экономическую элиту, которым надо не только признать правоту хозяйственного дирижизма, но и пойти на буквальный для них подвиг, на который, судя по всему, “прихватизаторы” и “присвоители” попросту не способны. Хочешь, не хочешь, а смена правящей элиты на повестке

дня, прямо как на рубеже 1920—1930-х гг. Бытие-история прет себе и прет, и ежели оно допустило разорительные 1990-е, то с не меньшим энтузиазмом оно способно допустить и созидательные 2020-е, только вот какие по манере исполнения?

Виктор Тимофеевич Рязанов стоял за “новую индустриализацию”, включавшую и возможность развития “искусственного разума”, но он, как и мы с вами, никак не отрицал главенствующей роли естественного разума, как раз вполне себе дирижистского. Станется сие или нет, решать реальному бытию-истории, но, замечу особо, профессор Рязанов верил в то, что все-таки станется! Светлая ему память!

Спасибо всем участникам дискуссии и ее заинтересованным слушателям: что смогли, то мы и сделали, пусть кто-нибудь попробует сие нами проговоренное опровергнуть!».

Литература

1. *Зотова Е.С.* Экономика среди хозяйства: от экономического либерализма к хозяйственному дирижизму (обзор теоретического семинара, посвященного памяти В.Т. Рязанова) // Вопросы политической экономии. 2021 № 2 (26). С. 167—174
2. *Коронованная пандемия и зачарованный мир: монография / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой.* Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2020. 408 с.

References

1. *Zotova E.S.* Ekonomika sredi hozyajstva: ot ekonomicheskogo liberalizma k hozyajstvennomu dirizhizmu (obzor teoreticheskogo seminara, posvyashchennogo pamyati V.T. Ryazanova) // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2021 № 2 (26). S. 167—174.
2. *Koronovannaya pandemiya i zacharovannyj mir: monografiya / Pod red. YU.M. Osipova, A.YU. Arhipova, E.S. Zotovoj.* Rostov n/D; Taganrog: Izd-vo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2020. 408 s.

* * *

20 мая 2021 г. в г. Ростове-на-Дону в очно-дистанционном формате состоялось заседание секции «Философия хозяйства в осмыслении глобальных перемен», организованной Южным федеральным университетом при участии научного совета «Центр общественных наук МГУ» в рамках VIII международной научно-практической конференции «Многополярная глобализация и Россия», на которой с пленарным докладом «Россиезация России как актуальный исторический императив» выступил д.э.н., профессор Ю.М. Осипов.

В заседании секции (модератор — Ю.М. Осипов) приняли участие доктор наук М.М. Гузев (Волжский), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), кандидаты наук А.Н. Козлов (Ростов н/Д), И.М. Ширяев (Ростов н/Д), В.В. Кашицын (Новороссийск), А.В. Андреева, О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, а также сотрудник ЮФУ И.И. Веткин.

Е.С. ЗОТОВА

**Философия хозяйства в осмыслении глобальных перемен
(дискуссия на конференции памяти А.Ю. Архипова)***

Аннотация. Представлен обзор выступлений на секции «Философия хозяйства в осмыслении глобальных перемен» VIII международной научно-практической конференции памяти А.Ю. Архипова «Многополярная глобализация и Россия» (20—22 мая 2021 г., Ростов-на-Дону).

Ключевые слова: философия хозяйства, глобализация, Россия, глобальный мир, А.Ю. Архипов.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Философия хозяйства в осмыслении глобальных перемен (дискуссия на конференции памяти А.Ю. Архипова) // Философия хозяйства. 2021. № 4. С. 285—290.

Abstract. The article presents an overview of reports at the session «The Philosophy of Economy in Global Changes Understanding» of the VIII International Scientific and practical conference in memory of A. Yu. Arkhipov «Multipolar Globalization and Russia» (May 20—22, 2021, Rostov-na-Donu).

Keywords: philosophy of economy, globalization, Russia, global world, A. Yu. Arkhipov.

УДК 33, 314/316
ББК 65.в

Заседание секции «Философия хозяйства в осмыслении глобальных перемен», организованной при участии научного совета «Центр общественных наук МГУ», состоялось в очно-дистанционном формате в рамках VIII международной научно-практической конференции «Многополярная глобализация и Россия» в Южном федеральном университете 20—22 мая 2021 г. Конференция была посвящена памяти Алексея Юрьевича Архипова, первого вице-президента Академии философии хозяйства, многолетнего организатора «архиповских» конференций в Ростове-на-Дону.

Открывая заседание, д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова) рассказал о важной роли профессора Архипова, видного ученого и организатора науки, замечательного и благородного человека, в организации и деятельности Академии философии хозяйства...

Обращаясь к теме конференции, Ю.М. Осипов констатировал: в мире идет новая мировая война, напоминающая обостренную конкуренцию, но эта конкуренция не на жизнь, а на смерть. Была попытка подчинить мир США — для этого была выдвинута идея глобализма. Если вы помните, заметил профессор Осипов, до этого была мондиализация, а до нее — интернационализация, а потом появилась идея глобализации. Оказалось, что это вроде интеграции мира, но интеграции — как показала практика — под водительством США (как мы и предвидели).

Такое управление для мира невозможно — оно неэффективно, оно так или иначе приводит к управлению «под себя», под интересы управляющего. И так или иначе мир вступил в кризис апокалиптического характера, т. е. в такой кризис, из которого нет заранее предусмотренного выхода. Современный мир — это мир-кризис, мир-война, война гибридная, гуманитарная, цивилизационная, точнее — антицивилизационная.

«Мир в эпоху Постмодерна умудрился так вывернуться — наизнанку, — что в нем теперь главенствует антимир. И если человечество хочет остаться человечеством, оно должно бороться с этим антимиром. Это война особого рода — это не война между народами, государствами, цивилизациями, идеологиями. Это война между миром и антимиром, между человеком и античеловеком... России нужно поверить в саму себя, повернуться к самой себе!», — заключил Ю.М. Осипов.

В своем выступлении «Перемены эволюции против перемен деволуции» к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) заметил, что перемены вообще и современные в частности имеют бинарную природу, т. е. делятся на фундаментальные и функциональные. Первые, выводя новый технологический уклад в лидеры, в конечном итоге формируют новый абрис гармонизации шести технологических укладов, что и стимулирует повышательный развительный тренд. Вторые — «дырозатыкательные» — усиливают диспропорции будущего, воспроизводят традиционный способ господства в перераспределении богатства и тем самым блокируют развитие, оставляя втуне генерацию осмысленной экономической политики. А проблему развития подменяют переменами вообще, сводя последние к информационно-коммуникативным «айтишным» перформансам, обесценивая тем самым перемены и придавая им псевдомистический виртуальный характер, подавляя и иррационализируя реальные экономические процессы.

Проекция этих двух типов перемен в плоскость формирования адекватного развитию качества политико-экономической среды предполагает идентификацию перемен (в части «про и контра»

развития) как в экономической и управленческой плоскостях, так и в цивилизационной.

Поскольку суть современного регресса сводится к возвращению к братьям нашим меньшим — к приматам, то и методологию идентификации перемен, предполагающую возвращение к развитию, докладчик обозначил пятью первостепенными приматами: 1) приматом взаимосвязанной проблематики странового саморазвития по отношению к мирохозяйственной; 2) приматом взаимосвязанной проблематики политико-экономической среды страны (внутренний рынок) по отношению к управленческой, а в управлении — к правовой, предполагающей включение механизма солидарной мотивации и интересов в гармонизации кратко-, средне- и долгосрочной трансформации; 3) приматом историко-культурной, традиционной и цивилизационной взаимосвязанной проблематики нации и страны по отношению к мировой (читай западной); 4) приматом в использовании НТП применительно к проблематике гармонизации воспроизводственного контура по отношению к управлению (коммуникационно-управленческий иррациональный детерминизм); 5) приматом демографии и обороны как главного сквозного приоритета, но выверяемого исключительно на научной основе.

Другими словами, заявил профессор Кашицын, сложившийся и укоренившийся в управлении и принятии решений механизм «дырозатыкания» в переменах абсолютно опасен, нетерпим и неприемлем!

Нынешняя глобализация, сказал д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС), подготовлена предыдущими, вызванными прогрессивными изменениями: первым — в экономической науке и навигации (Карфаген), вторым — в производстве железа и орудий труда (Армения), третьим — в использовании естественных сил природы и животных и четвертым — инженерными изобретениями Британского мира (паровая машина, двигатель внутреннего сгорания и др.). Если исходить из предположения о существовании глобального цикла «исследование — производство»,

пронизывающего все перечисленное, то можно заметить, что все прогрессивные изменения были возможны, когда факторы в производственной функции типа Кобба—Дугласа были доминирующими — последовательно имели коэффициенты эластичности больше 0,5, притягивая, тем самым, основную часть инвестиций и вызывая соответствующие «глобализации» на базе посреднического предпринимательства, труда, земли или капитала. Затем вновь произошел возврат к предпринимательству, но уже не к посредническому, а основанному на новых и информационных технологиях, возникших в результате взаимосвязанных прогрессивных изменений в науке, технике, производстве, вызванных предшествующими глобализациями, т. е. НТР и НТП, заметил профессор Бугаян.

В условиях глобальных и — главное — непредсказуемых перемен, охватывающих все сферы жизнедеятельности современного общества, сказал д.э.н., профессор **М.М. Гузев** (Волжский филиал ВолГУ), России давно пора определиться и с экономической моделью, и с социальным устройством общества, и с долгосрочной стратегией развития. Нынешнее положение мало кого устраивает (исключая олигархат), не позволяет ставить задачи, ориентированные на реализацию национальных интересов: принимаемые проекты и стратегии развития России (2020, 2030 и др.) благополучно превращаются в «прожекторы». Пришло время перемен в России. Нужен новый общенациональный политический и социально-экономический проект, отражающий интересы всего народа, а не только властвующей элиты. Ни Запад, ни Восток нам не помогут, мы сами должны вернуться к национальным истокам, осознав, что мы — отдельная цивилизация, подчеркнул профессор Гузев.

В докладе «Жизнеподобная модель глобальных перемен» к.т.н. **О.В. Доброчеев** (НИЦ «Курчатовский институт») отметил, что философия хозяйства в силу специфики объекта исследования имеет в арсенале физико-математический инструментарий. Применяя его для осмысления глобальных перемен, мы можем раскрыть

некоторые детали обсуждаемой сегодня темы, невидимые другими средствами анализа.

Таблица 1

Фаза	Содержание — расчетный год
0	Начало волны, перерождение: <i>Великая депрессия, Серебряный век</i> — 1926
1/8	Начало самоорганизации ГВ: <i>конференция в Тегеране</i> — 1943
1/4	Начало восхождения ГВ: <i>полет Гагарина в космос</i> — 1961
3/8	Устойчивый рост: <i>сотрудничество СССР—США (Союз-Аполлон)</i> — 1978
1/2	Однополярный мир 1991: <i>экономические кризисы</i> — 1997—1998 — 1996
2/3	Вершина социально-экономического развития: <i>кризис Covid-19</i> — 2019
3/4	Начало системного кризиса (<i>аналог в СССР — 1981</i>) — 2031
7/8	Перелом: (<i>аналоги: открытие Америки в 1492 г., война 1914 г.</i>) — 2048
1	Начало следующей волны, Пик творчества — 2066

Основные фазы нынешней глобальной волны (1926—2066)

В частности, можно детализировать содержание критической, по мнению Ю.М. Осипова, ее нынешней исторической фазы, которая, с точки зрения докладчика, началась с Великой депрессии 1926 г. Для этого достаточно воспользоваться физической интерпретацией идеи В. Ключевского о том, что исторические тела рождаются, живут и гибнут, как и биологические. В результате мы получаем представленные в табл. 1 основные фазы нынешней глобальной волны (ГВ) 1926—2066 гг.

Мы видим высокую степень согласия расчетных критических фаз истории с основополагающими событиями на протяжении 2/3 глобальной волны. Поэтому, предположил докладчик, мы можем воспользоваться ее прогнозными оценками на оставшуюся треть для продуктивного планирования своего будущего.

В докладе «К проблеме институционального регулирования национальной инновационной системы в России» к.э.н. **И.М.**

Ширяев (ЮФУ, Ростов-на-Дону) заметил, что проблемой институционального регулирования национальной инновационной системы в России является то, что существующие институты, регулирующие инновационную деятельность, создают стимулы для экономических субъектов, которые не способствуют внедрению инноваций. Институциональное регулирование инновационной деятельности оказывается неэффективным, если создает препятствия для использования индивидами своих прав собственности, ограничивает свободную предпринимательскую деятельность по созданию, открытию и использованию средств для достижения своих целей. Также неэффективно институциональное регулирование инновационной деятельности, основанное на назначении определенных субъектов (государственных органов, вузов, НИИ, фирм в технопарках или особых экономических зонах и пр.) ответственными за инновации. Эффективное институциональное регулирование инновационной деятельности опирается на принципы свободы, справедливости и конкуренции, подчеркнул И.М. Ширяев.

Завершая заседание секции, **Ю.М. Осипов** сделал акцент на том, что перед страной стоят грандиозные задачи, которые нужно осмысливать. Вестернизация, которой увлеклись правители, нас погубит. Нужно свое видение, свое перестроение. Цель — работать ради России, ради ее выживания (речь идет даже не о процветании), чтобы она нашла себя и была самой собою.

* * *

17 июня 2021 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «**Неувядаемая мысль: к 150-летию С.Н. Булгакова**» (в режиме видеоконференции), на котором выступили декан факультета, д.э.н.

А.А. Аузан, декан Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, д-р богосл. о. Николай Чернокрак, доктора наук Ю.М. Осипов (модератор), Ф.И. Гиренок, В.М. Кульков, В.А. Кутырёв (Н. Новгород), М.Г. Покидченко, С.В. Синяков (Киев, Украина), Л.А. Тугов, Н.Б. Шулевский, кандидаты наук Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, научный сотрудник Т.С. Сухина.

АНОНСЫ
ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Россия: земля и люди»

на тему:

***«Рассеянные будни потрясенной России:
ожидания, миражи, реалии»***

Разве будни российские ныне не рассеянные, а, наоборот, вовсю определенные, стройные, проектные, надежные, понятные, наконец? То, что ожидания людские неопределенны, а просматриваемые ими горизонты вполне себе миражны, то бишь то и другое и впрямь рассеянное — это более или менее попятно, но вот объективные, так сказать, реалии, еще и каждодневные, они-то что — разве не задеты необъятным, весьма уже и институциональным хаосом? Новые времена — новый мир — новая реальность, ну и новая ее рассеянность, прямо-таки сетевая, в сети и сквозь сети, вполне себе тоже рассеянные. Надолго ли все это, а может, и навсегда?

30 июня 2021 г. (онлайн)

(Совместно с Тамбовским государственным университетом
имени Г.Р. Державина и администрацией Мучкапского района
Тамбовской области)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

30 лет ЦОН МГУ

**«Россия под натиском новых реалий:
цивилизация, социум, хозяйство»**

Несмотря на наличие в стране инерционных интенций сохранить и упрочить, лишь цифротронно модернизовав, пореформенное социо-хозяйственное устройство, новые реалии требуют больших системных перемен, позволяющих России, освободившись от давления неблагоприятного контекста, выйти на путь всестороннего развития и обретения самой себя. Большая историческая мистерия, вполне и судьбоносная!

Секции:

1. Цивилизация России: традиции и новины.
2. Социум России: состояние и тенденции.
3. Россия хозяйствующая: время и бремя перемен.

8—10 декабря 2021 г.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет; ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

ПОГРЕБНЯК АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра социальной философии и философии истории, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (*aapogrebnyak@gmail.com*).

НАУМОВА ГАЛИНА РОМАНОВНА,

доктор исторических наук, профессор, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*al.nikonof@yandex.ru*),

СИЗОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, ректор, Вятский социально-экономический институт, Киров, Россия (*rektor@vsei.ru*).

СМИРНОВ ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ,

кандидат исторических наук, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*post123_2000@mail.ru*).

НОВАК АЛОЙЗЫ ЗБИГНЕВ,

доктор экономических наук, профессор, ректор, Варшавский университет, Варшава, Польша (*ANowak@wz.uw.edu.pl*).

ПОКРЫТАН ПАВЕЛ АНАТОЛЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра глобальных социальных процессов, факультет глобальных процессов, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*pashmsu@mail.ru*).

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор, департамент мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*kuznetsov0572@mail.ru*).

ХАЗИН МИХАИЛ ЛЕОНИДОВИЧ,

президент Фонда экономических исследований М. Хазина, действительный государственный советник РФ (в отставке), Москва, Россия (*khazin@yandex.ru*).

ЯКОВЛЕВА НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр институтов социально-экономического развития, Институт экономики РАН, Москва, Россия (*tetn@yandex.ru*).

КАЛМЫКОВ АЛЕКСАНДР АЛЬБЕРТОВИЧ,

доктор филологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, кафедра теории и практики общественных связей, Российский государственный гуманитарный университет; профессор, Академия медиаиндустрии, Москва, Россия (*Alex.kalmykov@gmail.com*).

ОСИПОВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА,

доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия (*Osipova.EA@rea.ru*).

КЛЯГИН СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики общественных связей, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (*sklyagin@gmail.com*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

КОРНЕЕВ АНДРЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ,

аспирант, Институт философии РАН, Москва, Россия (*Kornand3@yandex.ru*).

ИВАНОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА,

аспирант, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*froradelfa91@gmail.com*).

ГОРБАЧЕВ МАКСИМ ДМИТРИЕВИЧ,

магистрант, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*mdgorbachevmsu@gmail.com*).

ГРИГОРЬЕВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА,

студентка, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*yatak.grig@yandex.ru*).

ГРИЦЕНКО АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ,

действительный член НАНУ, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины, Киев, Украина (*and.gryt@gmail.com*).

ЧИРКОВ МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*mospil@mail.ru*).

ЗОЛКИН АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ,

кандидат технических наук, доцент, кафедра информатики и вычислительной техники, факультет информационных систем и технологий, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики; доцент, кафедра естественно-научных дисциплин, Медицинский университет «Ревиз», Самара, Россия (*alzolkin@list.ru*).

ЧИСТЯКОВ МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ,

научный сотрудник, Владимирский филиал, Российский университет кооперации, Владимир, Россия (*shreyatax@mail.ru*).

ЛУКАШИНА ДАРЬЯ ИГОРЕВНА,

преподаватель, Владимирский филиал, Финансовый университет при Правительстве РФ; магистрант, факультет права и управления, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Россия (*daha1995@list.ru*).

ПАВЛОВ ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор, кафедра экономики предприятия, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет, Таганрог, Россия (*ppavlov@sfnu.ru*).

ЗАЩИТИНА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики предприятия, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет, Таганрог, Россия (*ekzashitina@sfnu.ru*).

ПУГАЧЕВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра финансов и кредита, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия (*andraxim@yandex.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва,

Россия

(eszotova@mail.ru).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (osipov.msu@mail.ru).

GIRENOK FEDOR IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (girenok@list.ru).

POGREBNIYAK ALEKSANDR ANATOLIEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia (aapogrebnyak@gmail.com).

NAUMOVA GALINA ROMANOVNA,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (al.nikonof@yandex.ru).

SIZOV VLADIMIR SERGEEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Rector, Vyatka Socio-Economic Institute, Kirov, Russia (rektor@vsei.ru).

SMIRNOV IGOR PAVLOVICH,

Candidate of Historical Sciences, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (post123_2000@mail.ru).

NOVAK ALOYZE ZBIGNEV,

Doctor of Economics, Professor, Rector, University of Warsaw, Warsaw, Poland (ANowak@wz.uw.edu.pl).

POKRYTAN PAVEL ANATOLYEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Global Social Processes, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (pashmsu@mail.ru).

KUZNETSOVALEKSEI VLADIMIROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Senior Researcher, Department of World Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (kuznetsov0572@mail.ru).

KHAZIN MIKHAIL LEONIDOVICH?

president of the Economic Research Foundation M. Khazin, Moscow, Russia (khazin@yandex.ru).

YAKOVLEVA NATALYA GENNADIEVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Center for Institutes of Socio-Economic Development, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (tetn@yandex.ru).

KALMYKOV ALEXANDER ALBERTOVICH,

Doctor of Philology, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Theory and Practice of Public Relations, Russian State University for the Humanities; Professor, Academy of Media Industry, Moscow, Russia (Alex.kalmykov@gmail.com).

OSIPOVA ELENA ANATOLIEVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Advertising, Public Relations and Design, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia (Osipova.EA@rea.ru).

KLYAGIN SERGEY VYACHESLAVOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chair of Department Communication Studies and Public Affairs, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (sklyagin@gmail.com).

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (shylevsk@mail.ru).

KORNEEV ANDREY GENNADIEVICH,

Graduate Student, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (Kornand3@yandex.ru).

IVANOVA TATIANA ALEKSANDROVNA,

Graduate Student, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (froradelfa91@gmail.com).

GORBACHEV MAXIM DMITRIEVICH,

Master's Student, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (mdgorbachevmsu@gmail.com).

GRIGORYEVA EKATERINA SERGEEVNA,

Student, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (yatak.grig@yandex.ru).

GRITSENKO ANDREY ANDREEVICH,

Full Member of the NASU, Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics and Forecasting of the NAS of Ukraine, Kiev, Ukraine (and.gryt@gmail.com).

CHIRKOV MAXIM ANDREEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*mospil@mail.ru*).

ZOLKIN ALEXANDER LEONIDOVICH,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Department of Computer Science and Computer Engineering, Faculty of Information Systems and Technologies, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics; Associate Professor, Natural Sciences Department, Medical University «Reaviz», Samara, Russia (*alzolkin@list.ru*).

CHISTYAKOV MAXIM SERGEEVICH,

Researcher, Vladimir Branch, Russian University of Cooperation, Vladimir, Russia (*shreyamax@mail.ru*).

LUKASHINA DARIA IGOREVNA,

Lecturer, Vladimir Branch, Financial University under the Government of the Russian Federation; Master's Student, Vladimir Law Institute of the Federal Service for the Execution of Punishments, Vladimir, Russia (*da-ha1995@list.ru*).

PAVLOV PAVEL VLADIMIROVICH,

Doctor of Economics, Doctor of Law, Professor, Business Economics Department, Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems Southern Federal University, Taganrog, Russia (*ppavlov@sfnu.ru*).

ZASHCHITINA ELENA KONSTANTINOVNA,

Candidate of Economics, Assistant Professor, Business Economics Department, Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems Southern Federal University, Taganrog, Russia (*ekzashitina@sfnu.ru*).

PUGAVHEV ANDREY ALEKSANDROVICH,

Candidate of Economics, Assistant Professor, Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia (*andrjim@yandex.ru*).

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 40000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы); адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Таблицы выполняются табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Рисунки и схемы, выполненные в Word, сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** по ширине не должен превышать 11 см. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.

